

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 11 (1694)

2018

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

Год издания 73-й

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

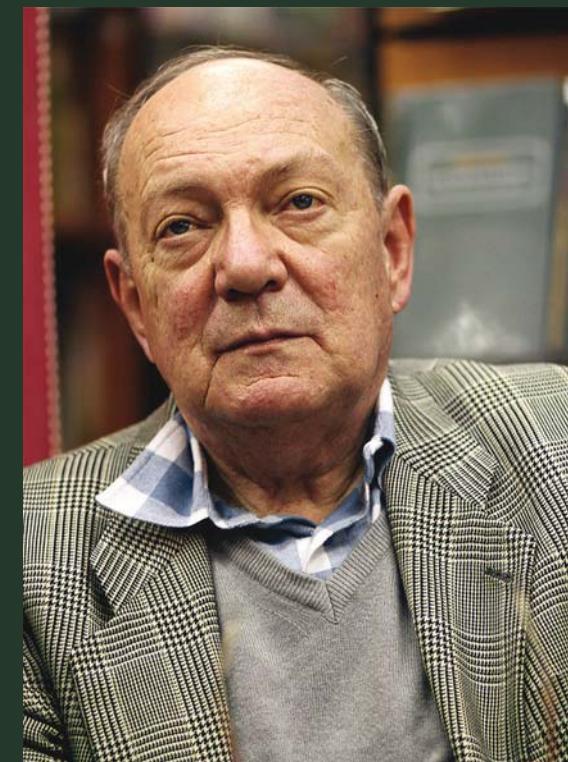
Семён Милосердов

БАРАКИ

Незрячие, в метельном полумраке,
Средь вологодских ёлок и снегов
Я помню те холдные бараки
Для спецпереселенцев, кулаков.
Январь. Трещали сосны на морозе.
Гуляли по баракам сквозняки.
На нарах умирала тётя Фрося,
И с голодухи пухли старики.
Улыбки стёрла и согнула плечи
Тоскливая таёжная судьба.
И только в снах ещё топились печи,
Стояла под берёзами изба...
И нам была, мальишкам, непонятна
Такая жизнь. И мы на весь барак
Скулили, как паршивые щенята,
Что брошены хозяином в овраг.
И я не написал бы эти строки,
Когда бы не крестный, не его приезд...
Болота. Мух. Вороны да сороки.
Унылое безнадёде ссылочных мест.
И высился угрюмые, как знаки
Эпохи разоренья мужиков
Доштатые, щелевые бараки
Средь вологодских ёлок и снегов.



ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1945 ГОДУ В ЭМИГРАЦИИ
С 1992 ГОДА ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ



Анатолий Гладилин
21.07.1935 – 24.10.2018

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения издательства
POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Редакционная коллегия:

Т.П. Артемова, Б.Д. Бедросьян,
А.Б. Васильев, М.А. Васьков,
С.В. Волков, А.Б. Горянин,
В.Э. Долинин, С.П. Иванов,
О.А. Кузнецова, Б.С. Пушкиров,
А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков,
Д.А. Тимохина, В.Г. Чичерюкин-
Мейнгардт, И.Ю. Шауб

Компьютерная вёрстка
А.Н. Моренко

Корректор
М.Е. Ганова-Полянская

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва,
ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс (495) 625-9248

E-mail: posevru@gmail.com
<http://posev.org>

Отпечатано в ООО «Галлея-Принт»
111024, Москва, ул. Кабельная 5-я, д. 26

Тираж 800 экз.
Подписано в печать 20.10.2018

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
<http://www.posev.de>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федерации
29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072
Цена свободная

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 11 (1694) ноябрь 2018 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Никита Кузнецов, Дарья Тимохина

Белый Омск 1918–2018. 2

Александр Горянин

Русское чудо XVII века. 6

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Виктор Грановский

Интеллигенция. «Вехи». Социализм. 7

Святослав Иванов

Дефицит совести и солидарности 14

Валентин Коновалов

Политическая хроника провинциального
бытия (Окончание) 17

Антон Васильев

Сан Мин, или Солидаризм иероглифами .. 22

К ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Александр Лосунов

Столица Белой России 25

Алексей Быков

Крестьяне Русского Севера в мемуарах
американцев 1918–1919 годов 30

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Александр Горянин

Одна из главных утрат России. 36

Вячеслав Долинин

Свободное Межпрофессиональное
Объединение трудящихся (СМОТ).

К 40-летию создания 38

Репников А.В.

Операция «Трест»: Василий Шульгин
в паутине спецслужб. 42

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Моё знакомство с тамиздатом и
самиздатом 46

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Владимир Флёров

Памяти друга 48



Никита Кузнецов, Дарья Тимохина

Белый Омск 1918–2018

Мы посетили Омск накануне столетия со дня прибытия в город адмирала А.В. Колчака и провозглашения его затем Верховным Правителем России. Непосредственной целью нашей командировки было проведение двух культурных мероприятий – открытие фотодокументальной выставки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына «Странник полуночной земли», посвящённой выдающемуся полярному исследователю вице-адмиралу Н.Н. Коломейцеву (1867–1944), и презентация книжных новинок издательства «Посев». Но нам как историкам было интересно, наконец, увидеть сам город, сыгравший столь важную роль в истории России в период Гражданской войны, знаковые объекты Белого Омска, изучить особенности исторической памяти современных омичей: как трактуют они события столетней давности? Что знают об истории Гражданской войны в Сибири? Каково отношение к Белому движению и к адмиралу Колчаку? Какие «места памяти» и топонимы напоминают о людях и событиях Гражданской войны? Ведутся ли «бои за историю» Гражданской войны, продолжается ли «война с памятниками» и какова позиция местных историков, краеведов, официальных лиц и СМИ?

Третья столица (это неофициальное название стало одним из «брэндов» города при Л.К. Полежаеве, стоявшем во главе Омской области в 1990–2012 годах) встретила нас по-настоящему летней погодой и гротескной суматохой провинциального города: работники аэропорта старательно сверяли данные купонов посадочных талонов с багажными бирками, а приложение «Яндекс. Такси» и дублирующая его стойка вызова сообщали о том, что свободных машин нет. Словоохотливый таксист «от диспетчера» за время нашего короткого путешествия – аэропорт в Омске расположен всего в 5 км от центра города, на другом берегу р. Иртыш – успел рассказать о высоких ценах и плохих дорогах, поведать печальную эпопею о строительстве метро (начатое в 1992 году строительство в мае этого года заморозили, скорее всего, окончательно), и по-дружески предупредил, что автобусов не дождаться, особенно вечером. Второй удивленный за день таксист уже принял нас за местных и вопросил: «Когда откроют мост?» Речь, как потом оказалось, шла о Юбилейном мосте в центре города, который действительно открыли 3 октября.

Первым пунктом культурной программы стал уникальный, пожалуй, единственный в стране и хорошо известный уже за пределами Омска Центр изучения истории Гражданской войны – структурное подразделение Исторического архива Омской области. Центр был создан в 2011 году по инициативе Л.К. Полежаева и расположился в «святая святых» Белого Омска – в здании резиденции Верховного Правителя. Шикарный особняк К.А. Батюшкина (эклектика) на набережной Иртыша за сто лет сменил немало владельцев: вскоре после падения колчаковской столицы здесь разместилось Сибир-

ское управление военных учебных заведений, омский губотдел ГПУ-ОГПУ, затем детский дом и костно-туберкулёзный санаторий, цех картографической фабрики и, наконец, Центральный отдел Управления ЗАГС с Дворцом бракосочетаний (перед этим дом несколько лет был заброшен и просто разрушался). Надо отметить, что память об адмирале была увековечена в «доме Колчака» ещё до появления в этом здании тематического научного центра – 4 ноября 2004 года, в день 130-летия со дня рождения будущего Верховного Правителя на фасаде была установлена мемориальная доска, периодически подвергавшаяся актам вандализма.

Взрыв 25 августа 1919 года, едва не стоивший А.В. Колчаку жизни, годы советской власти с частой сменой владельцев и функционального назначения, период полного запустения и частичного обрушения середины 1980-х годов не способствовали сохранению мемориальных предметов, однако при создании музеиной экспозиции Центра обстановку 1918–1919 годов, внутреннее и внешнее убранство дома попытались восстановить максимально точно. Благодаря реставрации 2011 года был воссоздан фасад здания, расчищена лепнина и отремонтированы мраморные подоконники.

В бывшей приёмной и комнате охраны расположен зал для проведения временных выставок. Там, где раньше располагалась гостиная (зал для заседаний), сейчас находится самый большой выставочный зал с частью постоянной экспозиции, посвящённой истории Гражданской войны в целом и Белому Омску в частности. Здесь рассказывается о трагическом периоде в истории страны, начиная с Февральской революции и заканчивая переездом правительства Колчака в Иркутск. Отдельный стенд посвящён расследованию убийства Царской Семьи, проведённому в 1919 году следователем по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколовым. Отражён в экспозиции и малоизвестный за пределами Омска эпизод, связанный с пребыванием Николая Второго в 1918 году на пути из Тобольска в Екатеринбург на станции близлежащей Любинской.



Здание Центра изучения истории Гражданской войны

Здесь же находится витрина, посвящённая М.Л. Бочкарёвой – создательнице и командиру легендарного Женского батальона смерти, приговорённой к расстрелу Омской ГубЧК в 1920 году. Значительную часть площади зала занимает масштабная карта основных театров боевых действий Гражданской войны.

Мемориальный кабинет А.В. Колчака обставлен антикварной мебелью конца XIX – начала XX веков. Самое удивительное, что спустя 100 лет посетители «дома Батюшкина» могут встретить Колчака в его резиденции. Некоторых, по отзывам экскурсоводов, это даже пугает... Восковая фигура Верховного Правителя во флотском кителе, талантливо выполненная московским скульптором М.Ю. Нестеровым, размещена за письменным столом, на котором разложены вещи и издания той эпохи. Интересно, что ещё одна восковая фигура адмирала (только не в морской, а в сухопутной форме) находится в экспозиции Омского историко-краеведческого музея. Её изготовили в Санкт-Петербурге. Над столом висит репродукция рисунка московской художницы В.В. Владимировой с изображением яхты «Заря» во льдах. Вера Валерьевна в начале 2000-х годов в своём творчестве обратилась к образу Колчака и создала ряд талантливых работ. Их репродукции стали одними из первых экспонатов, подаренных Центру. На стенах кабинета также висят картины омского художника С. Баранова с изображением кораблей, на которых служил А.В. Колчак.

Из окна рабочего кабинета виден постамент, на котором предполагалось установить памятник Колчаку работы скульптора М.А. Ногина. Сам памятник уже давно изготовлен (конкурс проектов завершился больше 10 лет назад) и находится в Подмосковье, однако до сих пор ни у кого нет политической воли, чтобы его установить. А пока своеобразным памятником (попавшим даже на электронные карты) является безвкусная скульптура с фонтаном, поставленная владельцами ресторана «Колчакъ» у входа в своё заведение. Всё-таки хочется верить, что действовали они не совсем лишь в угоду извлечения коммерческой прибыли из одного из главных омских «брендов». Об этом свидетельствует то, что рядом с «памятником» размещены две доски с апологетическими цитатами о Колчаке из произведений И.А. Бунина и А.И. Куприна. Сам же «демократичный» (как указано в рекламе) ресторан (с довольно высокими для Омска ценами) находится на улице Броз Тито. Всё смешалось в... нашей стране. Но, несмотря ни на что, ещё теплится надежда на то, что, как и писал Куприн, «...когда-нибудь, очнувшись, Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к Родине...». В 2004 году памятник Колчаку был установлен в Иркутске, есть и ряд памятных знаков в других городах и местах,



Восковая фигура А.В. Колчака
в экспозиции Центра

связанных с личностью адмирала¹. Правда, почти все они в последние годы подвергаются атакам в той или иной форме со стороны современных экстремистов, жаждущих развязать новую междуусобную войну и залить кровью страну в интересах своей политической выгоды... Но верим, что Россия устоит, а памятники Колчаку украсят Омск, Санкт-Петербург и Севастополь – города, олицетворяющие важные вехи в биографии этого великого человека.

В помещении бывшей домовой церкви размещена экспозиция, посвящённая участию А.В. Колчака в Русской полярной экспедиции под руководством барона Э.В. Толля в 1900–1902 годах и героическому походу на остров Беннетта в 1903–1904 годах. Эти события навсегда вписали его имя в историю географической науки. Одним из интереснейших экспонатов

раздела является первое издание работы Колчака «Лёд Карского и Сибирского морей» (1909). Здесь же на стене размещена копия иконы Святителя Николая Чудотворца (известная, как Никола «Раненый»). Икона была повреждена большевиками при обстреле Кремля в 1917 году, и её послал Верховному Правителю со своим благословением на борьбу с безбожниками Патриарх Тихон.

Большинство предметов конца XIX – начала XX веков, составляющих экспозицию, собраны буквально по крупицам. Немало из них переданы для временного экспонирования Омским музеем городского быта, созданным и существующим благодаря подвижнической деятельности его директора Владимира Ивановича Селюка. Благодаря ему фонды Исторического архива Омской области пополнились коллекцией документов Общества ревнителей памяти Николая II – эмигрантской организации, образованной в 1931 году. Часть этих материалов экспонируется в отдельном зале – помещении бывшей столовой. Личные вещи первого владельца дома Капитона Батюшкина были недавно переданы Центру его внучатой племянницей.

Мы рассказали лишь о нескольких ярких фрагментах экспозиции. Экскурсии по ней завершаются просмотром кинохроники, снятой французскими и американскими операторами в 1919 году. На кадрах видно прибытие поезда с французскими солдатами в Омск, военный парад, центр города в период распутицы и ранней весной и другие эпизоды.

Официальный статус Центра, конечно, защищает это учреждение от вандалов и попыток закрытия, однако во многом определяет специфику его работы. «Гений места» сыграл свою роль. Несмотря на то, что местные коммунисты (скорее всего, никогда не бывав-

¹ Подробнее см.: Кузнецов Н.А. Россия бредит Колчаком? // Посев. 2017. № 1. С. 16–21.



В выставочном зале Центра. Слева направо: М.М. Стельмак, Г.Ю. Бородина, Н.А. Кузнецов, Д.И. Петин

шие в особняке) объявляют его чуть ли не домом-музеем А.В. Колчака (а его руководителя иронично-пренебрежительно называют «третьей женой» адмирала), он отнюдь не является таковым. Нельзя назвать его и музеем истории Белого движения в Сибири. Сотрудники Центра не идеализируют и не прославляют личность Верховного Правителя, занимая скорее нейтральную позицию по отношению к конфликту столетней давности, искренне полагая, что строго научный подход и способность эмоционально дистанцироваться от обсуждаемой эпохи помогут преодолеть отголоски Гражданской войны в общественном сознании. В Центре в равной степени чтут память всех участников Гражданской войны. При входе друг на друга со стен смотрят портреты адмирала Колчака и маршала М.Н. Тухачевского. А в рамках ежегодно проводимых в Центре конференций по истории Гражданской войны на востоке России цветы возлагают не только к мемориальной доске, посвящённой адмиралу А.В. Колчаку, но и к мемориалу в Сквере Борцов Революции.

«Революция и её деятели стали неотъемлемой составляющей при создании историко-документальных экспозиций Центра. И это стало шагом к преодолению общественного стереотипа о том, что Центр, расположенный в бывшей личной резиденции адмирала А.В. Колчака, был задуман и выступает сугубо в качестве «рупора» истории белого движения...» – пишут главные архивисты Центра, кандидаты исторических наук Д.И. Петин и М.М. Стельмак в одной из своих работ².

Едва переступив порог особняка Батюшкина, заинтересованный посетитель понимает, что он попал, если можно так выразиться, в «живое» учреждение, которое создали люди, относящиеся с любовью и трепетом к истории страны и своего города и к А.В. Колчаку (стремясь показать разные грани как его личности, так и его деятельности). Центр стал, с одной стороны, «придворным» музеем, посещение которого входит в про-

грамму пребывания в городе официальных делегаций, а с другой – сюда часто приходят школьники, студенты, участники и финалисты конкурса на знание своей родословной (ещё одно «ноу-хай» омских архивистов). Как сказал нам Д.И. Петин: «Мы проводим экскурсии для любой аудитории – от школьников до парламентариев». С учётом катастрофического падения уровня образования и интереса к истории своей страны (порой кажется, что большинство 15–20-летних уже едва ли назовёт две основные стороны конфликта в Гражданской войне), исторического беспамятства деятельность сотрудников Центра можно смело назвать подвижнической и культуртргерской, их непростая задача – привлечь внимание общества к истории Гражданской войны. В центре проходят не только экскурсии, но публичные лекции и кинолектории.

С самого первого момента мы ощутили радость от пребывания в Центре. Нас радушно встретила его руководитель Г.Ю. Бородина. В день нашего приезда в Центре отмечали День пожилого человека – чествовали омских архивистов-ветеранов, поэтому здесь присутствовали начальник Архивного управления Министерства культуры Омской области Г.И. Растворова, директор Исторического архива Омской области Л.А. Чекалина, начальник отдела использования и публикации документов архива Н.С. Храпова и другие сотрудники. Знакомство с ними позволило сделать нашу поездку ещё более интересной и познавательной.

3 октября в Центре открылась выставка, посвящённая вице-адмиралу Н.Н. Коломейцеву (ранее она с успехом демонстрировалась в Москве, Санкт-Петербурге и Архангельске). Несмотря на то, что герой выставки никогда не был в Омске, экспозиция, рассказывающая о его жизни, абсолютно логично смотрится в стенах музея, т. к. именно Коломейцев был первым командиром яхты «Заря» – судна Русской полярной экспедиции, в которой принимал участие и А.В. Колчак.

На открытии выставки выступила директор архива Л.А. Чекалина и подчеркнула важность и пользу творческих и научных контактов между архивом и Домом русского зарубежья. Н.А. Кузнецов напомнил о том, что взаимодействие Дома и Центра изучения истории Гражданской войны началось с момента основания последнего. Он рассказал о биографии Н.Н. Коломейцева, а также передал в дар Центру изучения истории Гражданской войны ряд изданий, большинство из которых выпущено Домом русского зарубежья, продемонстрировал видеоверсию выставки, отдельно остановившись на сотрудничестве Дома русского зарубежья и Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва в рамках увековечения памяти А.В. Колчака в Арктике. Завершило мероприятие выступление руководителя Центра Г.Ю. Бородиной, которая передала в фонды библиотеки Дома русского зарубежья уникальное издание – справочник «Белые офицеры – красная власть: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919–1920-е гг.)», ответственным редактором которого является сотрудник Центра изучения истории Гражданской войны Д.И. Петин.

² Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Серия: История. Общество. Современность. 2018. № 3. С. 9.

Выставка вызвала большой интерес у жителей Омска и гостей города. Среди гостей Центра в этот день были журналисты, историки, краеведы, ветераны флота – члены Омского морского собрания.

Одним из интересных и приятных знакомств стала встреча с Александром Матвеевичем Лосуновым – краеведом, преподавателем, историком не только по профессии, но и по призванию. Ещё школьником он участвовал в восстановительных работах в особняке Батюшина, школьником же (невиданный для ещё советской страны случай!) пришёл в Областной архив. Затем были поездки в архивы Москвы и Санкт-Петербурга, кропотливый сбор биографических сведений об А.В. Колчаке, установление контактов с представителями Русского Зарубежья, публикации в научных изданиях. А.М. Лосунов стал одним из создателей уникального проекта – путеводителя по Белому Омску, размещённого в сети Интернет (<http://it-acad.univer.omsk.su/omskarchive/main.html>). В 2011 году вышла его монография «Омский адрес Верховного Правителя», подробно рассказывающая о событиях 1918–1919 годов в жизни города. Александр Матвеевич щедро делится своими знаниями не только в формате публикаций, но и проводя экскурсии. Весьма обширна и его коллекция, в которую входят различные документы, издания и артефакты, связанные с различными периодами омской истории. В отличие от многих собраний, она не лежит «мёртвым» грузом. Пометку: «Из собрания А.М. Лосунова» можно встретить на экспликациях к выставкам и на подписях к иллюстрациям в самых разных изданиях.

Благодаря помощи Н.С. Храповой и А.М. Лосунова посетили мы и ещё одно знаковое для нас место – могилу легендарного музыканта, омича Игоря Федоровича (Егора) Летова на Старо-Восточном кладбище. Будущая группа «Гражданская Оборона», навсегда вошедшая не только в историю Русского Рока, но и страны и оказавшая влияние не на одно поколение, изначально называлась «Посев». Название это было дано именно в честь нашего журнала (надеемся, что об истории влияния солидаризма на рок-музыку, зарождавшуюся в СССР, мы ещё расскажем подробнее). Отметим, что самыми известными омичами в городе считают Ф.М. Достоевского (который отбыл здесь 4 года каторги), А.В. Колчака и И.Ф. Летова.

5 октября в читальном зале Исторического архива Омской области состоялась презентация книжных новинок «Посева», посвящённых истории Гражданской войны в России. Несмотря на то, что мероприятие проходило в будний день в 14 часов в довольно специфическом для широкого читателя месте, оно вызвало большой интерес не только у специалистов-архивистов, историков и краеведов, но и у многих жителей Омска, интересующихся заявленной темой. Презентацию открыла директор архива Л.А. Чекалина, отметив в своём приветственном слове важность контактов и совместных научных и просветительских проектов, связанных с историей Гражданской войны в России, для организаций и специалистов из разных регионов. Специалист по связям с общественностью Издательского, исследовательского и просветительского содру-



Д.А. Тимохина (слева) и Л.А. Чекалина на презентации книжных новинок «Посева»

жества «ПОСЕВ» Д.А. Тимохина сделала небольшой экскурс в историю НТС и «Посева», рассказала о наиболее значимых публикациях по истории Гражданской войны в России, увидевших свет в издательстве в 1945–2018 годах (акцент был сделан на книгах, посвящённых истории Гражданской войны на востоке Сибири). Вниманию омичей были представлены сборники воспоминаний «Свет во тьме», «Верные долгу» и «Украина–1918: взгляд из Германии», а также монография иркутской исследовательницы Г.В. Майоровой об адмирале А.В. Колчаке. Эти издания были переданы в фонды библиотеки архива и Центра изучения истории Гражданской войны. Стоит отметить, что многие книги «Посева» оказались хорошо знакомы местной читающей публике, т. к. имеются в фондах Омской государственной научной библиотеки им. А.С. Пушкина. Слушатели охотно задавали вопросы о «франкфуртском» и «московском» периодах в истории «Посева» и об издательских планах, предлагая для публикации интересные материалы по региональной истории XX века.

Мы смогли убедиться в популярности бренда «Омск – третья столица». Примечательно, что на улице Красный путь (по которой, как видно из названия, вступали в город части 3-й и 5-й красных армий) установлен рекламный щит юридической фирмы «Law and Business Group», с которого на горожан сурохо смотрит адмирал А.В. Колчак, а надпись ни много ни мало гласит: «Если бы у Колчака был хороший юрист, Омск остался бы столицей». Вместе с тем в 2016 году в рамках празднования 300-летия Омска память о днях, когда город являлся третьей столицей России, была увековечена в серии информационных табличек, установленных на 20 зданиях, где располагались правительственные учреждения, общественные организации, социально значимые объекты Омска того периода.

Старинный купеческий Омск, с деревянными наличниками и железобетонными конструкциями неожиданно многочисленных здесь построек в стиле модерн, окутанный мифами и легендами периода Гражданской войны, очаровал и влюбил нас в себя с первого взгляда (конечно, этому способствовало и радушие местных жителей). Мы надеемся вернуться сюда – с новыми выставками, книгами, лекциями.

Александр Горянин

Русское чудо XVII века

Мало какой из новых символов вызывал (да и продолжает вызывать) столько раздражённых и даже ехидных возражений, сколько День народного единства 4 ноября. Противники праздника, переписывая друг у друга, сотни раз повторили одни и те же доводы. Одни уверяли, что он придуман в качестве замены 7 ноября, другие, впервые в жизни порывшись в томах С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, доказывали, что в этот день (22 октября) не произошло ничего судьбоносного; захватчики лишь четыре дня спустя, 26 октября, подписали капитуляцию, выпустив из Кремля московских бояр (включая Романовых) и других знатных лиц, а сами сдались ещё днём позже. Если, мол, и обсуждать какой-то день, то 9 ноября. Некоторые из филиппик против праздника оставляли впечатление, что писали их высокоучёные специалисты, ничем иным кроме истории Смуты в жизни не занимавшиеся.

В действительности же день 4 ноября был выбран безошибочно, лишний раз подтверждая: при выборе праздничных дат следовать надо не за формальной хронологией и астрономией, а за народным инстинктом. Спросим себя: откуда взялся отмечаемый 22 октября по старому стилю (т. е. как раз 4 ноября по новому) праздник «Казанская осенняя», он же «Казанская Пречистая», он же «Матерь Казанская»? Ведь день Явления Казанской иконы Божией Матери у нас отмечают летом, 8 июля по старому стилю.

Это имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Всё началось с того, что одна из самых воспроизведенных и почитаемых икон Русской Православной церкви, обретённая после пожара Казани в 1579 году, была первоначально перенесена в Никольскую Гостино-дворскую церковь Казани, священник которой Ермолай (будущий патриарх Гермоген) с тех пор всегда носил на груди её уменьшенный список, и в годы его патриаршества это стало широко известно. Чудеса от иконы начались ещё при её перенесении в храм: прозрели двое слепых, участвовавших в процессии. Слава о чудотворной иконе разошлась по всей России того времени.

В 1606 году, в разгар Смуты, Гермоген (сам он подписывался «Ермоген») был избран Патриархом Московским и всея Руси. Он твёрдо сопротивлялся «католической партии» и сторонникам Лжедмитрия II, до последнего поддерживал Василия Шуйского, отказался подписать грамоту бояр, выражавшую фактическое согласие на воцарение в Москве польского короля Владислава, после чего, в декабре 1610 года, к

нему была приставлена стража. Сегодня это называли бы домашним арестом.

Несмотря на эту изоляцию и свой 80-летний возраст, Гермоген неутомимо рассыпал в монастыри и города грамоты с призывом подняться против захватчиков и идти к Москве, благословил оба ополчения. Его враги были в бешенстве, и 1 мая 1611 года он был брошен в каменный подвал Чудова монастыря в Кремле, где и окончил свои дни в феврале следующего, 1612 года. Именно тогда в сознании людей наметилась первая связь между Казанской иконой Божией Матери, призывами патриарха к изгнанию интервентов и самим изгнанием, происшедшем несколько месяцев спустя.

Через считанные дни после смерти Гермогена «Второе ополчение» К. Минина и Д. Пожарского выступило из Нижнего Новгорода (сперва на Ярославль) освобождать Москву. Люди были уверены, что другой список иконы Казанской Божией Матери, который сопровождал ополчение в походе (и сотворил в пути «многия чудеса»), сотворил и главное чудо: конечную победу.

Незадолго до этой победы, в ночь на 22 октября архиепископу Архангельского собора ещё занятого поляками Кремля Арсению Елассонскому (в прошлом греческому иерарху, давно обосновавшемуся в России) было видение. Ему явился умерший 220 годами ранее Сергий Радонежский и возвестил, что с этого дня российские бедствия окончены.

Несколько лет спустя о чуде в ночь на 22 октября поведал в своем «Сказании [о Смуте]» Авраамий (в миру Аверкий) Палицын. Это произведение широко расходилось в списках. Архиепископ Арсений был жив и с опровержениями не выступал.

Текст о видении архиепископа был включён в печатный Синаксарий (свод сокращённых житий святых), их рассыпали в приходы, и о чуде узнали повсеместно. Постепенно в народном сознании чудо иконы Казанской Божией Матери и чудо пророчества о конце Смуты стали неразделимы.

К середине века эта связь уже никем не могла быть оспорена. Сдвинуть дату 22 октября хоть на день не смог бы отныне даже царь. «Окружной грамотой» от 29 сентября 1649 года было установлено повсеместное («во всех городех, по вся годы») осеннее празднование иконы Казанской Божией Матери вместе с празднованием «очищения» государства «от литовских людей». Грамота упоминала ещё одно событие этого дня: рождение царского наследника. Так утвердилась «Казанская осенняя».

Праздник не был «высосан из



Патриарх Гермоген на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде

пальца», как уверял некий отважный либерал. Открытие на Красной площади восстановленного Казанского собора не случайно было приурочено к 4 ноября 1993 года.

Поскольку инициатива объявить 4 ноября Днём народного единства была высказана (в сентябре 2004 года) Межрелигиозным советом России, организацией не то чтобы экуменической, но избегающей даже намёка на предпочтение одной религии другой, с самого начала было решено не подчёркивать привязку нового праздника к празднику Казанской Божией Матери. Вот почему невоцерковлённые люди у нас до сих пор, как правило, об этом не подозревают, хотя в последние годы эта тема всплывала, в том числе на сетевых форумах.

Что касается формулировки «народное единство», она очень удачна, т. к. напоминает не только о том, что государство было освобождено усилиями людей, представлявших гражданское общество того времени (пусть они и не знали таких слов), но и усилиями представителей ряда народов тогдашней России. В ополчении участвовали 20 татарских князей и мурз со своими воинами, а также добровольческие отряды мордвы, удмуртов, чувашей, черемисов (марийцев). Так рождалось будущее единство народов России.

То, что победа ополчения в 1612 году над захватчиками вскоре увенчалась созывом Земского собора – один из самых выдающихся в мировой истории примеров того, как идущая снизу народная инициатива может привести к «переучреждению» почти разрушенного государства. Субъектом государственности выступил тогда народ. Можно ли было ожидать, что вооружённые люди, не спаянные, мягко говоря, железной дисциплиной, не примутся, заняв столицу, отнимать, делять и расправляться со «зрадцами»?

Можно ли было ожидать, что разношёрстое ополчение, сдерживая более буйных своих представителей, обеспечит прибытие депутатов различных земель и сословий Русского царства? В полуразрушенной Москве, где осталось единственное помещение – Успенский собор Московского Кремля, – способное вместить всех участников собора (до 1 500 человек), у ополченцев хватило благородства и терпения почти четыре месяца ждать сперва прибытия выборных, а затем более пяти недель ждать решений собора. И принять их, хотя довольно остались не все. Чего стоил выбор царя из 15 кандидатов!

Были группы давления (особенно среди казаков и посадских) в пользу тех или иных кандидатов, тех или иных решений. Победила мудрость – был наложен запрет на сведение счетов по событиям Смутного времени, приняты «нулевые варианты» по имущественным вопросам и земельным пожалованиям всех правительства, и тем пресечена угроза возобновления гражданской войны. Этот пример не менее уникален. Без авторитета церкви он был бы невозможен.

Конечно, между 22 октября (4 ноября) 1612 года и 21 февраля (3 марта) 1613 года (днём избрания на царство Михаила Романова) можно было бы отыскать какую-то другую, тоже вполне убедительную дату в память о народном подвиге, возродившем страну. Можно было бы. Но зачем спорить с праздником «очищения государства от литовских людей», учреждённым 369 лет назад? Мы лишь переименовали его, и новое имя лучше. Со временем, верю, сложится и государственный церемониал праздника.

Единственный изъян этой даты состоит в том, что в XXII веке она должна будет превратиться в 5 ноября, в XXIII – в 6 ноября и т. д. Но это будет уже не наша забота.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Виктор Грановский

Интеллигенция. «Вехи». Социализм

Ещё в конце 2016 года Виталий Третьяков в программе «Что делать?» на телеканале «Россия–Культура»¹ предложил обсудить вечную русскую тему об интеллигенции и народе. Существо отечественной интеллигенции в описании приглашённых на передачу её представителей не минуло постоянно обозначаемых констант. Исторически интеллигенция возникла у нас при Петре Великом: это появившийся благодаря инициативам царя-западника европеизированный слой, противопоставленный патриархально-старомосковскому (Юрий Пивоваров). «Элементарный параметр» жизни интеллигенции в России есть *независимость* – плюс «идеократический режим» (Дмитрий Андреев). Два главных интеллектуальных качества отличают интеллигентский класс: *инакомыслие* и *от-*

щепенство (Геннадий Бордюгов). Не обошлось без упоминания знаменитой ленинской цитаты о том, что «интеллигенция не мозг нации, а...» – известно что. Не удалось уклониться и от модного ныне указания на тех интеллигентов, которые виноваты если не во всём, то в самом главном: «Революцию сделали либералы!» (Юрий Кублановский).

Преамбула к дискуссии, высказанная Третьяковым, олицетворяла собой совершенно определённый запрос на то, как следовало бы сегодня рассматривать судьбу российской интеллигенции. Виталий Товиевич поправил себя, предложив вначале слово «трансформация» применительно к интеллигентски-народным отношениям, но тотчас же переменил его на термин «понижение». С его точки зрения, если в XIX веке интеллиген-

ция народ почитала, полагала его своим идеалом, хотя и сокрушалась о его низком образовательном уровне, то к середине XX века отношение это стало как минимум ироническим. Интеллигенты брежневской поры, пародируя советские идеологические клише и партийный волапюк², народ называли в шутку «гегемоном». В предложенной Третьяковым экспозиции сразу появились и большевики, как фактически народные благодетели: как бы к ним ни относиться, заметил Виталий Товиевич, но образовательный уровень народа они повысили. Аллюзия стала очевидна: советская власть, привычно интеллигенцией не любимая, существовала всё-таки для народной пользы, а вечно недовольная положением вещей интеллигенция, в конце концов, отказалась от своего народолюбия. В середине передачи Третьяков даже поставил адептам интеллигенции на вид, что, мол, «большевики не презирали народ», что сам Ленин «не поносил народ последними словами», что сегодня, наконец, наша интеллигенция народ и предала, и возненавидела.

В унисон ведущему высказалась профессор Людмила Булавка. В её речи уже прямо прозвучали знакомые марксистские формулы. Вдохновлённая большевиками, интеллигенция сделала своим идеалом даже не народ, а общество, причём не из филантропических соображений, а исходя из понимания того, что наиболее соответствует духу исторического движения. Единственно правильным выбором было её практическое присоединение к революционному народу. В качестве примера профессор привела послеоктябрьские биографии виднейших поэтов А.А. Блока, В.В. Маяковского и В.Ф. Ходасевича, по убеждению согласившихся в 1920-е годы сотрудничать с большевиками и даже искавших этой службы. Формат телебеседы, правда, не позволял вдаваться в конкретику этих примеров, и ссылка осталась простою ссылкой. Впрочем, ситуация с Ходасевичем вызвала и недоумение, и несогласие академика Юрия Пивоварова: размежевание поэта с большевиками в его жизни и творчестве было всё же гораздо очевиднее взаимной симпатии. Трагедия Блока, связанная с приятием им «музыки революции», тоже слишком известна, чтобы стать вполне основательным примером гармоничной встроенности главного певца Серебряного века в «новую жизнь». В преданности большевицкому режиму Владимира Маяковского никто, конечно, не сомневается, но пример Маяковского есть просто-таки хрестоматийный советский пример, показывающий, что искренне за большевиками и пошла лишь часть интеллигенции, по-большевицки настроенная. В этом настрое, как вполне верно отметила Людмила Булавка, главным, действительно, было отрицание индивидуального принципа ради идеологизированного коллективного. Именно это отрицание стало, по её мнению, залогом творческой мощи советской интеллигенции. Когда же интеллигенты решались пойти против этого отрицания, они оказывались и творчески ущербными, и предавали (опять-таки!) народный идеал. Здесь для Людмилы Булавки наиболее негативный пример – творчество Б.Л. Пастернака: в его знаменитом «но-

белевском» романе образ народа, по мнению профессора, автору совершенно не удался, а (так и хочется написать здесь по-ленински: «ренегатская!») философия романа сделала «обывательский, мещанский принцип» идеалом интеллигенции.

Интеллигент, не только третиращий «мужика» за его темноту, но даже чурающийся его как «человека с ружьём», по мысли Людмилы Булавки, не совершает поступка и остаётся «просвещённым хамом». Иными словами, тот, кто не счёл для себя нравственно допустимым оказать поддержку и даже прозреть в тёмной народной агрессии магистраль, выводящую к общественному благополучию, к человеческому совершенству (интеллигентов, лояльных большевикам, профессор-социолог сравнила... с людьми итальянского Ренессанса!), не вправе называться интеллигентом. Собственно, в координаты этого нео-советского максимализма пытался и Виталий Третьяков заключить прошедшую дискуссию, ссылаясь... на русскую литературу XIX века и «деревенскую прозу».

На завершающем этапе дискуссии Людмила Булавка внесла в неё современные левацкие штампы, ниспровергающие очередную капиталистическую «фазу»: «парадигма лавочной глобализации», «рыночный тоталитаризм», «мелкобуржуазный синдром продать себя подороже». Интересно, что, как это всегда и бывает в причудливой марксистской логике, здравица, пропетая сперва в честь общего принципа, доминирующего над интересами личности, сменилась в итоге провозглашением полноты её частных прав: «Везде всё измеряется деньгами. И здесь всё: и искусство, и книги, и фильмы, и ваше положение... Отказываться нельзя – можно только снимать. Потому что от власти денег мы не можем отказаться – ни от денег, ни от государства, ни от рынка, – мы ходим, живём, покупаем и т. д. Но отказаться – это когда выдвигать, собственно, другую альтернативу этой жизни. Когда люди будут выступать субъектами современных общественных преобразований и отстаивать свои интересы. Другого нет. Социализм, по-другому не могу сказать. Я бы даже сказала, не социализм, а коммунизм – вот так!»

Правда, безоблачный ретро-утопизм, проповедуемый даже в наше время марксистскими энтузиастами, перестаёт выглядеть вполне благостным, как только поворгается со своих мнимо-идеалистических высот на твёрдую историческую почву. Достаточно сделанной историком Геннадием Бордюговым беглой сверки с социальной доктриной «вечно живого» классика, чтобы даже в простом пересказе она потеряла приписываемый ей гуманистический флёр и обнаружила характер императивно-антропоманный: «Да, большевики сделали революцию. Но для них ведь народ – это те, кто должны подчиняться их идеологии. То есть у Ленина какая цепочка? Идеология – партия – власть. Сталин наоборот превратил: власть – партия – идеология. Так вот, важно, в какой степени народ будет подчиняться этим большевицким представлениям о должном... Они не презирали – они хотели подчинить его через фабрику, которая переработает этот народ и создаст нового человека. И – с применением насилия, конечно!»

Актуально-волнительную тираду в защиту интеллигентии произнёс академик Юрий Пивоваров, тем самым недвусмысленно придавая обсуждению вектор, противоположный антиинтеллигентским эвфемизмам ведущего: «Слово “интеллигент” имеет в русском языке почти такое же негативное значение, как “либерал”, – в современном русском языке. И раньше – тоже, но сейчас уже особенно. Причём эта передача Ваша работает в этом направлении... Я думаю, что интеллигентия – это одна из трёх, что ли, составных частей России *навсегда*. Это: власть, государство; общество, народ; и – интеллигентия. И вот тех интеллигентов, которые *ненавидят* народ, я в своей жизни никогда не встречал: ни в 1970-е годы, ни в 1980-е, ни в 1990-е. Я вообще не представляю себе человека, который сидит и ненавидит народ. Как это возможно! Потому что – что он понимает под народом? Он может своего соседа ненавидеть, за что-то. Я думаю, что интеллигентия – это элемент русской культуры, русской цивилизации *навсегда*. Это авангард общества, это думающая часть общества, страдающая часть общества, ошибающаяся часть общества, безусловно!.. Если лишить народ, общество интеллигентии, то мы превратимся вообще... Народ во многом – и как бы живёт для того, чтобы была интеллигентия, для того, чтобы были те люди, которые думают, которые лечат, которые учат... Сверху вниз отношение к интеллигентии я считаю саморазрушительным совершенно. Какие-то отдельные мерзавцы, которые, может быть, прикрываются именем интеллигентии, – они есть, конечно! – но в целом... Вы говорили о Ходасевиче, который пошёл в Пролеткульт? Он пошёл, потому что он с голоду умирал!»

Напоминать о том, что большевики «начали классовую борьбу против интеллигентии, её уничтожение», и прямо называть Ленина «убийцей интеллигентии», как делает Юрий Пивоваров, сегодня, действительно, отнюдь не модно. Скорее, хорошим тоном считается указывать на ответственность, а то и на вину интеллигентии перед «народной властью», располагать интеллигентию именно в указанном академиком положении «сверху вниз».

Очень долгое время и сама интеллигентия была проникнута идеей народного приоритета над собой. Однако в ошибочности своей идеализации интеллигентия сама же и предпочла расписаться ещё век назад в знаменитом антиреволюционном сборнике. На это обратил внимание собеседников историк Геннадий Бордюгов: «После революции 1905 года “Вехи” как раз чётко обозначили, что – хватит нам народопоклонства!.. То есть это было совершенное переосмысление... Теперь увидели, что такое революция и как ведёт себя мужик во время революции. Надо говорить народу *правду*, не поднимать его на пьедестал, а *критично относиться* к нему. Власть этого не может сделать, потому что для власти народ – *электорат*».

Об идеале действительно *народной* интеллигентии, о людях, не подверженных общественной страсти, а творящих прежде всего свою внутреннее созидание, о людях культуры, которые на местах стараются, чтобы приобщить к ней народные массы, сказал поэт

«Пророческая глубина “Вех” не нашла (и авторы знали, что не найдут) сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий... Сегодня мы читаем эту книгу с двойственным ощущением: нам указываются языы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом – и сегодняшние наши». Александр Солженицын. «Образованница», 1974 г.

Юрий Кублановский: «Кто проявляет себя в самостоятельности, в совестливости, в трудолюбии, в семье – тот и есть интеллигент»; такие интеллигенты, действительно, «тянут лямку и держат Россию на плаву». Лауреат солженицынской премии и на этой встрече остался уверен тому пониманию интеллигентности, которое сам А.И. Солженицын считал подлинным образцом «общественного благочестия». Это такая интеллигентность, которая отличается отсутствием идеологической взвинченности и жёстких претензий на идейное водительство. Народничество интеллигентии русский поэт назвал «книжным, выморочным, лишённым органики» и обратил к ней, желающей исправлять не себя, а других, ироническую максиму своего парнасского собрата Иосифа Бродского: «Сказано доктору – сам пусть лечится!»

Но если всё-таки говорить об активной общественной позиции, то и без неё настоящего русского интеллигента представить нельзя. Историк Александр Шубин отметил, что знаменитое «хождение» русского интеллигента совершается на самом деле в две стороны: не только в народ, но и во власть. И всё же устройство интеллигентского мира отличается от мира властующих элит тем, что интеллигент живёт именно *идеями*, «проектностью», а не *интересами*. Это было сказано вопреки известной, нелестной для интеллигентии, формуле мыслителя Русского Зарубежья Г.П. Федотова об «идейности задач» интеллигентского слоя и «беспочвенности» его идей. Интеллигентия использует другие методы, нежели власть, действует *убеждением*, а не *принуждением*. Снисходительное отношение, которое возникло у позднесоветских интеллигентов к народу, связано было с тем, что уровень образования, достижимый отныне массами, хотя и стал выше, но не сделался самоценностью. Образованность же интеллигентии, всё равно превосходившая «общее образование», как и в XIX веке, не обещала ей крупных материальных благ. Народное отношение к интеллигентии во многом поэтому оказывалось ещё более снисходительным, если не презирательным, отношением к людям, посвятившим свою жизнь объёмным знаниям, а зарабатывающим копейки. И тем не менее функция социального водительства, будь то народничество XIX века, будь то «фронты за перестройку» в конце XX века, становилась в решающие моменты жизни стра-

ны исторически поворотной. Интеллигенция, ведущая за собою народ, конечно, не настолько далека от него, как это обыкновенно думают. Проблема дня не в наличии данного водительства, а как раз в его отсутствии – в утрате народными массами маяка интеллигентского просвещения. «Дорога в народ – в культуртрегерстве», в разработанной рациональности, отучающей население от «веры в марсиан и в эзотерику».

Отличительной чертой нынешнего положения интеллигенции в России, которую все участники дискуссии подметили как неотъемлемую, является то, что нет уже сегодня зияющего разрыва, пролегавшего между интеллигенцией и народом до революционных потрясений XX века. В значительной степени произошло если не отождествление, то максимальное взаимосближение интеллигенции и народа в «гуще жизни». Тезис о *понижении* уровня их отношений, заявленный Третьяковым в начале передачи, не представляется в данном контексте безоговорочным вердиктом. Историк Геннадий Бордюгов гадательно, но и с толикой уверенности обрисовал эти отношения сейчас как *стихийно солидаристские*: «Будем говорить об интеллигентности как о качестве *каждого* человека... Я приведу только один пример, который мне даёт надежду на *повышение*. Мы видим, куда эволюционируют интеллигентные люди. И вот когда мы смотрим конкретные проявления – они, может быть, не тиражируются, может быть, им не дают такое освещение на телевидении или в средствах массовой информации. Но я говорю о поведенческой модели, связанной с *солидарностью*. Вот, например, интеллигентные люди, которые солидарны с родителями, которые обеспокоены выздоровлением [детей] от тяжёлых заболеваний, – то, что делает Чулпан Хаматова. Или, например, солидарность с честными судьями, которые хотят противостоять нечестным судьям... Может быть, здесь начнёт завариваться как раз новая самоидентификация интеллигенции, которая уже прошла XIX, XX век, которая уже извлекла уроки из того, что получилось, что не получилось. И как её будут располагать в этом треугольнике: интеллигенция, гражданское общество и власть... Может быть, я наивен. Но мне кажется, что здесь могут как раз и рождаться новые поведенческие модели... Интеллигенция не должна быть поводырём. Народ знает, куда идти, как жить и т. д. Давайте назовём их [интеллигентов] интеллектуалами. Даже голос одного человека может быть важен. Как Солженицын, как Сахаров... Нужно искать эти практики, которые реально существуют в современном обществе. Просто мы не фокусируем на них то внимание, которого они достойны».

Вернёмся ещё раз к упомянутому выше сборнику «Вехи». В 2009 году «Литературная газета» открыла дискуссию по случаю столетия его выхода в свет. Статьи, присланные в газету, демонстрировали достаточно наглядно современный взгляд как на интеллигенцию, так и на сам сборник.

Невольным публицистическим юмором в статье во славу «Вех» звучало сетование Анатolia Салуцкого³ на невнимание к более позднему сборнику «Смена

вех», фактически отстранившему веховскую идеологию. Веховское по духу изображение радикальной старороссийской интеллигенции, готовившей революцию, было переадресовано тотчас же ближайшей интеллигенции, настроенной против советского строя и опасностей его возвращения. Упоминались «позорное письмо 42-х» в октябре 1993 года как ярчайший пример расправы «с инакомыслящими коллегами» или чуть более ранняя «500-дневная маниловщина». Мощный идеологический напор советских лет не вызывает у автора статьи общественной аллергии – напротив, он скорее не удовлетворён тем, что «после слома коммунистической системы новые идеальные радикалы предали анафеме понятие “идеология”, и оно, по сути, попало под конституционное табу». «Идейными радикалами» здесь названы принципиальные противники любой жёсткой идеологической унификации, сторонники идейного плюрализма, утвердившие его в основном законе России. Вообще «непрояснённость национальной идеологии» виделась Анатолию Салуцкому в начале недолгого президентства Д.А. Медведева фактором более пугающим, нежели продекларированная в те дни властью программа искоренения бедности, нежели ориентация власти на «справедливое общество», «основанное на строгом соблюдении законов», что, по убеждению автора, «противоречит традиционному российскому мировосприятию», «ставящему правду выше закона». То есть именно антиидеологический посыл «Вех», именно вскрытая сборником в русских массах опасность невоспитанного правосознания, смесь которого со стихийным протестом против длительной социальной необустроенности оказывается, по свидетельствам революционного опыта, самой гремучей, принципиально отодвинувшейся в сторону.

Почти те же самые слова о чуждости русского сознания западному универсализму закона и потому близости его именно социализму произносит, критикуя «Вехи», Андрей Столяров⁴. Отврежение социализма веховцами, по мнению автора, было и поспешным, и недальновидным: они не простили новому учению «подростковой жестокости» в момент его воплощения. Правда, у очередного социалистического апологета нет ответов на вопросы, на сколь долгий срок может затянуться пубертатный возраст соцстроя и следует ли простить также и капитализму его юношескую (или старческую) негуманность. По его мнению, не нужно смотреть на коллизии социализма с точки зрения авторов «Вех», видевших в нём путь к «светлому будущему», пролагаемый «доктриною тирании и порабощения». Шероховатости претворения идеала в жизнь нисколько не компрометируют сам идеал: «Тerror сталинского периода и воздвигнутые затем нагромождения советского социализма не могут заслонить сияющую на горизонте идею справедливого преустройства мира». Проблема, правда, в том, как прийти к этой идее и реализовать её, не прибегая к названным «нагромождениям», – её-то и обнаружили веховцы в родной для себя революционной среде.

В статье социалистического автора Бориса Славина⁵ отмечалось, что «русский народ полностью про-

игнорировал идеи “Вех”, взяв власть в Октябре 1917 года под руководством всё той же “народопоклоннической” интеллигенции». «Созвучной» «Вехам» Славин считает «ура-патриотическую идеологию», «воспроизводящую в новой форме старую уваровскую триаду [Православие, Самодержавие, Народность]». Когда «русскую идею» понимают не как «свободу и справедливость», а как «полное подчинение русского народа власти», то следуют, по Славину, ничему иному, как веховской системе общественных установок. Причём современная власть, как видится Славину, проводит их в жизнь чуть ли не «повсеместно», и в глазах социалиста – это не что иное, как «реставрация “белого проекта”». Проекта, понимаемого здесь по классовой логике, то есть, в старом советском ключе, как реакционно-монархического. И в таком понимании – чуждо-го подлинным веховцам, которых до сих пор возглашают сервилистами правой власти сервилисты левой идеологии. Между тем, в большинстве своём веховцы, в том числе связавшие свой путь с Белым движением (как, например, главный инициатор «Вех» П.Б. Струве), меньше всего пытались обрядить Россию в разорванные революцией одежды «старого режима» и размышляли как раз над способами утвердить в нашей стране *свободный трудовой строй*, чуждый мистике самодержавия и околовластного раболепства.

Пожалуй, наиболее жёстко по адресу «Вех» высказался доктор исторических наук Владимир Иорданский⁶. «Вехам» свойственна «скандальная спорность»; они «учили действовать агрессивно и напористо, выдвигая свою точку зрения... без какого-либо интеллигентничания»; «бросали ядовитые семена» (цитата из старого анти-«вехиста» П.Н. Милюкова); использовали «метод коллективного портрета», «облегчавший неправедное судилище» над оппонентом как врагом – причём советской пропагандой этот же метод был по-заимствован именно у веховских «портретистов». Но в ещё большей степени, нежели самим «Вехам», достаётся позднесоветским интеллигентам, осознавшим веховские идеи как приемлемый вариант развития посткоммунистической России. Один из заголовков статьи даже получил название: «“Веховская” методология в борьбе с советским строем». Конструкторы «перестроичного» сборника «Иного не дано» записаны в группу «криклих ниспровергателей» и «интеллектуальных неудачников». «На страницах сборника “Осмыслить культа Сталина”, негодует автор, впадая в очень знакомый пропагандистский стиль, «словно походя назвали Советский Союз “империей смерти”. Таких безумных оскорблений, продиктованных слепой ненавистью к своей родине, не позволяли себе даже оголтелые враги Советского Союза в Соединённых Штатах». Параллельно отмечается сникавшая популярность в «перестройку» теория тоталитарных личностей, сформировавших тоталитарные массы, которая описывала советское тоталитарное сознание как нереалистически-инфантильное, а народ, проникнутый им, как народ, вычёркивающий себя из истории. Совершенно не доверяя веховцам и их последователям, автор считает необходимым вступиться за глав-

«В первые дни революции люди... лютой озверелой ненавистью ненавидевшие интеллигентов, бар и офицерство, казались редкими находками восторженным левым интеллигентам и были в страшной цене. Их бесчеловечность представлялась чудом классовой сознательности, их варварство – образцом пролетарской твёрдости и революционного инстинкта». Борис Пастернак. «Доктор Живаго», ч. 11, гл. 9

ных героев советского времени, когда-то поднятых на знамя компропагандой, – за Павлика Морозова, Александра Матросова и Зою Космодемьянскую. При этом своё возмущение отказом интеллигенции от советской парадигмы, вдохновлённое «Вехами», автор обосновывает... веховской же цитатой С.Н. Булгакова с осуждением интеллигентски «высокомерного отношения к народу как к объекту спасительного воздействия». Поминается и М.О. Гершензон с его знаменитой репликой, «благословляющей» «штыки и тюрьмы» царской власти как инструменты спасения интеллигенции от «ярости народной».

Ещё несколько цитат, уже не требующих пристрастных комментариев.

Виктор Арсланов: «...вовсе не об “интеллигенции”, возлюбившей народ, шла речь. А о том, чтобы любыми способами разрушить союз Робеспьера (в лице европейски образованных марксистов) с Пугачёвым. Разрушить для того, чтобы образовать другой союз – толпу в состоянии холерного бунта с черносотенной интеллигенцией, предавшей демократию и классическую культуру». «Как красиво и благоуханно пишет Бердяев о духовности и поиске истины, а на деле “веховцы” призывали власть покруче закручивать гайки»⁷.

Александр Молотков: «Отрицая подлинность Советской эпохи (как печальный результат “революционного припадка”), интеллигенция теряет опору истории». «Дистанцируясь от одержимого утопией советского прошлого, современные интеллектуалы не замечают, что целиком предают национальную историю XIX–XX веков в её возвышенных идеалах»⁸.

Доктор философских наук В. Мишин (Нижний Новгород): «Мировой кризис углубил и усилил потребность в новой идеологии... Идеология нужна России в качестве маяка, указывающего путь её спасения – не только от наступающего кризиса, но и от очевидной катастрофы безыдеального... существования»⁹.

Поскольку мнений, заострённых анти-веховски, приведено достаточно, остаётся, в качестве идеиного противовеса, сжато процитировать авторов про-веховской позиции.

Историк Анатолий Уткин:

«Главное – в изображении веховцев революционер перестал быть “солью земли Русской”. Помогли и сами революционеры – известный бомбист Б. Савин-

ков опубликовал в том же 1909 году фактически свою автобиографию “Конь бледный”, и Россия познакомилась с душевным миром одного из наиболее прославленных террористов. Патологическая деструкция, аморальная тяга к насилию, неукротимое самовозвеличение (не говоря уже о нечеловеческой жестокости, преступной тяге к насилию) – всё это подрывало культ самоотверженного сына родной земли, якобы готового отдать за неё свою жизнь».

«Народническая проповедь (не говоря уже о марксистской) в исторической действительности превращалась в “разнудзание” и деморализацию. Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой».

«Б. Кистяковский осудил тенденцию радикальной интеллигенции развенчать “формальность” законов, как низших по отношению к исконно присущей народу справедливости. Именно кодексы законов обладают абсолютной ценностью – единственной реальной гарантией свободы, и любая попытка подчинить эти законы интересам революции приведёт в конечном счёте к деспотизму. А. Изгоев высмеял “детскую левизну студентов”, обвинявших правительство во всех грехах, не имея при этом представления о “должном”, о действительно эффективных законах».

«Это было то, что здравомыслящая Россия предупреждала о 1917 году со всеми его последствиями»¹⁰.

Философ Сергей Хоружий:

«“Вехи” – книга диагноза кризиса русского общества и сознания, начал русской жизни. Взглянув на век после “Вех”, мы видим, что кризис не кончился и предпринятая их авторами “критика духовных основ интеллигенции” не привела к его изживанию. Напротив, он стал неразлучным спутником этого века, недолго удаляясь, чаще обостряясь, порой достигая катастрофичности».

«Концом эпохи Великой России виделся многим “революционный припадок”, когда популярный прозаик написал: “Кончилась Россия, как когда-то кончился Рим”».

«Пришедший же вскоре советский тоталитаризм длился лет 60–70, большую часть века, и интенсивно занимался порчею человека... На фоне его прошла Отечественная война, нанёсшая страшный удар по биологическим основам национального организма».

«Феномен тоталитаризма обычно рассматривают под углом практик власти, но, думаю, самые глубокие и губительные его проявления – в антропологии... Тоталитаризм на опыте открыл множество мрачных истин о человеке, создал целый арсенал... почти безотказных технологий обработки и переделки человека... Формируется радикально урезанная идентичность, когда человек соотносит... себя исключительно с минимумом инстанций, определяемых идеологической машиной: Партия – Нация – Коллектив... Архаизация: скатывание Человека вспять... Это обширный спектр явлений: отказ от заповеди “Не убий”, регенерация парадигм... стайного и стадного поведения; “большие процессы”, массовые убийства и лагеря как специфи-

ческие антропотехники, возвращающие уклад, правила поведения примитивных сообществ, отчасти – архаические культуры ужаса, ритуалы с человеческими закляниями... Идеологическая машина вторгается в сознание, и оно, вопреки воле человека, приводит в действие огромный заряд скрытой в нём угрожающей энергии... Это и есть главное “ноу-хай” тоталитарной антропологии: оказывается, есть механизм предельно ускоренной полной перековки, перерождения-зомбирования человека».

«Реабилитации после революционного припадка Россия так и не получила. Нынешняя ситуация заставляет задуматься, не стал ли ущерб уже необратимым: и возможно ли вообще восстановление национального организма на уровне прежней России, что в XIX веке входила в разряд великих культур человечества»¹¹.

Уже в открывающем рубрику материале профессора В.И. Толстых хорошо были видны основные векторы предпринятого обсуждения. 10 лет назад к не так далеко ушедшему из России социализму ещё относились с опаской, и предупреждения против него могли встретить сочувственных слушателей. В статье «Вехи-2009»¹² можно было прочитать слова о «многострадальной России, вдоволь насладившейся “казарменным социализмом”», отнюдь не заманивавшие ретроспективами этого, казалось, наверняка отжившего строя. Но революционно-социалистическая биография веховцев всё-таки служила сигнальным маркером их деятельности: почти все они «в молодости были марксистами или отдали ему серьёзную дань, участвовали в тех или иных студенческих акциях». И профессор считал вполне уместным предположить, будто для веховцев могла стать «предметом преимущественного внимания» не только социализация, но и капитализация грядущей России. То есть тематика сборника всё же включалась не столько в принадлежащий ему контекст предупреждений против революционной радикальности, собственно, и давшей на выходе социализм в массе разных версий, сколько в атмосферу сожалений о том, что социализм у нас уже не удался, а капитализм – так и не задался. В конце концов, почему-то именно статья, посвящённая «Вехам», представилась профессору удачным местом для упоминания имени... Ю.В. Андропова. Правда, речь шла о неудовлетворённости даже самого генсека поступью «развитого социализма», о его правлении говорилось в тоне разочарования достигнутым итогом социалистического строительства. И, тем не менее, создавалось впечатление, что ностальгия по неудачному, но «интересному» социалистическому опыту сразу стала звучать в разговоре о «Вехах» сильнее, нежели заинтересованность социальной симптоматикой, обрисованной авторами сборника.

В конце дискуссии¹³ сожаления о советском периоде проявились и у ведущего рубрики вполне явственно. В качестве эпилога почти на год растянувшегося круглого стола профессор Толстых выразил возмущение тем, что советский период называют в наши дни «не иначе как “тоталитарным”», что «великую идею коммунизма представили как бездарную утопию и химе-

ру», что, наконец, «хулигани социализма... обнаглели настолько, что представляют историю Советского Союза сплошь кровавым ГУЛАГом». Это и стало эмоционально-теоретическим увенчанием спектра мнений о сборнике. Компендиум веховских предупреждений был, в конце концов, повержен ниц перед результирующей формулой Александра Зиновьева: «Целились в коммунизм, а попали в Россию».

Профессор завершил дискуссию не ссылкой на высокоумных теоретиков, а на... француженку-гиду, которая в Париже сразила его изумлённым вопросом: «Что вы делаете? Почему отказываетесь от Октябрьской революции? Разве её совершили не вы сами, не ваши отцы и деды?..» Блестящая французская логика собеседницы свелась к простому указанию на то, что революционная Франция *тоже* прошла через террор и насилие. Стоило ли обращаться к книге, набатно бившей тревогу о жестокостях национального взрыва, чтобы в конце концов благословить их как элементарный исторический факт? Стоило ли заниматься анализом катастрофизма русского насилия, чтобы так легко успокоиться на феномене насилия чужеземного? Вместо ревизии национального прошлого, которое для авторов «Вех» было ещё с трудом управляемым настоящим, всё завершилось набившим сегодня оскомину разговором о «реабилитации прошлого», о «сохранении нити тысячелетней российской истории». Но проблема в том, что в российской революции веховцы и видели трудносшиваемый разрыв этой нити. И те, кто сегодня критикуют русскую интеллигенцию за неприятие революции и большевиков, в качестве «пошивочного материала» предлагают на самом деле отнюдь не ту нить, из которой была выткана светлая риза российской истории. Под их руками – грубое вервие советского периода, его затянутые узлы, развязывание которых они до сих пор считают не выходом страны из напророченного «Вехами» революционного провала, но антинационально-идеологическим ослаблением.

Тут всё-таки уместно привести цитату из столь чуждого и по сей день (хотя бы только стилистически!) «всем советским людям» романа Пастернака. Народный тип, лицо которого сделалось «визитной карточкой» большевизма, – это ведь не просто необразованный крестьянин, участвующий в народном восстании и, вполне понятно, ожесточённый его стихией. В социальном смысле это агрессивно-недоразвитый субъект, совершенно закрытый для культурного благожелательства интеллигента-«народника». Таким в романном повествовании о Гражданской войне (часть 11-я «Лесное воинство», гл. 9) Пастернак изображает красного партизана Памфила Палых: «...здоровенный мужик с чёрными всклокоченными волосами и бородой, и шишковатым лбом, производившим впечатление двойного, вследствие утолщения лобной кости, подобием кольца или медного обруча обжимавшего его виски. Это придавало Памфилю недобрый и зловещий вид человека косящего и глядящего исподлобья». «Юрию Андреевичу этот мрачный и необщительный силач казался не совсем нормальным выродком

вследствие общего своего бездушия, и однообразия и убогости того, что было ему близко и могло его занимать».

Идеология революционных радикалов была отлично известна Пастернаку и вполне по-веховски отмечена им в романе как ещё недавно пережитая эпоха трагического самоослепления: «В начале революции, когда по примеру девяносто пятого года опасались, что и на этот раз революция будет кратковременным событием в истории просвещённых верхов, а глубоких низов не коснётся и в них не упрочится, народ всеми силами старались распространять, революционизировать, переполошить, взбаламутить и разъять. В эти первые дни люди, как солдат Памфил Палых, без всякой агитации, лютой озверелой ненавистью ненавидевшие интеллигентов, бар и офицерство, казались редкими находками восторженным левым интеллигентам и были в страшной цене. Их бесчеловечность представлялась чудом классовой сознательности, их варварство – образцом пролетарской твёрдости и революционного инстинкта».

Воистину, не только мы читаем книги, а и книги читают нас! Взгляд крайне левого общественника до сих пор так устроен, что *хамство и отпадение от культуры* он парадоксальным образом видит не в не стесняющихся ничем носителях этих антикачеств, а в интеллигентах, отказывающих таковым в человеческом доверии. Интеллигентов, не потрафляющих этому народному типу, даже если волею злой судьбы последний оказался ведущим за собою другие, лучшие типажи, такой общественник уличает в отступлении от народного идеала, описывает их позицию как *ненависть ко всему народу*. И, возвращая в сознание классовую (или подобную ей народопоклонническую) идеологию, противники интеллигентии повторяют *после всех жертв XX века* то, что говорили в начале столетия, накликавая эти жертвы, близкие им проклинатели интеллигентского «обуржуазивания».

Примечания:

- ¹ «Что делать?»: Интеллигенция и народ в России: трансформация отношений от начала XIX до XXI века. Выпуск 445 [Видеозапись эфира] // YouTube. 11.12.2016 [Электронный ресурс] // <https://www.youtube.com/watch?v=dJHzMK0PaYM>. Дата обращения: 20.10.2018
- ² Волапук – международный искусственный социализированный язык, созданный в 1879 году немецким католическим священником И.М. Шлейером; набор непонятных слов, тарабарщина (разг.). – Прим. ред.
- ³ Салуцкий А. Утерянные смыслы // Литературная газета (далее – ЛГ). 2009. 15 апреля.
- ⁴ Столяров А. Моральный бренд // ЛГ. 2009. 25 марта.
- ⁵ Славин Б. За чей счёт? // ЛГ. 2009. 3 июня.
- ⁶ Иорданский В. Во власти безмыслия // ЛГ. 2009. 11 февраля.
- ⁷ Арсланов В. Союз Робеспьера с Пугачёвым // ЛГ. 2009. 2 сентября.
- ⁸ Молотков А. Выплеснули «ребёнка» // ЛГ. 2009. 29 июля.
- ⁹ Мишин В. Изменить или заменить? // ЛГ. 2009. 22 июля.
- ¹⁰ Уткин А. Предостережения // ЛГ. 2008. 24 декабря.
- ¹¹ Хоружий С. Две-три России спустя // ЛГ. 2009. 1 апреля.
- ¹² Толстых В. Вехи-2009 // ЛГ. 2009. 14 января.
- ¹³ Он же. Неразумное устройство // ЛГ. 2009. 28 октября.

Святослав Иванов

Дефицит совести и солидарности

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ ОТСТАВКИ

Торжественное мероприятие, посвящённое 100-летию создания комсомола, в Воронеже состоялось в субботу 20 октября. Ветераны комсомола, в том числе и ныне живущие в столице, представители органов государственной власти области собрались в Воронежском концертном зале. Вечер открыл фильм «День рождения комсомола», а после просмотра к собравшимся обратился губернатор Воронежской области Александр Гусев. Он сказал, что «ВЛКСМ был реальной школой жизни. Помогал найти своё призвание, сформировать лучшие черты характера, привычку к труду и профессиональные умения», отметив, что из комсомольского движения вышло не одно поколение специалистов и руководителей, настоящих лидеров. Один из них, бывший заместитель губернатора Воронежской области Юрий Агибалов присутствовал на этом празднике уже в качестве ветерана во всех смыслах этого слова. А ведь ещё в начале октября, будучи при власти, Агибалов в качестве председателя областного оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвящённых 100-летию создания комсомола, посетил Кантемировский муниципальный район, где провёл встречу с главами поселений, специалистами администраций, представителями общественности, ветеранами комсомольского движения и членами районного оргкомитета. Он не скрывал, что приехал именно по делам Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодёжи «ВОСПИТАННИКИ КОМСОМОЛА – МОЁ ОТЕЧЕСТВО» (создана в 2015 году), районные активисты которой сильно отличились. Юрий Владимирович заявил тогда, что работа организации не должна закончиться подготовкой к 100-летию комсомола, что она должна продолжаться и после юбилея. «И основной акцент – это патриотическое воспитание», – подчеркнул Агибалов. В ходе встречи в Кантемировке, как главный распорядитель грядущего торжества, Юрий Агибалов озвучил основные мероприятия завершающего этапа по празднованию 100-летия комсомола.

И всю первую половину октября он жил в предчувствии праздника, в предчувствии и своего очередного триумфа... Ведь, как ни крути, жизнь этого неулыбчивого и замкнутого чиновника складывалась до 15 сентября 2018 года более чем успешно. Сельский паренёк из совхоза «Россошенский», что на Орловщине, окончил Воронежский сельхозинститут. Будучи студентом последнего курса, избран заместителем секретаря комитета ВУЗа. Затем работал завсектором обкома ВЛКСМ, а вскоре, в 34 года, стал секретарём Центрального райкома КПСС Воронежа. В номенклатурной обойме карьера Юрия Владимировича в административных органах шла как по маслу. И в названиях почти всех должностей, которые последовательно занимал Агибалов, вплоть до последнего времени при-

существовали два магических для чиновников слова – оргработка и аппарат. Последняя должность Агибалова перед выходом на пенсию – заместитель губернатора, руководитель аппарата губернатора и правительства Воронежской области.

Как водится среди наших чиновников, Агибалов ещё и профессор кафедры экономики и менеджмента Воронежского филиала Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Эта академия в каждом регионе – не только питомник для разведения нынешних бюрократов, но и главный институт по повышению их квалификации на договорных началах. О качестве обучения в академии говорит такой факт. Один бывший преподаватель этого ВУЗа рассказывал автору этих строк, что некий слушатель этого ВУЗа вступление к своей дипломной работе начал со слов искренней благодарности своему главе районной администрации... Не знаю, давно не встречался с преподавателями академии, но, возможно, там уже все выпускники начинают свои дипломы с благодарности президенту и губернатору за своё счастливое настоящее. В том числе и пенсионное.

В отличие от простого народа, который зависит от оскудевающего пенсионного фонда, чиновники сами кузнецы своего счастья. Закон о «золотых парашютах» был принят Воронежской областной Думой пятого созыва 25 декабря 2014 года. Под номером 207 он вносит поправки в областной закон «О пенсиях за выслугу лет лицам, замещавшим должности госслужбы» и «О госдолжностях». В это время регионом руководил Алексей Гордеев, и именно его подпись стоит под документом. Не исключено, что именно под его московские аппетиты и был подготовлен закон. Положение о денежном поощрении уходящим на пенсию чиновникам было утверждено постановлением правительства Воронежской области от 14 апреля 2015 года № 277 «О порядке назначения и выплаты пенсии за выслугу лет и доплаты к страховой пенсии по старости (инвалидности)». Согласно документу, принимает все необходимые документы, проводит правовую экспертизу и принимает решение о назначении единовременной выплаты при выходе на пенсию областная комиссия по пенсионному обеспечению за выслугу лет.

Если бы Гордеев досидел в Воронеже второй губернаторский срок, он получил бы не только «половодное денежное вознаграждение», медобслуживание для себя и членов семьи, страховку на случай смерти илиувечий, ежегодную компенсацию затрат на отдых и право на «безотлагательный приём» любым областным чиновником. Но и личную охрану, спецсвязь, автомобиль с водителем, оплату расходов на использование VIP-зон аэропортов и вокзалов, а также покупку лекарств и в случае необходимости жилья. Алексей Васильевич явно подстелил соломки на случай, если

в Кремле не вспомнят о нём. Но, в результате, не досидев второй губернаторский срок, был востребован в правительстве Д.А. Медведева.

Интересно, что фракция КПРФ во главе с лидером воронежских коммунистов Сергеем Рудаковым тоже единогласно голосовала за закон. Зато в новом, шестом созыве регионального парламента Рудаков, при том, что ряды фракции КПРФ поредели, вдруг получил должность заместителя председателя Областной Думы, которая позволит ему самому воспользоваться выходом на пенсию с «золотым парашютом». Так бывшие комсомольцы, несмотря на то, что якобы находятся по разные стороны баррикад, прекрасно поладили между собой.

Согласно закону, на огромные выплаты из бюджета могут рассчитывать целый ряд чиновников – от губернатора до заместителя председателя областной избирательной комиссии и начальника управления. Закон расширил базу для расчёта региональных доплат к пенсиям, включив в неё два десятка новых. Они начисляются за работу с шифрами, за учёную степень, проведение правовой экспертизы нормативных актов, их визирование и т. д.

Агибалов не первый, кто воспользовался льготами. До него «золотые парашюты» уже получали чиновники, кто по своей должности отвечал за самые чувствительные сферы бюрократического бытия – финансы, выборы и принятие региональных законов. Один из самых одиозных «парашютистов» – бывший глава регионального избиркома Владимир Селянин. В 2015 году он получил немалую сумму в качестве единовременной выплаты по выходу на пенсию. А уже через короткое время снова возглавил избирательную комиссию и стал получать зарплату чиновника. Эта история дошла до главы Центризбиркома Эллы Памфиловой. И по этому поводу она заявила: «Есть закон о пенсионном обеспечении. Устраивает – надо работать, не устраивает – значит, нет. А то получают 400 тысяч рублей «золотого парашюта», а потом возвращаются на должность. По крайней мере, это неприлично». Владимир Селянин и его заместитель Вячеслав Черепухин, также получивший «золотой парашют», «прославились» и на прошлых парламентских выборах. Уголовное дело о переписывании протоколов в пользу «своего» кандидата воронежский Следственный комитет закрыл совсем недавно. С формулировкой «техническая ошибка».

Заметим, что, как считают знающие люди, весь состав облизбиркома был подобран с деятельным участием именно Юрия Агибалова. А о том, как в итоге проходят выборы в регионе, говорят факты. Из 602 638 голосов, отданных 9 сентября 2018 года за победителя, нынешнего воронежского губернатора Александра Гусева, более половины, 329 278 голосов, пришли на сельские районы с чеченской явкой свыше 80 % и чеченским результатом – свыше 80 % за основного кандидата. Воронеж отдал за Гусева всего лишь 94 004 голоса или 15,6 % от общей доли голосов, отданных за всенародно избранного губернатора, притом, что воронежцы составляют 45 % от населения всей области. То есть победили, как всегда, внутренняя чернозёмная

Туркмения и всесильный аппарат.

«Агибаловских» кадров полно не только в облизбиркому, но и в других учреждениях. По подсчётам, только ближайших родственников и их жён-друзей в правительстве больше двух десятков. Дочь Агибалова, Ольга Юрьевна – начальник отдела наградной политики, сын Владимир – заместитель руководителя аппарата Облдумы, сестра Лариса Волкова – директор Воронежского юридического техникума, жена сына работает в управлении ЗАГС, брат до недавнего времени был проректором Воронежского государственного аграрного университета, а его жена работала в аппарате облизбиркома...

О талантах Юрия Владимировича решать самые щепетильные вопросы ходят легенды. Недаром в определённых кругах его называют, переиначивая фамилию, Нагибаловым. Коллега мне рассказывал, как на одном совещании с главами районов Агибалов решал вопрос выполнения разнарядки по подписке на областные печатные издания. Он пригрозил, что не будет записывать глав районов, где план по подписке не выполнен, на приём к первому лицу области... То есть Юрий Владимирович успешно управлял процессом доступа к телу губернатора и всегда был в авторитете.

Конечно, с вновь избранным губернатором у него были доверительные, а многие говорят, дружественные отношения. И когда Юрий Владимирович попросил главу области проделать юридический трюк, чтобы обосновать получение солидного разового вознаграждения, никто и не думал о грядущих последствиях. Любопытно, что Агибалов был уволен 15 сентября, в субботу, а вновь принят на работу 17 сентября, в понедельник. Скорее всего, это было сделано для конспирации. Ведь именно 15 сентября вновь избранный губернатор Александр Гусев вступил в должность, избавившись от приставки врио.

Сам Юрий Владимирович своего входа-выхода во власть, конечно, и не заметил. Он продолжал готовиться к 100-летию комсомола. Но вскоре его приятные хлопоты сменились заботами о своей безупречной репутации. Спустя 12 дней после возвращения Агибалова на службу телеграм-канал «Незыгарь» (известный публикациями различных вбросов) опубликовал информационную бомбу для подготовленной к взрыву пенсионной реформой аудитории. Пост «Незыгаря», опубликованный в ночь с 28 на 29 сентября, начинается с утверждения, что губернатор Гусев может быть привлечён к уголовной ответственности по факту нанесения ущерба бюджету. У заместителя губернатора Агибалова истекли полномочия по контракту, в связи с чем он пролоббировал себе выходное пособие в размере 23 должностных окладов. Через два дня Агибалов вновь устроился на ту же должность и организовал себе постоянную трёхкратную доплату к окладу плюс 75% надбавки к сумме всего заработка как доплату к страховой пенсии по старости бессрочно. С учётом ежемесячных премий доход вице-губернатора составит около 500 тысяч рублей в месяц только официально, и столь внушительная сумма является просто немыслимой для простых жителей Воронежа и области. В завершение

своего поста «Незыгарь» выразил надежду, что губернатор Александр Гусев отменит свои решения и отправит Юрия Агибалова в отставку. А региональные силовые структуры без привлечения Москвы возбудят уголовное дело по факту растраты денежных средств в областном бюджете. Источник в Кремле якобы заявил телеграм-каналу: «У воронежского губернатора Гусева отсутствуют ум, совесть и политическое чутьё». Были представлены копии указов губернатора и результаты интернет-голосования. Аудитории предложено было определить, каким словом после всего этого можно назвать Александра Гусева. Под вердиктом «подлец» подписалось 75 % проголосовавших, остальные 15 % квалифицировали его поступок определением «молодец».

Первая реакция воронежского губернатора была совсем спокойной: «Человек достиг пенсионного возраста. Почему он не может получить положенные ему выплаты?» Сам Юрий Владимирович также не сомневался в правильности происходящего. «Я считаю, что уход на заслуженный отдых был законным», — сказал сам Агибалов корреспонденту НТВ. По поводу возврата на прежнюю должность, чиновник ответил, что «не он принимал решение». Но общество уже не принимало такую логику законников. Российские СМИ и соцсети буквально захлестнули шквал сердитых реплик. «Всё было сделано на 100% по закону, но при этом на 100% мерзко. В выходной день, без огласки и сомнений в правильности этого решения», — прокомментировал один из собеседников издания «Блокнот-Воронеж» историю с «золотым парашютом» Агибалова.

Спустя некоторое время со стороны администрации посыпались невнятные объяснения и уточнения, что на самом деле Агибалов получит в два раза меньше, а добавку к пенсии получит, если уволится. Наконец, на специальном брифинге 1 октября воронежский губернатор согласился с тем, что некоторые материальные гарантии госслужащих можно назвать избыточными, но, вместе с тем, заявил он, без должного материального обеспечения в органы власти толковые специалисты не придут. Гусев пояснил, что возвращение Юрия Агибалова в правительство якобы шаг временный, вызванный необходимостью контролировать огромное количество распорядительных документов, а вице-губернатор является высококлассным специалистом в области государственного управления. Губернатор с сожалением объявил, что Юрий Агибалов работать в новом правительстве отказался. И попросил прокуратуру проверить законность действий, произведённых в отношении него с 15 по 17 сентября.

Спустя три недели, 23 октября, прокуратура ответила. После проверки по обращению Юрия Агибалова по вопросу законности назначения ему единовременного денежного вознаграждения в размере 23 должностных окладов основания для принятия мер прокурорского реагирования не установлены. То есть в надзорном ведомстве только подтвердили, что «золотые парашюты» для областных руководителей, уходящих на пенсию, принятые по инициативе прежнего губернатора Алексея Гордеева, являются законной нормой.

А вот по мнению члена Общественной палаты России Ильи Ремесло, увольнение и последующий приём на работу Юрия Агибалова — есть мнимая сделка: увольнение было совершено не с целью расторжения трудовых отношений. А с точки зрения уголовного права, в истории с Юрием Агибаловым имел место умысел на распоряжение денежными средствами бюджета, то есть все основания для проверки по статьям «Растрата» и «Злоупотребление должностными полномочиями» УК РФ. Кстати, по его сведениям, «золотые парашюты» официально прижились и в других регионах России. В Ростовской области госслужащий может получить даже больше, чем Юрий Агибалов, — до 24 окладов.

Мы не знаем, удовлетворил ли Агибалова ответ прокуратуры. По-видимому, он наверняка пожалел, что прокуратура вынесла свой вердикт уже после торжества по случаю 100-летия комсомола. Его реабилитировали после того, как он встретился со своими товарищами по комсомолу. И для многих он остался человеком с «пятном». Но бедствовать Агибалов точно не будет. В 2017 году, исходя из общего дохода врио вице-губернатора, вместе с надбавками, доплатами и премиями, Юрий Владимирович зарабатывал не менее 400 тысяч рублей в месяц. Теперь $\frac{3}{4}$ от этой суммы он будет получать в виде прибавки к пенсии. Притом, что средняя пенсия по Воронежской области сегодня составляет 13 800 рублей.

Так что Агибалов не обижен. А вот найдёт ли он в себе силы после случившегося по-прежнему воспитывать новое поколение в духе патриотизма? Мы не знаем. На наш взгляд и Гусев, и Агибалов, и многие другие чиновники живут в другом мире. Эта история показывает причину, по которой большинство граждан России не приняли пенсионную реформу. Всем очевидно, что она была задумана не ради общества, а просто как очередное мероприятие, экономящее властям деньги и снимающее с них ответственность перед людьми. И, на мой взгляд, самое страшное, что российские чиновники, начиная с Президента, не представляют себе масштабы народного отторжения самоочевидных для них решений. Ведь наши СМИ фактически замолчали протестные мероприятия. Сужу по Воронежу. Когда автор этих строк просто поместил фоторепортаж с митинга протеста против пенсионной реформы на своей странице в «Одноклассниках», его просмотрели около 19 000 посетителей. Потому что короткий нейтральный отчёт с митинга поместили лишь некоторые воронежские издания. В высоких же кабинетах больших начальников голос протesta и вовсе не был услышан.

А ведь любой вменяемый политик в любой стране, даже если ему глубоко чужды взгляды большинства населения, должен считаться с ним и хоть в какой-то степени уважать. У нас же в России значительная часть власти имущих относится к большинству своего народа как к людям, которые «мыслят неправильно». Но такое отношение к своему народу неизменно в перспективе ведёт к катастрофе, подобно тем, которые мы пережили в 1917–1920 и в 1991–1999 годах.

В этой связи я считаю в каком-то смысле знаковой

статью одного из самых авторитетных государственных деятелей новой России, председателя Конституционного суда, опубликованную в «Российской газете» 9 октября 2018 года.

«Судя по характеру многочисленных жалоб в Конституционный Суд, – пишет он, – в настоящее время главным источником напряжённостей в российском обществе является нерешённость социально-экономических проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав граждан. Социологические исследования подтверждают, что ожидания и даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных сферах жизни воспринимаются людьми крайне болезненно». По мнению Зорькина, наиболее болезненно воспринимается обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых в стране экономических реформ. Масштабы социального расслоения зашкаливают. За чертой бедности находятся свыше 20 миллионов

россиян. В России очень высока доля так называемых «работающих бедных», а самая массовая группа бедных – это семьи с детьми. При этом социологи фиксируют системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих. Валерий Зорькин заявил, «что нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике), которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма». Нужна правовая теория, синтезирующя идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности, в наибольшей степени соответствующая ментальности российского народа.

Будем надеяться, что это авторитетное мнение не останется без внимания и его услышат в высоких кабинетах российского истеблишмента.

Воронеж, октябрь 2018

Валентин Коновалов

Политическая хроника провинциального бытия

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО В № 10 ЗА 2018 ГОД)

Затронувший страну мировой экономический кризис привёл к тому, что на рубеже 2008–2009 годов Самарская область наряду с другими регионами пережила максимальный и длительный спад в развитии машиностроительной и автомобильной отраслей в результате их низкой конкурентоспособности. По уровню скрытой безработицы регион стал относиться к кризисной территории. В связи с тревожным положением на рынке труда области щедро выделялись трансферты из федерального центра. Однако, подводя итог своей деятельности в 2008 году, на встрече с представителями СМИ губернатор бодро заявлял, что Самарская область стала динамически развивающимся регионом. В заключение он назвал важным направлением работы правительства борьбу с коррупцией: уже некоторые чиновники пострадали, но мы будем бороться дальше с теми, кто даёт и берёт взятки.

Сразу после вступления в должность в одном из первых интервью корреспондент спросил новоявленного губернатора, как он попал в когорту людей, которую называют «командой Путина»? Тот сразу же пояснил, что просто работал, всегда старался выполнять порученное дело на совесть. Но потом совесть успокоилась, и поэтому вместо повышения качества жизни народа начальник области занялся созданием комфорта для своей персоны. «В Самарской области, несмотря на остроту кризиса и высокие темпы промышленного спада, расходы на госуправление выросли на 17%. Новый бронированный «Мерседес» самарского губернатора и оплата самолёта для еженедельных поездок в Москву на выходные дорого обходились бюджету»¹. Но, по всей видимости, опьянённый властью губернатор не считал свои деяния коррупцией и ещё несколько

лет занимал кресло главы региона.

Пятилетнее (2007–2012) правление новоизбранного мэра ознаменовалось дефицитом бюджета, конфликтной ситуацией между жителями посёлков и администрацией округа в связи со строительством Восточной кольцевой дороги и «разрухой» на городских улицах.

В апреле 2008 года на заседании депутатов местной Думы рассматривалось Положение о символе городского округа – гимне Новокуйбышевска. Подводя итог дискуссии, мэр заявил, что существует гимн России, он единый для всех, а когда они есть у каждой территории – это местечковые интересы. Тогда редакция одной газеты опубликовала язвительную фразу: «Депутаты не хотят петь». В итоге музыкальный «брэнд» до сих пор официально не утверждён, но зато написана песенка про нефтеперерабатывающий завод.

30 октября 2008 года в День памяти жертв политических репрессий в городском парке «Дубки» установлен памятный знак. Памятник выполнен из шокшинского малинового кварца и гранита, добывшего на берегу Онежского озера вблизи лагерей политзаключённых на Беломоро-Балтийском канале.

Этот же год отмечен опартийнением административных органов: состоять в рядах «Единой России» становится модным любому руководителю городского округа. Одновременно усилилось принуждение к голосованию на выборах сотрудников предприятий и учреждений, причём за кандидата от партии власти.

И всё же надо констатировать, пусть хаотичный, фактор становления гражданского общества. Примером может послужить противодействие в 2009 году жителей посёлков муниципальной власти, принял решении по прокладке северо-восточной объездной

дороги.

В 2012 году указом Президента губернатором Самарской области был назначен бывший руководитель Мордовии Николай Меркушкин. Его показательная социально-экономическая активность началась с выбивания миллиона рублей для достройки Кировского моста.

2014 год был наполнен разнообразными мероприятиями. В политической сфере губернатор затеял реформу местного самоуправления, отменяя выборы глав городов и районов. Область посещает президент Путин для того, чтобы вместе с губернатором дать старт строительству стадиона «Самара Арена». В сентябре 2014 года в Самарской области организуются досрочные выборы губернатора.

Руководство городского округа тоже проявляет не-үёмный порыв. В желании заполучить огромное количество избирателей, нарушая конституционные права и свободы, людей выводят на досрочное голосование даже в рабочее время, доставляя автотранспортом на участки. Тогда досрочно проголосовали около 25 тысяч человек. В итоге глава области набрал большинство голосов (свыше 91 %)². После массовых протестов по поводу обнаруженных злоупотреблений в ходе выборов было отменено досрочное голосование и отправлен в отставку председатель ЦИК. Не обошлось, конечно, без «вознаграждения»: начальника химического холдинга, побывавшего в роли доверенного лица губернатора, перевели с повышением в столицу.

В конце 2015 года начались работы по возведению Фрунзенского моста. Построен мемориальный комплекс «Гордость, Честь и Слава Самарской области». Проведены реконструкция Московского шоссе и строительство кольцевых развязок на пересечении проспекта Кирова и Ракитовского шоссе. Однако в этом же году на фоне якобы нормальной ситуации в области отмечено замедление темпов роста в автомобилестроении при небольшом росте в промышленном производстве. Агропромышленный комплекс вышел из кризиса, хотя урожайность зерновых осталась низкой. Не были своевременно решены вопросы подготовки Самары к чемпионату мира по футболу и строительства жилья.

Регулярно оббивая пороги министерских кабинетов в Москве, губернатор залез в миллиардные долги. К началу 2017 года объём государственного долга Самарской области составил более 69 миллиардов рублей³. Одновременно регион оказался в первой десятке должников по коммерческому долгу (48,1 миллиардов рублей)⁴. Но губернатору денег хронически не хватало, поэтому он, воспользовавшись неограниченной властью, якобы в целях более справедливого распределения бюджетной поддержки ликвидирует все категории социальных льгот, что привело к обнищанию пенсионеров. Вскоре по Самарской области прокатывается волна митингов протesta и начинается конфронтация депутатов коммунистической фракции в СГД с правящими кругами.

На очередной пресс-конференции губернатору задали вопрос о том, как он относится к тому, что на митингах требуют его отставки? Глава региона лихо

отвечал: в 1991 году тоже кричали, чтобы я ушёл в отставку, развалили страну, сейчас хотите развалить другую. Второго раза не будет, не дам.

Губернатор не упускал случая, чтобы в прямом эфире телеканала «Россия 24. Самара» в программе «Главная тема» рапортовать о работе с талантливой молодёжью, масштабном строительстве дорог, рекордном урожае зерновых, сроках сдачи стадиона. Периодически в телеэфире транслировались его встречи с представителями СМИ. Забавляло то, как присутствующие подобострастно внимали косноязычную речь самарского деятеля, лишённого элементарных ораторских навыков. Всякий раз разговор начинался с осуждения митинговой демократии и передела собственности 1990-х годов. Губернатор намеренно игнорировал тот факт, что партийно-коммунистический режим воспроизвёл тип «советского человека», который послужил материалом для формирования бандитизма.

А.Н. Медушевский в статье «Сталинизм как модель» утверждал: «В условиях большевистской революции девиация сама стала нормой поведения, привела к превращению подпольной субкультуры революционной организации в официальное право и установлению доминирования неформальных криминальных норм над формальными правовыми»⁵.

В Новокуйбышевске также был организован немногочисленный митинг, участники которого потребовали вернуть льготы и отправить в отставку губернатора. Примечательно, что на одном из транспарантов было начертано: «Перекроём дворцы Медведева на безлимитный проезд ветеранов!» Собравшиеся люди, бесправные перед всесилием власти, побаивались говорить о строящихся в стране дворцах для первого лица государства. В своих «Письмах президенту» журналист А.В. Минкин пишет: «...в России появилось больше особняков, дорогих машин и яхт, чем надо было квартир для ветеранов»⁶.

И всё-таки информация о ликвидации социальных выплат людям преклонного возраста попала в эфир «Прямой линии» Путина. Вот поэтому уже в сентябре губернатору пришлось подать в отставку. Несмотря на то, что новоявленный глава региона призвал не критиковать бывшего руководителя, его отставка сразу же разрушила благостное восприятие последнего не только в Самарской области, но и у него на родине. Ведущее издание региона – газета «Столица-С» обозначила идейного и политического отца Мордовии как «феодала». Были удалены с постов министр управления финансами и тревожный глава департамента по правопорядку и противодействию коррупции Самарской области⁷. А месяц спустя уже редакция газеты «Самарское обозрение» посвятила специальный выпуск сокрушительной критике действий экс-губернатора. На обложку издания были вынесены сакраментальные вопросы: «Что делать? Мордовский дух покинул Самарскую область. Как новой власти вернуть губернии лицо?» Автор одной публикации, например, предлагал для того, чтобы его влияние обнулить, сменить всю элиту Мордовии. Другой отмечал, что «стратегия развития области к 2025 году напоминала сборную солянку, которую

придумали, не обсуждая с народом»⁸.

Отставленный, но не удалённый из публичной сферы бывший деятель успел-таки обеспечить себе дальнейшую безбедную жизнь: сегодня доплаты из бюджета Самарской области в несколько раз превышают в денежном эквиваленте начисленную ему пенсию.

В марте 2012 года избирается третий глава г.о. Новокуйбышевска. С марта 2007 года, являясь депутатом СГД, он занимался решением социальных вопросов и проблемами промышленной безопасности. Несмотря на то, что многие жители отрицательно относились к нему по причине конфликтной ситуации со своим сотрудником в бытность директором нефтеперерабатывающего завода, он был избран мэром округа. Санкцию на его избрание, как стало известно, дал вице-губернатор.

В июне 2012 года на общегородском совещании была оглашена главная причина всех проблем – недостаток финансовых ресурсов. С 2007 года в результате значительного уменьшения доходной части бюджета возникли трудности с решением многих вопросов. Оказалось, что его дефицит каждый год возрастал на несколько миллионов рублей. Поэтому докладчик (мэр с 2016 года) призвал к необходимости оптимизации расходов социально ориентированного бюджета. И такая негативная ситуация складывалась, несмотря на принятое постановление о сменяемости главы округа за неисполнение полномочий городской Думой или Губернатором.

Деятельность общественных организаций поставлена администрацией под жёсткий контроль. На этом фоне затеваемые публичные слушания по проекту бюджета и другим вопросам носят формальный характер, не вызывая интереса у подавляющего большинства жителей. Причиной безразличного отношения является отсутствие серьёзного влияния на формирование и расходование финансовых средств городского округа.

Время правления мэра не обошлось без финансовых махинаций местного масштаба. Так, в 2015 году Счётная палата Самарской области в ходе комплексной проверки деятельности администрации городского округа выявила финансовые нарушения на сумму 9 миллиардов рублей⁹. Однако мэр сразу же отмёл предъявленные обвинения, заявив, что указанные злоупотребления произошли до его вступления в должность, хотя администрацию он возглавлял с 2012 года. Отчитываясь перед депутатами местной Думы по исполнению бюджета на 2014 год, глава округа умудрился построить свой доклад в основном на перечислении достигнутых успехов, хотя число письменных жалоб, обращений по электронной почте и телефонных звонков не уменьшается. В цивилизованной стране такой руководитель подаёт в отставку и привлекается к суду. Но если у нас воровство кремлёвских жуликов стекает, как с гуся вода, то почему нельзя умыкнуть деньги чиновникам рангом пониже?

А вскоре в муниципальной газете был спешно опубликован отчёт о деятельности контрольно-счётовой палаты городского округа за 2014 год. Содержание его представляло собой экспертно-академический,

контрольный, информационно-методический и иной каламбур. Но самое странное, что для реабилитации руководства администрации авторы текста зафиксировали перечень установленных нарушений при использовании бюджетных средств за период с 1998 года по 1 квартал 2012 года и с 2012 по 2014 год¹⁰.

Другой финансовый конфликт связан с бывшим бизнесменом, ныне председателем Думы городского округа, атакованным правоохранительными органами за долги по птицефабрике «Безенчукская». В отношении не платившего руководителя было открыто производство по исполнительному листу на сумму 34,3 миллиона рублей¹¹. Однако через несколько месяцев, как и следовало ожидать, средства массовой информации сообщили, что его не удалось прileчь к ответственности.

Это время отмечено и назначением в муниципальную газету нового редактора. Он вывел отдел рекламы из состава редакции и преобразовал в ООО, прибыль которого стала фактически бесконтрольной. И если в прошлом газете выделялось около 3 миллионов рублей бюджетных средств ежегодно, то теперь – почти 9 миллионов. По словам старейшего журналиста, проработавшего в издании десятки лет, на «боевом» счету редактора уже были две фактически обанкроченные газеты. Третьей должна была стать газета «Вестник», но этого не произошло¹². Не поднимая шума по поводу банального воровства бюджетных денег в редакции, негласно были изгнаны редактор и начальник отдела рекламы.

Примечателен тот факт, что уже после празднования очередного юбилея Новокуйбышевска свой пост покинул начальник городского отдела МВД, а прокурор округа был переведён в Самару. До этого финансового инцидента другой отставленный начальник милиции возглавил транспортное предприятие. В конце года в центральной библиотеке администрация совместно с самарскими специалистами провели для отчёта «правовой ликбез» с немногочисленными социально незащищёнными жителями пожилого возраста.

В то же время в затравленном состоянии пребывали предприниматели малого и среднего бизнеса. Они часто становились жертвами всевозможных проверок и непомерных налогов, теряя способность организовать эффективное производство. Как результат, закрываются торговые предприятия, увеличивается количество сдаваемых в аренду помещений. Сегодня, находясь под прессом коррупционной бюрократии, бизнес ведёт неравную борьбу за выживание.

В период переживаемых страной экономических трудностей, зарядившихся оптимизмом от высказываний председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко по поводу того, что у муниципалитетов отсутствуют средства для выполнения всех переданных им полномочий, мэр решил в 2016 году баллотироваться в депутаты Самарской губернской Думы. Политтехнологи, однако, усмотрели в этом тот факт, что он попросту желает переждать смуту в тёплом кресле депутата, чтобы в кризисное время его не подняли на «вили». Накануне выборов в местной прессе были отмечены успехи главы округа: реорганизация аппарата мэрии, открытие

колл-центра и «Центра содействия самоуправлению районов», возведение малоэтажных зданий и переселение людей из ветхого жилья, выдача сертификатов по программе «Молодой семье – доступное жильё», постоянное проведение городских субботников. Перечислены также провалы: скандальная госзакупка на ремонт дорог в 2015 году, недостроенная Триумфальная арка к 70-летию Победы и др.

Самой важной проблемой для администрации городского округа стало формирование муниципального бюджета, поступления в который резко снизились в результате сокращения налоговой базы. Внедрение авторитарной федеральной налоговой политики привело к опустошению муниципального бюджета, нехватке средств, необходимых для исполнения полномочий. Сегодня, когда для развития инфраструктуры немаловажное значение приобретает финансовая самодостаточность, после миллиардных отчислений в казну государства в городском округе остаётся около 3% денежных средств. Отныне местное самоуправление всецело зависит от федеральных и областных субсидий и дотаций.

Дальше – больше. Поскольку в результате т. н. «реформы местного самоуправления» были отменены прямые выборы главы городского округа, теперь он назначается руководством, невзирая на предпочтения жителей. Вместо создания механизма конкуренции и обратной связи с общественностью внедрена система авторитарного управления территориями Самарской области.

В декабре 2016 года впервые за 25 лет жители не избирали четвёртого по счёту мэра. Его «выбор» зависел лишь от членов конкурсной комиссии из местных депутатов. Поучаствовать в нём пожелал и бывший второй мэр, но ему отказали в аудиенции губернатора. Между тем из-за болезни главы области предвыборная кампания затянулась – и умер один из претендентов. Спустя время состоялся запланированный спектакль, где каждый участник сыграл свою роль в назначении нового мэра. На церемонии принятия присяги присутствовал вице-губернатор, он же председатель областного правительства, уже многие годы решающий, кто будет начальником городского округа. Это действие претендует на некий идеал российской провинции, описанный Давидом Самойловым в поэме «Струфиан. Недостоверная повесть». Поэт, элегантно высмеивая легенду о старце Фёдоре Кузьмиче, сочинил такие строки: «В провинциях любых времён // Есть свой уездный Сен-Симон»¹³.

Следующее событие неместного масштаба законодательно закрепило бесправное положение бывших акционеров НК «Юкос». Завладевшая собственностью ликвидированной компании госкорпорация «Роснефть» отказалась выплачивать дивиденды владельцам акций, которыми являются в основном люди пожилого возраста, много лет проработавшие в нефтяной промышленности. В начале 2017 года Конституционный суд РФ разрешил Министерству юстиции не исполнять решение Европейского суда по правам человека, предписывающее выплатить компенсацию

в размере 1,8 миллиарда евро по делу «Юкоса», т. к. это противоречит Конституции РФ. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в одной из своих статей задал риторические вопросы: «Что делать рядовому гражданину, наблюдающему рост системного неблагополучия и не имеющему никаких способов личного противодействия такому росту? Какой моральный кодекс провозгласил и утвердил Ельцин? Моральный кодекс хищнической олигархии»¹⁴. Однако, судя по обозначенной ситуации, он озабочен не проблемой низкого уровня жизни людей в стране, а больше всего беспокоится о приоритетах институтов государственной власти. Вот поэтому Конституционный Суд под его руководством, игнорируя интересы невиновных в мошенничестве тружеников, встал на защиту сверхприбылей приближённых к Кремлю олигархов «Роснефти».

В сентябре 2017 года В.В. Путин подписал указ о назначении на должность врио губернатора Дмитрия Азарова. До этого он уже успел поработать первым заместителем главы Самары, министром в областном правительстве, мэром Самары, представителем Самарской области в Совете Федерации. Согласно исследованиям Центра развития региональной политики, Азаров является компромиссной фигурой между владельцем местной финансово-промышленной группы «Волгопромгаз» Владимиром Аветисяном, руководителем «Ростеха» Сергеем Чемезовым и спикером Госдумы Вячеславом Володиным, на которого ранее ориентировались самарские элиты¹⁵.

При встрече в Кремле Президент поручил ему разобраться с упразднением социальных льгот (установление лимита на поездки в общественном транспорте, замена фиксированных ежемесячных денежных выплат компенсацией жилищно-коммунальных услуг, ликвидация выплат работающим ветеранам труда и неработающим с пенсиею выше 19 500 рублей). В тот же день после официального представления руководителям всех уровней власти врио губернатора попросил не забывать людей, которые (почему-то каждый раз) в сложные и тяжелейшие периоды стояли во главе региона. Объявляя о своей готовности работать с оппозицией, он отметил: поиском врагов в Самарской области занимались регулярно и много лет; я никогда врагов не искал, я искал только друзей¹⁶.

Сам Азаров, будучи мэром Самары, получал выгоду от вышестоящего начальства. Так, посетив в 2012 году регион, председатель Совета Федерации В. Матвиенко, видя запущенное состояние Самары, заявила ему, что в городе нет хозяина, всё выглядит как после бомбёжки, здесь будто застряли в 1990-х годах¹⁷. Через пять лет отношение её к врио губернатора резко изменилось. Теперь она радостно отметила о том, что «такие молодые, но уже такие профессиональные управленцы, как Азаров, направляются в регионы»¹⁸.

Возвратившись на родную землю, врио губернатора вознамерился сохранить всё лучшее, что сделано, объединить граждан для решения новых задач и направить общие усилия на развитие области. И сразу же было предложено обсудить ситуацию с мерами со-

циальной поддержки, потому что власти думают, как помочь льготникам.

Теперь же врио губернатора в программе «Главная тема» на канале «Россия 24. Самара» пришлось объяснять, почему Самарская область по базовым экономическим показателям отстает от других регионов страны: рост ВВП/ВРП имеет отрицательную динамику, индекс реальной заработной платы отстает от среднероссийских, снизились инвестиции в основной капитал и т. д.

За год до выборов в прессе в публикациях о формировании команды главы региона «засветился» заместитель председателя Общественной палаты Самарской области Константин Титов. Предрекая итоги голосования, он, перечислив личные достоинства потенциального губернатора, утверждал, что врио вице-губернатора, председатель правительства, останется в команде¹⁹.

А между тем архаизация провинциальной жизни усугубляется ползучим ростом цен и тарифов, в то время, когда государством осуществляются объёмные безвозмездные поставки в Сирию, восточным областям Украины и другим, чем сегодня не возмущаются только ленивые.

Бесперспективность жизни в регионе провоцирует миграцию молодёжи. По данным прессы, городской округ каждый год покидают более 1000 человек. Это движение обусловлено необходимостью получения престижного образования, карьерными соображениями, развитием бизнеса, вялым жилищным строительством, загрязнением окружающей среды...

Но едва ли не самым тревожным явлением становится криминальное поведение подростков. Согласно опубликованной информации начальника отдела по делам несовершеннолетних, в городском округе при 100-тысячном населении каждый год возрастает количество неблагополучных родителей и детей. Ряд учебных заведений находятся в «группе риска» из-за употребления школьниками наркотических и психотропных веществ. Почти каждая третья семья находится на грани морального разложения, но ответственные лица социальных структур руководствуются канонами советского трудового воспитания молодёжи. В то же время рост преступности, в немалой степени подростковой, сопровождается частой сменяемостью начальства в силовых ведомствах области.

Факты из провинциальной жизни свидетельствуют о социально-экономической, общественной, правовой и прочей неустроенности бытия. Немало людей странным образом ностальгируют по абсурду всеобщего равенства в бесправии и бедности. Происходящие сейчас процессы, видимо, проис текают из тоталитарного наследия, репрессивных советских традиций, от которых мы ещё не способны избавиться.

В начале 2018 года спикер местного парламента на пресс-конференции заявил о том, что все силы направлены на создание условий для проведения чемпионата мира по футболу, поэтому решение социальных вопросов будет откладываться. Как итог – бюджет городского округа оказался дефицитным.

А тем временем администрацию городского окру-

га стала преследовать череда конфликтов с жителями. Первый из них связан с решением руководства пристроить к зданию Дома культуры театр-студию «Грань». В 2017 году его коллектив стал дипломантом театрального фестиваля «Золотая маска». Однако жильцы, обеспокоенные состоянием расположенных рядом старинных домов, выступили против нового строительства на ограниченной территории.

Следующий конфликт разгорелся по вопросу создания инфраструктуры на земельных участках, выделенных согласно федеральной программе 2013 года. Из-за отсутствия необходимых финансовых средств её осуществление откладывается на неопределённое время.

Кроме того, уже много лет в конфликтной ситуации с администрацией находятся жители посёлка Граний, земли которого до 1978 года относились к Волжскому району Самарской области. Сегодня активисты, желая заполучить самарскую прописку, выступили с требованием проведения референдума.

Акции протesta являются показателем того, что граждане от состояния «общественной массы» постепенно переходят к осознанию своих конституционных прав и свобод.

В марте 2018 года по результатам выборов Президента в губернаторский округ оказался на пятом месте. На предприятиях кандидат от КПРФ набрал голосов больше, чем в среднем по области. И это не случайно: за последние годы качество жизни снизилось на шесть позиций, с 2016 года стали падать реальные доходы населения.

В этом году исполняется 50 лет Всероссийскому фестивалю авторской песни имени Валерия Грушина. В 1957–1967 годах он со своей семьёй проживал в Новокуйбышевске, но до настоящего времени барду не установлен памятник.

В сентябре 2018 года на выборах Дмитрий Азаров набирает более 70 % голосов. А вскоре Губернатор назначает не пробывшего на должности и двух лет мэра округа министром в правительство Самарской области.

Ещё в октябре 2010 года В.В. Путин в качестве премьер-министра нанёс визит в Самарскую область, в частности, в городской округ Новокуйбышевск с целью проведения совещания на территории нефтеперерабатывающего завода. На заседании рассматривали проект «Генеральной схемы развития нефтяной отрасли на период до 2020 года».

Судорожные метания местного начальства, вызванные приездом высокого гостя, доходили до абсурда. Т. к. время прибытия Путина было засекречено, жителей несколько дней подряд выгоняли убирать городские улицы. В дни затянувшегося ожидания редакция местной газеты в рубрике «Совершенно секретно» поместила публикацию под заголовком «Путина ждали, ждём и будем ждать. Почти детективная история визита в Новокуйбышевск премьер-министра РФ»²⁰.

Во время визита Премьера администрация завода, оставляя кадровый минимум сотрудников, запретила им под расписку задавать какие-либо вопросы, тем более по заработной плате. Опасаясь проникновения «врагов», служба охраны взяла под контроль большую

территорию вокруг предприятия. Проход сотрудников возле завоудования сопровождался предупреждающими окриками: «Сюда не ходи...», что походило на сцену из кинофильма «Джентльмены удачи».

Два года спустя городской округ почтил своим вниманием президент Дмитрий Медведев. Было проведено заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, в котором приняли участие эксперты и экологи. Однако, как сообщалось в прессе, судя по стенограмме совещания, округ к экологическим проблемам отношения не имел. А ведь требовалось обсудить вопросы некачественной питьевой воды, загрязнения воздуха, лидерства по онкологическим заболеваниям и т. д. После обсуждения запланированной повестки Президент и члены Общественного совета удалились в столицу, оставив шлейф нерешённых проблем.

Побывала в городском округе на промышленных предприятиях и председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко. По местному телевидению был показан сюжет со встречи важной персоны с коллективом молодых рабочих, где она, демонстрируя показное свободолюбие, задала им наивный вопрос: «Почему вы не критикуете начальство?» Руководитель Федерального органа, видимо, не осознавала того факта, что любой сотрудник, высказавший замечание, в этот же день окажется за воротами предприятия.

Сегодня стратегия власти направлена на поиск героев и укрепление великодержавного статуса России. По этой причине патриотическое воспитание молодёжи, являясь частным случаем политической социализации, приобретает масштабные формы. Некритическое культивирование советского прошлого, прославляющее даже поражения и провалы во внутренней и внешней политике, служит воспроизведству победного синдрома. Странным образом, используя санкции про-

тив России, власть провоцирует возврат к мобилизационной экономике.

В реальной же жизни российское государство оказывается неспособным защитить права и свободы человека и гражданина. В выстроенной пирамиде управления страной решение важных проблем замкнуто на вершине вертикали власти, которая отвечает за всё!

В настоящее время, пользуясь положением статьи 81 Конституции РФ, верховная власть, по сути, находится в этих руках при поддержке большой части российских граждан, усиливая авторитарные тенденции с опасностью деградации общества и государства.

Примечания:

- ¹ Pro et Contra. 2010. № 3. С. 92.
- ² Новая газета. 2014. № 101–103.
- ³ Профиль. 2017. № 3. С. 43.
- ⁴ Профиль. 2017. № 6. С. 26.
- ⁵ Медушевский А.Н. Сталинизм как модель. Обозрение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. Т. XXX. С. 158.
- ⁶ Минкин А.В. Путин № 5. Письма президенту. М., 2018. С. 227, 343.
- ⁷ Самарское обозрение. 2017. № 72.
- ⁸ Самарское обозрение. 2017. № 79.
- ⁹ Город Н-ск. 2000. 2015. № 18.
- ¹⁰ Вестник. 2015. № 47.
- ¹¹ Самарское обозрение. 2012. № 61.
- ¹² Шарлот В.М. Жизнь моя – газета. Документальная повесть-эссе. Самара, 2017. С 209–210.
- ¹³ Самойлов Д.С. Струфиан. Недостоверная повесть // Д.С. Самойлов. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 63.
- ¹⁴ Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета. 2012. № 285.
- ¹⁵ Профиль. 2017. № 12. С. 26–27.
- ¹⁶ Волжская коммуна. № 2017. № 251.
- ¹⁷ Социальная газета. 2017. № 36.
- ¹⁸ Социальная газета. 2017. № 40.
- ¹⁹ Самарское обозрение. 2017. № 68.
- ²⁰ Моя неделя. 2010. № 21.

Антон Васильев

Сан Мин, или Солидаризм иероглифами

КАК ДОКТОР СУНЬ ЯТСЕН ИЗОБРЁЛ ИДЕАЛЬНУЮ РЕСПУБЛИКУ

«Казаки – те как-то даже и не верили, что это чужая земля, чужое иноземное государство – так только – Китай!»

П.Н. Краснов. На рубеже Китая

цинского правительства и чиновничьей мафии сковывали национальное китайское предпринимательство.

Задолго до этих событий, в 1885 году, молодой китайский врач Сунь Ятсен начал проповедовать идею национальных реформ, позднее ставшую идеей республиканской революции, и через девять лет создал политическую организацию Синчжунхой (Союз возрождения Китая) – первую в китайской истории революционную партию. Чтобы сплотить китайцев и революционизировать общество, нужна была принципиально новая концепция, новое отношение к обществу, правительству, труду и благосостоянию. Её доктор Сунь назвал Сан Мин Чжу И (Сань Минь Чжуи, три народных

Во второй половине XIX – начале XX веков Поднебесная Империя была крупнейшей в мире страной, не имевшей политической самостоятельности, соперничать с ней могла только Индия.

В 1904 году англичане ввели войска в Тибет. После Русско-японской войны Япония отторгла от Китая полуостров Ляодун. В 1909 году был создан консорциум банков Англии, Франции и Германии для усиления финансового давления на Китай. В следующем году к нему присоединились банки США. Иностранные инвестиции в Китае к 1911 году превысили 1,5 млрд долларов. Собственная финансово-политическая система Китая была архаичной и неповоротливой, произвол

принципа): народное правление, народные полномочия и народное благосостояние.

Основные принципы Сан Мин, изложенные в серии лекций, впервые были опубликованы по-русски в Харбине ещё в 1920-е годы. Сунь Ятсен писал поразительно просто, тепло, логично и доходчиво. Это самое интересное, что мне довелось читать за последнее время. «Стра-

на придет в упадок, когда она не будет иметь врагов и не будет подвергаться нападению извне», — приводит Сунь Ятсен древнюю китайскую мудрость. Он учит, что невзгоды делают нацию цветущей. Преодолевая их, нация крепнет и сплачивается. Миссия Китая — не только освобождение, но и построение более гуманного и счастливого миропорядка не только в себе, но и за его пределами.

Пути установления мира по всему миру изложены в учении Сан Мин в следующем порядке: «Изучение природы, совершенство познания, честность намерений, великолдушие сердца, уважение личности, благонравие семьи, управление государством, мир в мире».

Если Китай хочет занять первостепенное место в семье наций, он должен одновременно восстанавливать национальный характер и брать всё лучшее и эффективное у Запада. Как пример Сунь Ятсен приводил Японию. Японская цивилизация в старину была ниже китайской, но, изучая западные науки, японцы стали одной из сильнейших держав. «Так приведём же наш дом в порядок, — учил доктор Сунь, — и мы станем сильны, как десять Японий, и сможем преподать евангелие мира всему свету». Амбициозно весьма, но производит впечатление.

Конфуций говорил: «Когда великкая доктрина одержит верх, мир будет принадлежать обществу». Другой философ, Мэн-цзы, утверждал: «Самое ценное — народ, земля и хлеб следуют потом, император менее всего важен», а также: «Небо видит, как люди видят, и Небо слышит, как люди слышат», т. е. небесное и человеческое — едино и взаимопроникающее.

«Когда европейцы получили свободу, — учил Сунь Ятсен, — каждый в отдельности старался взять от неё всё больше и больше, и в результате от свободы на западный манер получилась одна обуза».

Сунь Ятсен цитирует английского философа Дж. Милля, сказавшего, что свобода одного не должна нарушать свободу другого, иначе у обоих не будет никакой свободы. Китайцы же, по утверждению доктора Суня, обладают слишком большой личной свободой, делающей их «несвязанными, подобно песку». «Благодаря тому, что в нас много личной свободы, мы не имеем прочности».



Сунь Ятсен

Согласно доктрине Сан Мин, мы не должны принимать во внимание только наши собственные интересы, мы должны добывать благо для народа. Весьма созвучно главному девизу НТС «Служить России — забыть себя!» Великий китаец мечтал сделать свою родину более совершенной республикой, более человечной демократией, чем те, что существовали

на Западе. Развитие западной демократии китайский революционер отказывался считать удовлетворительным. В отношении управления людьми было бы неумно обезьянничать (как это по-китайски! Поднебесная всё изобрела сама!). Китайцы должны найти свои собственные методы переустройства, утверждая свою форму правления на социальных условиях своего дома и направляя её соответственно мировому течению.

Как граждане республики, китайцы могут разрешить проблему демократии только одним способом — имея дружеское отношение к правительству. Правительство, представляющее народ в управлении нацией, берёт свою силу от того же народа. Но, т. к. народ должен контролировать правительство, он опасается, что, когда последнее станет слишком громадным, сложным и сильным, он окажется не в состоянии контролировать его. (Эти опасения живут в любом народе, и они абсолютно небеспочвенны.) Народ, не обязательно китайский, при всякой возможности пытается задержать и даже урезать рост правительственной силы.

Сунь Ятсен разработал доктрину, следуя которой, народ не должен бояться сильного правительства, т. к. можно разделить «национальную силу» на две части: одна будет находиться в руках народа, чтобы он мог надзирать за правительством, это — демократическая сила, власть контроля. Вторая часть «Силы-Власти» будет заключаться в правительстве для управления национальными делами. То будет исполнительная власть, власть специалистов, людей действия. И эти рецепты не обязательно для Китая, они могут работать в любой стране с развитым гражданским обществом.

Каковы права демократии? 1) Право выборов, голосования; но только одного этого права недостаточно. 2) Право отзыва, дающее народу силу снимать неэффективных «слуг народа» с их постов. (В Украине это делалось наиболее радикально, посредством мусорных контейнеров.) 3) Право законодательное. Раз есть правители, должны быть законы, народ может их ввести и заставить правительство пустить законы в действие. Это — право инициативы, право установления. 4) Некоторые законы могут оказаться со временем невыгодны народу; последний имеет право отменить их. Это — четвёртое право, Референдум.

Когда народ обладает этими четырьмя правами, он может смело сказать, что полностью суверенен и построил совершенную демократию. Прежде народ не имел права спрашивать власть непосредственно, осуществляя это право через парламент. Это право лишь косвенно влияет на дела правления и оно недостаточно, неполно. Народ должен обладать всеми четырьмя правами для установления полного демократического правления. **Тогда власть будет работать на народ, они станут едины и нераздельны.** Правительство не сможет совершить ничего такого, что не явилось бы целью осуществления воли народа, ибо народ получит рычаги, с помощью которых остановит правительство, если сочтёт это желательным.

Свои права должны быть и у правительства. Согласно Сунь Ятсуну, их пять: исполнительное, законодательное, судебное, надзор и цензурство. Три первых работают в западном мире, два последних – старые китайские институты, бывшие независимыми даже от императоров.

Если мы соединим 4 народных права и 5 правительственные, то получим «союз нерушимый власти и народа: власть осуществляет народные чаяния, народ приводит машину власти в действие и следит, чтобы у этой машины «шарики за ролики не заехали».

В дни диктатуры Юань Шикая, свергнувшего первую китайскую республику, основанную на идеях Сан Мин, доктор Сунь писал товарищам по партии в странах южных морей: «Мы взяли на себя ответственность за революционное преобразование Китая и никогда (скорее камень сгниёт, море высохнет) не отступим от этого. Если действовать в соответствии с небесным принципом, чтобы добро возрастало, а зло уменьшалось, тогда, в конечном итоге, победа придёт».

В программном документе партии Гоминьдан – манифесте от 1 января 1923 года – доктор Сунь начертил основную схему своего учения. Всякий раз, когда государство (абсолютно любое) неспособно было обеспечить права народа и пренебрегало справедливым распределением земли, происходили восстания, войны и революции. Они уничтожали одно зло и тут же порождали другое, своё, не позволяя народу добиться продолжительного мира, безопасности и благосостояния.

Все народы всю свою историю ищут пути к миру и благополучию. В процессе развития общества в разных частях мира такие понятия, как демократия, социальная справедливость и национальное чувство испытывались и совершенствовались, возникая в разных странах в различных формах. Для народов нет никакой пользы, если одна диктатура, сметённая революцией, сменяется другой, революционной в своих истоках.

Доктор Сунь Ятсен, создавая партию Гоминьдан на основе учения Сан Мин, выступил за принципиально иную революцию, приводящую к власти людей из народа и во имя народа. При таком правлении, считал он, капитальные владения в индустрии (сейчас их принято называть «государствообразующими отраслями») и коммерческая собственность принадлежат всему народу и будут управляться и руководиться государством.

Все работники в этих главных индустриальных и коммерческих предприятиях также должны участвовать в управлении ими.

Открытие Сунь Ятсена сводилось к разграничению власти и способностей, которое должно было изменить отношение народа к власти.

Даже в демократиях, по его словам, народ принимает по отношению к правительству неизменно враждебную позицию, **причина же – в отсутствии разграничения между властью и способностями.** Именно поэтому демократия является ещё недостроенным зданием.

Народ должен относиться к правительству, как к нанятым специалистам. Если сравнить государство с автомобилем, то народ должен для управления им нанимать шофёров – специалистов-чиновников. Если они способны и верно служат нанимателю, им можно предоставить свободу действий, ведь опытному водителю пассажир доверит, по каким улицам ехать...

Сейчас народы Европы и Америки боятся сильно-го правительства, как машины без тормозов, которую нельзя будет остановить. Три народных принципа дают народу возможность как ладить с властью, так и контролировать её. Народу достаточно высказать своё мнение в Национальном собрании (сейчас, в век компьютеров и смартфонов, это может быть портал наподобие «Активного гражданина»). Если деятельность правительства подвергается аргументированной критике, оно может быть отстранено; «однако сейчас власть и способности не разграничены, правительство творит произвол, а народ не контролирует его» – добавляет Сунь Ятсен. К счастью, это же про Китай, а не про нас...

Определив кардинальный метод осуществления народовластия, необходимо разделить государственную организацию и органы народовластия. Ни в Европе, ни в США, утверждает Сунь Ятсен, до этого ещё не до-думались. В Европе только Швейцария частично применияет этот метод. Только конституция пяти властей будет совершенной правительственной машиной, когда пять палат будут работать на благо народа, а народ, обладая четырьмя своими правами, будет своё правительство контролировать.

Эти 4 народных права во времена доктора Суня уже работали в швейцарских кантонах и в ¼ штатов США.

Правительство, в свою очередь, обязано способствовать народному благосостоянию, участвуя в деле образования трудящихся, охраны их здоровья, совершенствования предприятий и оборудования, что стимулирует желание народа трудиться и увеличит производительность. Первой в Европе эти социальные мероприятия стала проводить кайзеровская Германия, где создавались народные предприятия, например, концерн «Carl Zeiss», где все работники участвовали в распределении прибыли, или кооперативная сберегательная касса, размером с наш «Сбербанк». Увеличение общественного производства обеспечит изобилие всевозможной продукции, в результате рабочие также получат возможность больше заработать. **Таким образом, интересы рабочих и капиталистов взаимно**

гармонизируются, а не конфликтуют.

Гоминьдан в своей программе давным-давно определил метод осуществления народного благосостояния: уравнение прав на землю и ограничение капиталов. На Тайване, начиная с 1970-х годов, состояние самых богатых граждан не превосходит состояние самых «бедных» более чем в 4 раза.

Принцип народного благосостояния родился именно в связи с проблемой имущественного неравенства. Для Сунь Ятсена задачей всей жизни стало стирание грани между теми, кто правит, и теми, кем правят. Разработанная им конституция пяти властей – радикальное средство объединения народа и правительства. Стремление к свободе и стремление к порядку должны находиться в равновесии. «Слуги народа», вступая в должность, обязаны выдержать экзамен, что исключит возможность прихода на ответственный пост бездаря, самодура или взяточника. Контрольная же власть будет следить за их неподкуп-

ностью в дальнейшем.

С нашей колокольни можно сказать: идиллия, почти утопия. Но гражданское общество способно на многое... В том числе – и на попытку воплотить в жизнь учение кантонского мечтателя, к сожалению, так и не увидевшего плоды своих трудов.

Использованные источники:

1. Сунь Ят-сен. Основные идеи Сан-Мин: Три начала народоправства / Сунь Ят-сен; пер. газ. «Гун-Бао»; под ред. Гуань Хун-и. Харбин: [б. и.], 1929. 271 с.
2. Сунь Ятсен. Избранные произведения / вступ. ст. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1985. 781 с.
3. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009. 440 с.
4. Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии / П.Н. Краснов. М.: Айрис-пресс, 2006. 598 с.

К ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Александр Лосунов

Столица Белой России

Гражданская война в России 1917–1922 годов, несмотря на её трагедию и героику, без всякого сомнения, является важным и поучительным периодом нашей истории. Это целый исторический пласт, который до недавнего времени рассматривался и оценивался исключительно с точки зрения победителей. В последнее время всё больше и больше историков обращается к различным проблемам и сюжетам истории Белого движения, вышло немало монографий и статей по этой тематике, защищены ряд кандидатских и докторских диссертаций. Однако в контексте этой проблематики остаётся множество сюжетов, на которых еще не остановился вообще, либо остановился поверхностно, мимолётно взор исследователей. К таковым следует отнести и феномен Белого Омска. Именно этому городу в 1918–1919 годах, на год с небольшим суждено было стать не только центром Белой борьбы на Востоке страны, но и столицей антибольшевистской России. С этого момента минул ровно век.

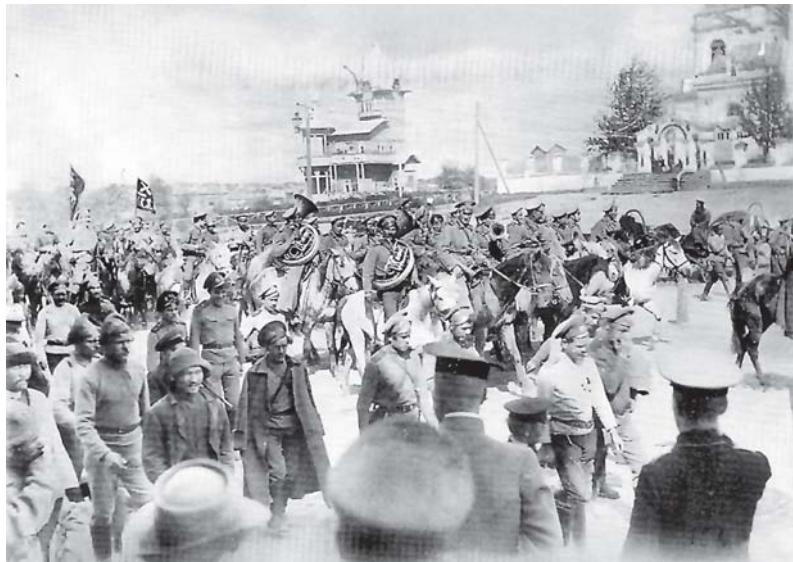
Предваряя наше повествование о столице Белой России на востоке страны, хотелось бы отметить, что авторство термина «Белый Омск» принадлежит Н.В. Устрялову. Книгу воспоминаний о Гражданской войне в Сибири с таким необычным названием он собирался выпустить, дополнив её документами. Однако завершить эту работу ему так и не удалось¹. Весьма примечательно, что это название взяли для своего электронного справочника омские архивисты². Это свидетельствует о живучести вышеупомянутого образа, неутешающим к нему интересом.

Обычно под «столицей» мы понимаем главный город того или иного государства, в котором находятся высшие органы государственной власти, различные центральные учреждения и ведомства³. На примере истории нашего Отечества мы видим, что перемещение столицы – процесс закономерный, постепенный, и, как правило, сопровождающийся началом нового периода, новой эпохи в жизни Русского (Российского, да

и Советского) государства. Однако наличие одновременно в стране двух столиц – это нонсенс, показатель политической и социально-экономической нестабильности в государственной жизни – и к проявлениям такой нестабильности и следует отнести Гражданскую войну. Вспоминая известное утверждение, что «в России всё возможно», следует только добавить, а в условиях Гражданской войны – и подавно. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что западносибирский город Омск почти целый год оспаривал свои столичные права у большевистской Москвы, являясь в пике ей, хотя и временной, но всё же столицей Белой России. Конечно, никто не запрещает восхищаться, наконец, гордиться столь высокой ролью, выпавшей городу в 1918–1919 годах, но, прежде всего, необходимо разобраться в том, как и почему он стал второй всероссийской столицей.

Падение красного Омска

Отправной точкой в жизни Белого Омска принято считать 7 июня 1918 года, т. е. дату, когда Советская власть в результате мятежа чехо-словаков и выступле-



Вход отряда Б.В. Анненкова в г. Омск

ния антибольшевистских сил в городе пала, а на смену ей пришел эсеровский Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири. При этом, однако, не следует забывать, что формирование антибольшевистских сил в Омске началось значительно раньше. Об этом свидетельствуют как выступление 1 ноября 1917 года 2-й школы прaporщиков, так и события 18–19 февраля («поповский бунт» и выступление отряда атамана Б.В. Анненкова) и 13 апреля 1918 года (ликвидация антисоветского заговора полковников Григорьева и Голубинского).

Почему Советы не смогли удержать Омск? Обычно это объясняют превосходящими более чем в два раза силами противника, отсутствием необходимой помощи ввиду занятия чехами железнодорожной магистрали⁴, а также поддержкой широких слоев населения⁵. В связи с этим представляется весьма любопытным точка зрения на этот счёт участника и очевидца событий Е.П. Полюдова. Пытаясь ответить на вопрос «Почему и как пал красный Омск?», он пишет буквально следующее: «... Демобилизация старой царской армии только что тогда заканчивалась. Города и сёла Сибири были переполнены солдатами царской армии – «фронтовиками», эвакуированными инвалидами, оторванными в течение нескольких лет от станка, от сохи. На 60–70% у этих людей не было ни кола, ни двора. Не за что было взяться, не к чему было приложить руки – господствовала безработица. Омск, кроме того, был переполнен бежавшими из России (около 7 000 человек) офицерами. Во всех гостиницах, кафе, ресторанах жили «петроградцы» и «москвичи», прибежавшие сюда из-за продовольственного кризиса, с тugo набитыми золотом кошельками. Интеллигенция, с одной стороны, саботировала работу в советских учреждениях, с другой – подпольно организовывалась под руководством эсэров, меньшевиков, генералов и атаманов, по системе т. н. «пятёрок».

Цены на продукты первой необходимости росли с каждым днём. Спекуляция была в самом разгаре, зарплата за ней не поспевала. За недостатком денег оплата рабочих и служащих шла с большими перебоями...».

Далее автор подводит читателя к мысли, что этим тяжёлым социально-экономическим положением и воспользовались контрреволюционные элементы, подняв их при помощи агитации на борьбу против Советской власти⁶. Другие авторы конца 1920-х годов более категоричны и откровенны: «При мятеже чехо-словаков многие местные Советы проявили растерянность, бессилен и нерешительность. Такое отношение местных Советов помогло и тому, что приказ о разоружении чехами был выполнен, оружие у них сохранилось. Всё это объясняется тем, что в Сибири Советская власть была слабо организованной. На деле она была только в районе железнодорожных станций, городов. Деревня управлялась комитетами Керенского. К падению Советов деревня отнеслась безразлично, сибирское крестьянство не поняло ещё сущности Советской власти...»⁷ Сопоставляя и анализируя вышеизложенные мнения, невольно задумашься над вопросом: «А была ли вообще сильная Советская власть в Омске, способная противостоять своим противникам?» Ответ напрашивается сугубо отрицательный.

Учитывая характер и формы антибольшевистской власти на территории Западной Сибири в целом и в истории Белого Омска, в частности, общепринято выделять два хронологических периода: демократической контрреволюции (иначе именуемый «доколчаковский») и времена диктатуры Правительства А.В. Колчака (соответственно называемый «колчаковским»).

Временное Сибирское правительство

30 июня 1918 года власть в городе, равно как и на всей территории Сибири, перешла в руки образованному за неделю до этого Временному Сибирскому правительству. Пребывание последнего в Омске сопровождалось занятием ряда казённых зданий под различные учреждения. Так, Канцелярия Совета Министров (председателем которого был П.В. Вологодский) и министерство туземных дел (возглавлял М.Б. Шатилов) разместились в доме гражданского губернатора на Соборной площади, здание бывшего Областного управления заняли МВД (во главе с В.М. Крутовским), министерство путей сообщения (управляющий Г.М. Степаненко), государственный контроль, Главное управление почты и телеграфов и информационное бюро. Министерство народного просвещения (под руководством В.В. Сапожникова) находилось в помещении механико-технического училища Императора Александра III; министерство продовольствия (Н.С. Зефиров) – в здании судебной палаты на Лермонтовской улице; министерство финансов (И.А. Михайлов) – на Любинском проспекте в доме Товарищества братьев Овсянниковых и Ганшина; военное министерство (А.Н. Гришин-Алмазов) в крепости в Гарнизонном собрании; министерство труда (Л.И. Шумиловский) – сначала в коммерческом училище, а затем на Любинском проспекте в доме П.М. Рябушинского; министерство земледелия и

колонизации (Н.И. Петров) – на Тобольской улице; министерство торговли и промышленности (П.П. Гудков) – на улице Капцевича; министерство снабжения (И.И. Серебренников) – на Любинском проспекте. В «Доме Свободы» (бывший генерал-губернаторский дворец) находился штаб Сибирской армии (во главе с А.Ф. Матковским и Г.А. Беловым).

Таким образом, с одной стороны, бывший административный центр Западной Сибири и Степного края приспосабливался к новой административно-управленческой структуре всего Сибирского региона, а с другой, невольно готовился к приёму государственных учреждений уже Всероссийской власти. Неслучайно один из номеров (за 4 июля 1918 года) газеты «Сибирская жизнь» призывал своих читателей ориентироваться на новое значение Омска. Один из помещённых в нём материалов гласил: «... Омск стал теперь центром внимания всей Сибири. Здесь формируется наша власть, куётся наше будущее, сосредотачивается организация военной силы...»⁸. Официально же Омск был провозглашён столицей Сибири 23 июля 1918 года⁹. Временное Сибирское правительство объявило о денационализации промышленных предприятий, восстановлении дореволюционных судов и административных учреждений. Вводились военно-полевые суды и смертная казнь за политические преступления. Помимо этого правительство открыто высказалось против автономистских идей Сибирской областной Думы. Все эти шаги шли вразрез с эсеровскими взглядами Думы и привели к открытой конфронтации последней с Временным Сибирским правительством. Управляющий военным министерством генерал А.Н. Гришин-Алмазов в своём письме от 21 июля 1918 года на имя председателя Думы, отдавая ей должное за создание и организацию «белой» власти в Сибири, высказывал опасение, что «для удовлетворения самолюбия левого крыла партии эсеров она может ввергнуть Сибирь в ужасы новой борьбы за власть». Своё послание он завершил так: «Мы переживаем времена не парламентов, а твёрдой власти»¹⁰. Сторонники жёсткой линии в правительстве создали при нём 20 августа 1918 года так называемый Административный Совет, наделённый чрезвычайными полномочиями, который возглавили И.И. Серебренников и И.А. Михайлов. Эсеры и члены Сибирской областной Думы, возмущённые узурпацией власти Административным Советом, решили арестовать его членов, однако И.А. Михайлов опередил их и первым нанёс удар. В ночь на 21 сентября И.А. Якушев, В.М. Крутовский, М.Б. Шатилов и А.Е. Новосёлов были арестованы казаками по распоряжению полковника В.И. Волкова и препровождены в частный дом на Лагерной улице¹¹. Но если И.А. Якушев, В.М. Крутовский и М.Б. Шатилов, что называется, «легко отделались», поскольку были выведены из состава правительства и высланы, то А.Е. Новоселову повезло меньше всех. Ему не простили того, что будущим комиссаром Временного правительства он не оказал должного сопротивления



Вступление Чехословацкого корпуса в Омск

и допустил захват Омска большевиками. В ночь с 22 на 23 сентября он при загадочных обстоятельствах был убит в Старозагородной роще. Одержав победу, Административный Совет ещё 21 сентября принял решение о роспуске Сибирской областной Думы. Этому предшествовало удачное выполнение П.В. Вологодским весьма щепетильной миссии. Находясь осенью 1918 года на совещании во Владивостоке, ему удалось добиться самороспуска дербеновского Временного правительства автономной Сибири. Пока шла борьба за обладание властью в Сибири, немаловажные события происходили в Уфе.

От Уфимского Государственного совещания к Директории

8 сентября 1918 года после нескольких неудачных попыток Комучу (Комитету членов Учредительного собрания, образованному в Самаре 8 июня 1918 года) удалось созвать в Уфе конференцию оппозиционных сил, которая громко была именована Государственным Совещанием. На него съехались представители различных антибольшевистских правительств, действовавших на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Омск представляли члены Временного Сибирского правительства В.В. Сапожников, П.П. Иванов-Ринов, И.И. Серебренников, Г.Е. Катаев и др. Главным вопросом в повестке Государственного Совещания стал вопрос о власти. Основная борьба развернулась между Временным Сибирским правительством и Комучем. Делегаты разделились на две группы. Левое крыло требовало создания правительства, которое признавало бы Учредительное собрание и на него опиралось; правое, во главе с кадетами, настаивало на создании сильного коллегиального органа власти, независимого от какого бы то ни было выборного собрания. Споры продолжались две недели – наконец, победила вторая точка зрения¹². Решено было избрать в качестве временной Всероссийской власти Директорию из 5 человек. В её состав вошли Н.Д. Аксентьев, Н.И. Астрон, В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский и Н.В. Чайковский. Ввиду того, что Н.И. Астрон и Н.В. Чайковский нахо-

дились вне территории Поволжья и Сибири, их место заняли заместители – В.А. Виноградов и В.М. Зензинов. Директория спешно укладывала чемоданы и готовилась к переезду. Куда? Вот вопрос, вставший перед всеми. «...Сначала хотели в Екатеринбург, как центр Урала и, так сказать, независимый город. Но оказалось, слишком близко от боевого фронта и слишком ненадёжно. Решено было ехать в Омск, в столицу Сибирского правительства, хотя здесь как-то сама собою напрашивалась всем мысль, что Директория идёт в гости, на готовое к сибирякам, у которых был уже сконструирован работоспособный аппарат управления, образована сильная армия...»¹³ Остановив свой выбор на Омске, Директория обосновывала его так: «Ввиду настоятельной необходимости в правительственном аппарате для немедленной работы по управлению и необходимости установления тесной связи с Востоком – избрать временной резиденцией Омск с тем, чтобы в ближайшем будущем перенести резиденцию в Европейскую Россию»¹⁴.

9 октября 1918 года поезд с членами Директории и ее председателем Н.Д. Авксентьевым прибыл в Омск. Несмотря на пышную церемонию встречи, Временное Сибирское правительство отнеслось к своим преемникам враждебно. Директорам, под предлогом отсутствия помещения, долго не давали возможности разместиться в городе. В течение двух-трех недель они вынуждены были ютиться в вагонах на железнодорожной ветке, из-за чего и получили нелестное прозвище «воробышного правительства». Наконец, их поселили в гостинице «Европа», что на Атаманской улице. «...По приезде в Омск Директории и разноцветной толпы беженцев, сразу обнаружилось течение масс не в её пользу; с другой стороны, – Директория оказалась настолько несостоятельной, что почти никто с нею не считался... В массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала её ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию...»¹⁵. До создания своего Совета Министров Уфимская Директория постановлением от 13 октября 1918 года поручила «временное заведывание неотложными делами» соответствующим министерствам Временного Сибирского правительства.

Временное Всероссийское правительство

3 ноября 1918 года появилась декларация Временного Сибирского правительства о передаче Верховной власти на территории Сибири Уфимской Директории, а на следующий день указом Уфимской Директории был создан Совет Министров или Временное Всероссий-



П.В. Вологодский

ское правительство. С этого момента Омск и становится столицей Белой России. В состав нового правительства вошли многие министры из Временного Сибирского правительства. Председателем Совета Министров был назначен всё тот же П.В. Вологодский, его заместителем – В.А. Виноградов, министром финансов – И.А. Михайлов, иностранные дела курировал – Ю.В. Ключников, министерство внутренних дел возглавил А.Н. Гатгенберг, за снабжение отвечал И.И. Серебренников, министром юстиции стал С.С. Старынкевич, вопросы труда находились в ведении Л.И. Шумиловского, на пост министра земледелия получил назначение Н.И. Петров, а ключевой пост военного

и морского министра после долгих уговоров и просьб П.В. Вологодского занял А.В. Колчак, прибывший в Омск 13 октября 1918 года.

Таким образом, с созданием Директории Белое движение на востоке России консолидировалось, хотя сепаратизм различных организаций не был устраниён и в дальнейшем пагубно сказался. Директория по составу и политической направленности была кадетско-эсеровской. Однако реальной властью обладал Совет Министров, который фактически стремился выйти из-под её контроля и встать над ней¹⁶.

Последний виток противостояния кадетов (выступавших в отличие от своих политических противников за установление жёсткой власти) и эсеров закончился поражением последних. В ночь на 18 ноября 1918 года были арестованы члены Директории Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов и заведующий делами милиции Совета Министров Е.Ф. Роговский. Непосредственными исполнителями этого государственного переворота были офицеры Сибирского казачьего войска полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катаев и И.Н. Красильников, а его организаторами, судя по всему, являлись И.А. Михайлов, В.Н. Пепеляев и А.Д. Сыромятников¹⁷. Арестованных сначала под охраной препроводили в штаб И.Н. Красильникова (помещался в здании сельскохозяйственного училища), потом перевезли на квартиру Н.Д. Авксентьева, а затем посадили на поезд и отправили за границу.

18 ноября 1918 года состоялось экстренное заседание Совета Министров, на котором присутствовал вернувшийся накануне с фронта А.В. Колчак (по утверждению известного историка С.П. Мельгунова¹⁸ и воспоминаниям некоторых современников Александр Васильевич ничего не знал о готовящемся перевороте). В ходе заседания идея передачи власти новой Директории и Совмину была отвергнута. Нашло поддержку предложение о сосредоточении всей полноты власти в одних руках. Возник вопрос, в чьих? Из предложенных кандидатур А.В. Колчака, генералов В.Г. Болдырева и Д.Л. Хорвата большинство голосов было отдано первому. Он и стал Верховным Правителем России.

Всероссийское правительство было распущено, а вместо него создано Российское правительство. Его костяк составили лояльные к А.В. Колчаку члены прежнего правительства во главе с П.В. Вологодским.

Время от времени состав правительства менялся, пополняясь новыми людьми. Постепенно Совет Министров оказался на вторых ролях, а на первый план выдвинулся Совет Верховного правителя. В его состав вошли П.В. Вологодский, А.Н. Гаттенберг, И.А. Михайлов, Ю.В. Ключников и Г.Г. Тельберг. Этот орган и решал все важнейшие государственные дела.

Вплоть до эвакуации в Иркутск (10 ноября 1919 года) Российское правительство находилось в Омске, подтверждая своим присутствием высокий статус города как столицы России. Конец же существования Белого Омска следует относить к 14 ноября, когда части Красной армии заняли город.

Казалось бы, с установлением единоличной власти Верховного правителя всякая политическая борьба должна была прекратиться. Однако она не исчезла, а лишь приняла несколько иные формы. Наглядным примером может служить т. н. «Читинский конфликт», вспыхнувший из-за непризнания верховной власти А.В. Колчака атаманом Забайкальского казачьего войска Г.М. Семёновым. За тем и другим стояли противоборствующие иностранные державы, при их же участии конфликт был разрешён примирением враждующих сторон. Сам Г.М. Семёнов объясняет причину этого противостояния весьма любопытно: «... конфликт с Омском был вызван недоразумением и, главным образом, интригами генерала [Д.А.] Лебедева...»¹⁹

Кстати, об интригах. Вполне можно согласиться с утверждением канадского историка Н. Перейры о том, что в Белом Омске «сплетни и интриги были в порядке вещей и вовлекали всех, начиная от мелкого дворника, вплоть до высокопоставленного правительенного министра...»²⁰. О том, к каким пагубным последствиям приводили интриги, видно хотя бы из истории с генералом А.И. Андогским²¹.

В силу каких же причин Омску суждено было стать сначала столицей белой Сибири, а затем и антибольшевистской России? Некоторые склонны связывать это с судьбой, случаем²². Конечно, элементы случайности были (избрание Омска Западно-Сибирским комиссариатом Временного правительства автономной Уфимской Директории, остановка в Омске по пути на юг А.В. Колчака и т. д.), однако не следует им придавать исключительную и решающую роль. Думается, что объяснение следует искать в характере и статусе Омска, в сложившейся на протяжении столетия инфраструктуре города. С 1824 года Омск становится местом пребывания Западно-Сибирского генерал-губернатора, с 1838 года – центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а с 1882

Примечания:

¹ Большая часть предполагаемого машинописного варианта книги опубликована д.и.н. А.В. Смолиным в историко-документальном альманахе «Русское прошлое»: Устрилов Н.В. Белый Омск: (Дневник колчаковца) / подг. публ. А.В. Смолин // Русское прошлое: Историко-документальный альманах.

года – административным центром Степного края. Статус административно-военного центраочно закрепился за городом и за почти сто лет прочно вошёл в общественное сознание. За сто лет сложилась инфраструктура города, необходимая для управления краем. Здесь находились губернатор, областноеправление, штаб Омского военного округа, консулы и вице-консулы различных иностранных держав. С 1916 года в Омске находились дипломатические представители Дании, Швеции, Англии и США. «Становление Омска как столицы антибольшевистского движения Восточной России в период гражданской войны не было случайным. При отсутствии относительного космополитизма и коммерческой активности Владивостока и Иркутска с их большими восточными и еврейскими общинами или Томска с его университетом и культурным сознанием, Омск годами служил административным центром Западной Сибири и был расположен ближе других сибирских городов к европейским столицам мира...»²³

Достаточно продолжительное пребывание в Омске сначала обще-сибирской, а затем и всероссийской власти, естественно, не могло не наложить отпечатка на политическую и общественную жизнь города, а поэтому следует указать основные специфические черты Белого Омска. На наш взгляд они сводятся к следующему:

– Наличие множества государственных учреждений вначале общесибирской, а затем и всероссийской власти.

– Омск являлся духовным центром возрождающейся Белой России. Священномученик Сильвестр Архиепископ Омский и Павлодарский возглавил Временное Высшее Церковное Управление. Он совершил в Омске епископские хиротонии. Более того, сохранились свидетельства, что Святейший Патриарх Тихон благословил образом Святителя и Чудотворца Николая Можайского (Никола «Раненный») Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака на «борьбу с атеистической властью над страдающим народом России».

– В городе наблюдалось большое скопление штабов и военных представительств российских и иностранных войск.

– Ввиду вынужденных миграций началось резкое увеличение численности населения. К июлю 1919 года город насчитывал уже 600 тыс. жителей²⁴.

– Чудовищное перенаселение вызвало острый дефицит жилплощади, дров и продуктов.

– Нахождение в городе золотого запаса России и реликвий царской семьи, собранных следственной группой во главе с Н.А. Соколовым.

– Рост числа периодических изданий различной направленности.

1991. № 2. С. 283–338; *Его же*. 1919-й год. Из прошлого / подг. текста и comment. А.В. Смолин // Там же. № 4. 1993. С. 194–287.

² Белый Омск. Справочник-путеводитель по фондам Государственного архива Омской области [Электронный ресурс] //

- URL <http://www.ic.omskreg.ru/~omskarchive> (дата обращения 16.10.2018).
- ³ Столица // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1987. С. 1278.
 - ⁴ Марьяновские бои // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 141.
 - ⁵ Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая Армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. 1997. № 4. С. 21.
 - ⁶ Полюдов Е. День 7-го июня. (К чехо-эсеровскому захвату власти). // Рабочий путь (Омск). 1922. 7 июня. С. 1.
 - ⁷ Цит. по: Воинов Н., Лебедев И. Огненные годы. Красная армия в Сибири. Новосибирск, 1927. С. 11.
 - ⁸ Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 83–84.
 - ⁹ Вибе П.П. Омское Прииртышье в период Гражданской войны (хроника событий) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 3. Омск, 1994. С. 228.
 - ¹⁰ Шумилов А.И. «Третья столица» России // Омский научный вестник. 1999. Вып. 9. С. 11.
 - ¹¹ ГА РФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.
 - ¹² Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 129.
 - ¹³ Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 16.
 - ¹⁴ Шумилов А.И. Указ. соч. С. 11.
 - ¹⁵ Сахаров К.В. Указ. соч. С. 16.
 - ¹⁶ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 147.
 - ¹⁷ Шишкин В.И. Как Колчак стал Верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 144–147.
 - ¹⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Ч. I, II. М., 2004. С. 452.
 - ¹⁹ Семёнов Г.М. Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М., 1999. С. 189.
 - ²⁰ Переира Н. Омск: Гражданская война и политика антибольшевизма // Россия в XX в. Судьбы исторической науки / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Науч. совет РАН по историографии и источниковедению; под общ. ред. [и с предисл.] А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 318.
 - ²¹ Подробнее об этом см.: Лосунов А.М. «Дело» генерала А.И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 7. Омск, 1999. С. 193–200.
 - ²² Канаки К. Омск смутного времени. Штрихи к портрету города и эпохи // Вечерний Омск. 1991. 22 ноября.
 - ²³ Переира Н. Указ. соч. С. 316.
 - ²⁴ Ракова А.П. Омск – столица белого движения в Сибири (страницы истории) // Музей и общество на пороге XXI века. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / [Ом. гос. ист.-краевед. музей, Рос. ин-т культурологии, Сиб. фил.; редактор: П.П. Вибе, Н.М. Генова, О.А. Дербуш и др.]. Омск, 1998. С. 120.

Алексей Быков

Крестьяне Русского Севера в мемуарах американцев 1918–1919 годов

Особое место среди нарративных источников, содержащих сведения о населении Русского Севера в начале XX века, занимают материалы архива экспедиции «Полярный (Белый) Медведь»¹, хранящиеся в Исторической библиотеке Бентли Мичиганского университета. Большая часть этих уникальных материалов, в том числе дневниковые записи, мемуары, фото и киноматериалы, размещена в свободном доступе на сайте университета и доступна для исследователей².

Их авторы – солдаты, сержанты и офицеры 339-го пехотного полка и нескольких вспомогательных подразделений армии Северо-Американских Соединенных Штатов – прибыли на Север России в начале сентября 1918 года. Они были уверены, что будут ох-

ранять склады с военным имуществом и другими материальными ценностями от возможного наступления немецких войск, прорыв которых ожидался союзниками через территорию Финляндии, где весной 1918 года пришло к власти союзное Германии правительство.

Реальность оказалась другой. Американцы по прибытии были отправлены на Двинский и Железнодорожный фронты только что образованной Северной области, где шло противостояние между антибольшевистскими силами и их союзниками, представленными Великобританией с доминионами и Францией, с одной стороны, и большевистскими отрядами, вскоре преобразованными в регулярную армию, – с другой.

Осенью 1918 года белые и союзники активно наступали, захватив большую территорию по р. Двине до Тулгаса, р. Ваге до Шенкурска, по железнодорожному полотну до станции Плесецкая и часть земель в районе р. Онеги.

Именно там и оказались американские солдаты, которым объяснили, что большевики – союзники немцев, враги настоящей России, и они находятся здесь, чтобы помочь русским сбросить власть «боло», как иностранцы, привыкшие к сокращениям, называли большевиков.

Реальная обстановка снова внесла коррективы. «Боло» оказались такими же русскими, как и солдаты из белых отрядов. Различия между ними были только в идеологических постулатах, которые иностранцы долго не могли уловить.

¹ В 1922 году в США была основана ассоциация «Полярный медведь». Так в шутку называли себя американские солдаты, хотя там, где им пришлось воевать, никаких белых медведей не бывает. Тем не менее, это название прижилось, и постепенно сформировался значительный архив воспоминаний участников Северной экспедиции. – Прим. авт. Белый медведь был изображён на нарукавной нашивке некоторых американских частей, участвовавших в Гражданской войне на Севере (в частности, ряда от 310-го инженерного и 339-го пехотного полков). – Прим. ред.

² Архив экспедиции «Полярный Медведь» в Исторической библиотеке Бентли, Мичиганский Университет [сайт]. [Электронный ресурс] // <https://quod.lib.umich.edu/p/polaread/russian.html>. Отрывки из мемуаров К. Примма и сотрудника американского Красного Креста Вильямса цитируются по рукописям из архива Бентли. Дата обращения: 20.10.2018

Большевики первыми «оседлали» идею освободительной борьбы против иностранных войск, поэтому отряды союзников, прибывшие на Север с миссией помощи от немцев и их союзников – большевиков, оказались на положении «интервентов».

В отличие от англичан и французов, на Севере России американские экспедиционные войска играли вспомогательную роль, не имели никаких политических амбиций, территориальных или экономических целей.

Когда солдаты стали понимать, что они являются участниками внутреннего русского конфликта, начались недовольство и волнения. Весной 1918 года правительство САСШ заверило сограждан, что их скоро вернут на Родину – и действительно, к маю 1919 года все американские военнослужащие покинули фронт и в середине лета отбыли в Америку. Число потерь среди них было невелико, чуть больше 100 человек, причём большинство не погибли на поле боя, а скончались от эпидемии гриппа–испанки.

В большинстве своём, сохранившиеся дневники и воспоминания американцев – это беглый, иногда очень точный, иногда предвзятый взгляд иностранца на реалии русской жизни, как в её мирном течении, так и во время боевых действий.

Надо отметить, что до 1918 года на территории Севера за исключением событий Северной войны 1700–1721 годов³ боевых действий никогда не велось, и население просто не знало, как себя вести в той или иной ситуации.

Разрушения, которые сопровождают всякую войну, воспринимались частью крестьян крайне негативно и способствовали усилению просоветских настроений. Там, где Советская власть активно насаждала принципы диктатуры пролетариата, маятник качался в обратную сторону, и крестьянство, недовольное уже большевиками, поднимало бунты, которые тут же с жестокостью подавлялись.

Прозрение в том, что белые и союзники несли на своих штыках благополучную жизнь для простого крестьянина, пришло слишком поздно. В феврале 1920 года Северный фронт пал.

Короткий, около 9 месяцев, период пребывания американцев на Русском Севере обогатил историческую науку не только описаниями повседневности, но и огромным количеством фотографий, где часто в кадре появляются местные жители. Это ценнейший этнографический источник.

В рамках исследования мы проанализируем несколько сюжетов из жизни и быта северного крестьянства, которые нашли отражение в мемуарах американцев.

Знакомство американцев с русской деревней началось во время переброски войск из Архангельска на Двинский и Железнодорожный фронты. Первые впечатления о сельской жизни у выходцев из Детройта (большинство солдат в составе американского Северного Русского Экспедиционного отряда было призвано



Кларенс Примм

из штата Мичиган) были далеки от восхищения. Северная деревня показалась им бедной и угрюмой.

«Мы проплывали мимо дремучих деревень, теснившихся по берегам реки, иногда останавливались, чтобы натаскать на борт буксира несчётное количество охапок дров. Жители, приходившие со своими услугами, предлагали нам купить у них «yetsels» (яйца) и карликовый картофель (картошка здесь, на далёком Севере, просто не вырастает до нормальных размеров)», – писал санитар Годфри Андерсон.

«Плыём по Двине. Пейзажи вокруг довольно красивы, а закаты просто великолепны. В каждой из деревень, мимо которых мы проплываем, есть большая церковь с пятью куполами», – сообщал в своём дневнике капитан Дума.

Несколько иначе оценивает американский медик Андерсон жителей окрестностей главного притока Двины, р. Ваги:

«Мы увидели множество деревень, которые выглядели уже далеко не так примитивно, как на Двине. Типичные деревни Севера России – скопление грубо построенных, некрашеных, серых от непогоды домов, среди которых непременно возвышается церковь, окрашенная в белый цвет, с зелёной крышей, имеющая один и более луковицеобразных куполов-шпилей в ортodoxальном [православном] стиле».

На ночлег солдаты останавливались в крестьянском жилище. Описанию избы и главной её достопримечательности – русской печи – посвящено немало строк в мемуарах американцев:

«Дом, в котором мы остановились, был бревенчатой избой. Это было очень опрятно построенное здание. Стены дома с внутренней стороны были столь же гладкими, как оштукатуренные стены любого американского дома. Хозяйственный сарай и навес с

³ И восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов. – Прим. ред.



Распиловка брёвен на дрова считалась лёгкой женской работой. Ноябрь 1918 г.

древами помещались на задачах дома», – читаем в дневнике рядового Куйерса.

«В каждом доме – обыкновенно есть кирпичная печь, с которой связано всё владение, дорогое сердцу крестьянина, самовар, который всегда полон горячей воды для чая. Мужики проводят большую часть зимы, расслабляясь на печной лежанке вверху», – отметил Андерсон.

«Двухэтажные дома крестьян построены из гладко окорёных [ошкуренных] сосновых брёвен, плотно и прочно склеенных по углам. Щели аккуратно и тщательно проконопачены мхом или льном. Большая крыша надёжно укрывает жилую часть дома и хозяйственные службы со скотом. На повети, расположенной на уровне второго этажа, хранится сено, зерно, рыба, мясо, инвентарь, а выход наружу представляет собой широкий пологий съезд, построенный из брёвен, для того, чтобы по нему могла сновать туда-сюда лошадь с санями или телегой. Все внутренние помещения дома соединены между собой, и чтобы пройти их насеквоздь, не требуется выходить на улицу.

Окна избы – двойные. Рамы, как и вся внутренняя отделка дома, сделаны из досок, искусно обработанных вручную пилой и топором. Северные крестьяне – мастеровые лесорубы, виртуозно и изобретательно владеющие инструментом. Они способны построить избу без единого гвоздя.

В обычном крестьянском доме было совсем немногого мебели, а стены, полы, скамейки и столы, как правило, содержались в чистоте. Их часто драили водой с песком. Дома женщины и дети, как правило, ходили босиком, а мужчины иногда надевали вязаные носки. Стулья и кровати встречаются редко. Обыкновенно у каждого члена семьи есть постель, которая на ночь расстилается на полу, на скамье, на полатях под потолком или на печи, где традиционно спят старые и малые. Постельное бельё состоит из тонких покрывал, стёганых лоскутных одеял или овчины. Днём постельные принадлежности убирают на полати», – зафиксировал детали быта лейтенант Примм.

Ему же принадлежит и очень интересное описание

русской печи:

«Центральным объектом дома, привлекающим внимание больше всего, является огромная русская печь. Она сложена из кирпичей, сделанных, скорее всего, из местной глины. В больших домах иногда ставят две или несколько печей. Система отопления продумана так, что печь обогревает и первый, и второй этаж дома посредством хитроумной и оригинальной системы дымоходов. После прогорания дров в топке печи её закрывают железным листом, как дверью, дожидаясь, пока алые угли не прогорят до золы, полностью отдав тепло. Только после этого в дымоходе закрывают задвижку, перекрывающую ток горячего воздуха наружу. Вся конструкция массивной печи, жарко прогретая и горячо накалённая, начинает излучать в дом нежное тепло. Если только на улице не царит страшный мороз, топить печь снова требует разве что спустя сутки.

Смолистые дрова дают мало золы. Печь не требует частой чистки зимой. Нутро печи представляет собой накаляемую кирпичную пещеру, в которой горят дрова. Когда жар достигает нужной кондиции, угли удаляют, и в печи искусно выпекают хлеб или пироги. На кухне иногда бывает устроена печь с плитой, на которой варят, жарят и парят. Конструкция печей обычно продумана и весьма оригинальна. Они просты и эффективны, часто эстетично оформлены и прекрасно обогревают по нескольку помещений в доме».

Дополним описание офицера мнением рядового того же полка:

«В углу стояла огромная печь из кирпича. Она отапливала помещение и служила для приготовления еды. Это была комбинация полезных качеств! Из духовки в нужное время убирали угли, и тогда женщины начинали печь пироги и хлеб – огромные, длинные чёрные батоны хлеба и другую выпечку, название которой известно только этим женщинам. Изделия имели прекрасный вкус, несмотря на шелуху и мусор. Печь сохраняла высокую температуру в течение многих часов. Это была одна из самых хитрых и изобретательно придуманных вещей, которые мы наблюдали здесь. Кстати сказать, самое лучшее спальное место в доме было наверху печи», – писал рядовой Торгтен.

Не меньшее удивление вызывала у американцев и русская баня. Вот как описывает процесс лейтенант Кларенс Примм:

«Банное бдение оказалось ещё большим спортом, любимым местными жителями, чем предполагали американцы. Крестьяне моются по определённому бытовому ритуалу в банях с двумя-тремя отделениями. Одна дверь ведёт наружу, вторая – в моечное отделение, а третья – в парилку, где царит натуральный температурный ад. Здесь построена небольшая каменная печь, с котлом горячей и бочкой ледяной воды, стоят скамьи и полок с несколькими уровнями высоты, есть ковши, набор медных тазов и ароматных веников из веток различных деревьев. Таково устрой-

ство дедовской русской бани, нашедшей кое-где своё место и в наших городах. После длительного сидения в жаре на самой высокой ступеньке полка, когда организм находится уже на пределе выносливости или добровольного обморока, человек бросается наружу и ныряет в пушистый сугроб снега. Затем он возвращается в баню, обливается тёплой водой, насухо вытирается и одевается, чувствуя себя наверху блаженства. Пожалуй, на его месте американец сначала составит завещание и позвонит гробовщику, прежде чем отправиться в русскую баню».

Не менее любопытно и мнение о бане рядового Куейрса:

«Баня была совсем небольшой, примерно 10 на 14 футов, располагаясь, как обычно, у водоёма. Всюду, как принято в России, были рамы с двойными стёклами. Когда нас отправили в баню, то мы подробно изучили её устройство, там был большой котёл с горячей водой, вделанный в каменную печь высотой четыре фута. Чтобы привести баню в боевую готовность, еётопят дровами в течение часа, нагревая воду. Затем на крыше бани открывали отверстие, и дым изнутри уходил наружу минут за десять, и баня была готова. Холодная вода всегда была наготове в деревянной бадье. Пол в ванной был покатым, чтобы грязная вода немедленно стекала прочь.

Первым делом в бане бросали ковши воды на горячие камни, и они взрывались облаком пара, от которого начинаешь немедленно потеть. Если же этого недостаточно, то можно взобраться и повыше. Через десять-пятнадцать минут после такого прогревания можно было взять горячей воды и помыться точно так же, как это делается в Америке. Мы имели обыкновение наслаждаться русской баней, в которую мы могли войти замерзшим, сопливым и больным, а выйти румяным и здоровым».

Вопреки сложившемуся за годы советской пропаганды мнению, отношение местного населения к иностранным постояльцам было в большинстве случаев либо положительное, либо нейтральное.

«Примерно на две недели деревня Обозерская стала нашим домом. В крестьянских хижинах, где мы мылись и чистились, нам пришлось научиться терпеть отвратительные запахи, заполняющие комнаты, – один хуже другого. Оказалось, причина их в том, что из-за нехватки настоящего мыла крестьяне пользуются смесью из рыбьего жира и керосина. От этого то и воняет их одежда.

Привыкли американские солдаты и к тому, что женщины здесь занимаются тяжёлой физической работой, и к barishnas (барышням) в кожаных сапогах, и к задорному burr-burr-burr (тпру!) возничих телег-droski [дрожжи], пытающихся притормозить своих неугомонных лошадок, которых мы по привычке называли пони», – писал впоследствии в своей мемуарной повести командир роты Джоэл Мур.

«В каждом крестьянском доме стоит неприятное



Крестьянская семья во дворе своего дома. Зима 1918–1919 гг.

зловоние, причину которого я так и не мог определить – то ли от солёной рыбы, то ли от рыбьего жира, или от льна, или от застоявшегося без вентиляции воздуха. Что уж говорить об несметных полчищах тараканов, вшей и клопов!» – вторит офицеру санитар Андерсон.

Мур приводит и ещё один казус, касающийся отсутствия в регионе элементарных средств гигиены.

«Заметив на улице солдата с высоко задранным носом и поджатыми губами вы, вероятно, сочтёте его высокомерным. Но не спешите с выводами. Вероятнее всего, он возвращается от прачки, только что выстиравшей его рубашку, используя рыбий жир вместо мыла. Теперь бедняга всего лишь пытается не вдыхать аромат! Отдавая в стирку одежду, всегда приходилось просить не использовать рыбий жир, на что прачки отвечали, что для придания рубашке вкусного запаха они могут использовать пирожное [?] – мыла-то у них всё равно нет...»

Впрочем, сами американские военные, неделями сидевшие в болотах, тоже не являлись образцом чистоплотности, и все вышеприведённые эскапады не являются уничижительной характеристикой крестьян Севера, а просто фиксируют реалии военного времени. Примером этого является отрывок из воспоминаний Кларенса Примма:

«Несмотря на общую чистоплотность, крестьяне часто выглядят засаленными и душно пахнут из-за своей привычки смазывать волосы и кожу салом и маслом, особенно – рыбьим жиром, поэтому запах запошенных мехов является типичным для крестьян и надолго впитывается в одежду любого путешественника, попадающего в атмосферу северного жилья. Американские солдаты в 1918–1919 годах так привыкли к этому запаху, что ощущали нехватку чего-то знакомого, постоянно приюхиваясь к воздуху. Эта загадочная привычка янки сохранялась некоторое время по возвращении домой...»

В воспоминаниях часто встречаются примеры пре-

красных отношений американцев и крестьян, их взаимопомощи. Вот один из них.

«Наше постоянное место в пути обычно выглядит так: небольшая деревушка примерно на сотню домов. Американские солдаты разместились в каждом. Сначала жители не доверяли им. Однако они завоевали доверие как детей, так и стариков. Солдаты помогают крестьянам, относятся к ним с симпатией, стараются прийти к перемирию. Один из них рассказал мне, как встретил на улице женщину в слезах – она плакала из-за того, что их запасы продовольствия на исходе и скоро им придётся жевать солому... Женщина бережно достала из коробки и развернула салфетку с куском хлеба, который предстояло разделить на троих. Для неё он был на вес золота. Её семья не рассчитала ежемесячный паёк в пятнадцать фунтов муки на человека – на три дня они оставались без еды. Женщина лишилась дара речи, когда наши парни поделились с ней сухарями и сахаром. А американскому солдату и самому было приятно порадовать человека», – сообщал С.Т. Вильямс, сотрудник Американского Красного Креста.

Некоторые мемуаристы попытались обобщить сведения о Северной России.

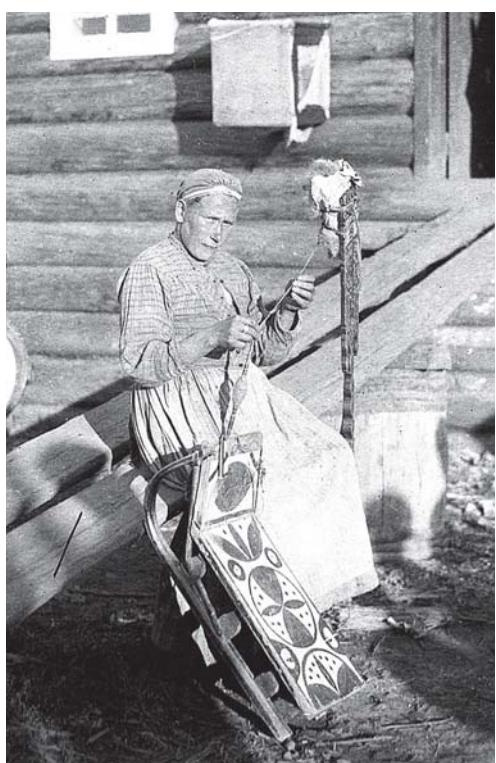
Годфри Андерсон был образованным и очень наблюдательным человеком, относившимся к стране своего временного пребывания с должным уважением. Среди американских военных, особенно среди солдат 339-го полка, было много выходцев с территории бывшей Российской империи, и языковой барьер в общении с местным населением легко преодолевался.

Андерсон через переводчика расспрашивал местных жителей и впоследствии поместил сведения о двинских крестьянах в свои мемуары.

«Селяне тут живут своего рода коммунальной системой. Вокруг каждой деревни расположены участки пахотной земли, где каждой семье отведен надел, за который она несет ответственность.

Зерновые культуры в этих местах незрелы и рискованы в культивировании, исключая овес и лён. Зато значительные успехи видны в выращивании ржи, гречихи, репы, капусты и картофеля. Основу питания составляют именно эти продукты плюс чёрный ржаной хлеб, капустный суп-щи и солёная рыба.

Кое-кому удается держать несколько кур, которые дают небольшое количество яиц и мяса. В сезон крестьяне собирают дикие ягоды и грибы. Болота изобилиуют клюквой. Есть много зайцев, куропаток, диких уток. Долгой зимой в тёмные вечера женщины прядут нити из льна и ткут полотна».



Пряха за работой (крестьянка в праздничном наряде позирует фотографу, для антуража на переднем плане выставлены расписные санки для дров (чумки). Лето 1919 г.

Лейтенант Кларенс Примм увидел быт крестьян Севера несколько по-иному:

«Повседневная жизнь северян спокойна, уютна и проста. В семье все делают работу на всех, у каждого своя роль в командной игре. На взрослых мужчинах лежит охота, рыбная ловля, рубка леса, строительство, транспортировка, часть наиболее трудоёмких сельхозработ. Женщины, мальчики и девочки ухаживают за скотом, заняты в поле и трудятся по хозяйству, включая вязание, прядение, ткачество, шитьё одежды. Тип прядильного оборудования [прялок], которым пользовались женщины, крайне примитивен, но эффективен. Весь процесс был по силам всего лишь одному человеку. Мальчики долгими зимними вечерами занимаются вязанием различных рыболовных сетей, с чем они справляются весьма искусно.

Северяне – более низкорослы и, как правило, коренасты, нежели средний американец. Среди них преобладают шатены. Их лица и руки обветрены, морщины прорезаются рано.

Проза существования крестьянина Севера сочетается с необходимостью временами форсировать свои усилия, чтобы получить от природы необходимые ресурсы для жизни – еду, одежду, дом и посуду. Это обычно тихий и спокойный человек с большим чувством юмора, которое трудно заподозрить в нём, если думать о русских как о флегматичных и пассивных людях. В нём также есть большая робость, ибо русский мужик – christianik (крестьянин) мало что понимает за пределами привычного ему круга вещей, обычав и традиций, поскольку живёт изолированной деревенской жизнью вдали от крупных событий мира. Чувство юмора, терпение и адаптивность в прошлом и настоящем являются спасением северянина перед крутыми изменениями окружающего мира, с которыми можно только считаться, но повлиять на них невозможно. Любезность этого человека, отмечаяющая его поведение в повседневности, не распространена у нас в Америке. Он умён, находчив в меру своих талантов, хотя и не образован».

Американцы характеризуют повседневную, особенно зимнюю, одежду крестьян как малоприглядную, часто рваную и засаленную, без разделения на мужскую и женскую. Вот пример подобных рассуждений от Примма и сотрудника Красного Креста Вильямса:

«В будние дни и на работе рабочая одежда крестьянина-северянина была затрапезна и зачастую выглядела жалко, на грани лохмотьев. Зимой проблема одежды была несколько упрощена, так как основные элементы тёплой экипировки изготавливались обычно

в домашних условиях: стёганое пальто на вате или полушибок, валенки, тёплые штаны, меховая шапка и варежки».

«Олени шкуры лишают людей пола и возраста – глядя на человека в меховой одежде, невозможно сказать, мужчина это или женщина, подросток или пожилой папаша».

Когда дело касается отдыха, крестьяне преображаются. Праздничной одежде в мемуарах также уделено несколько интересных абзацев.

«Мы встречаем большую группу нарядно одетых людей, направляющихся в церковь. Сегодня день празднования памяти Святителя Николая Чудотворца», – отмечал в своей книге капитан Мур.

Наиболее подробно этот сюжет отражён в мемуарах лейтенанта Примма:

«По воскресеньям и праздникам даже на четвёртый год затянувшейся войны нарядная одежда северян сохраняла свою скромную красоту и гармоничность. Женщины и девушки надевали белые, красные и жёлтые пышные юбки с талией и зашнурованными лифами тёмного цвета, а головы украшали причудливыми уборами и завораживающего вида платками, соблазняющими взгляд иностранца, когда местные красавицы попадались ему по пути в церковь или на танцы».

Мужчины в такие дни обычно удовлетворялись чистыми брюками, парой высоких сапог из хорошей кожи, вышитой рубахой, широким поясом и шерстяной шапкой без козырька. Никаких корсетов или подтяжек».

За девять месяцев пребывания на Севере американцы так и не смогли понять, как может русская женщина, работающая наравне с мужчинами и несущая все тяготы нелёгкой крестьянской жизни, нарядившись, преобразиться так, что многие американские парни просто сходили с ума от барышень.

«После караульного наряда пошёл к русским на посиделки. Там были три barishnas: полногрудые, хорошие, сильные и добрые девчурки, полные здоровья, и с ними было приятно общаться. Мы хорошо провели время», – сообщал рядовой Шой.

К сожалению, в рамках одной статьи трудно более полно остановиться на описании всех сторон крестьянской жизни, также оказавшихся на страницах американских мемуаров.

Крестьянская тема освещена и в воспоминаниях подданных Британской империи, которые в отличие от американцев не были так близки с населением Двины, Ваги и Пинеги. Некоторые их высказывания поражают своей высокомерностью и страшно далеки от действительности. Американцы, наоборот, поняли характер и душу крестьян русского Севера, и лучшим доказательством этого будут слова из мемуаров Кларенса Примма:

«Обычный северянин – человек лично порядочный. Он чувствителен в этом отношении, как ребёнок. Естественно, он встаёт на дыбы и не изъявляет благосклонности, когда с ним обращаются жестоко или несправедливо. Но он всегда нормально реагирует на доброжелательность, на совестливое и разумное от-

ношение к себе. Он будет перевозить на дальние расстояния груз продовольствия, не имея над собой надзора или контроля, но, несмотря на царящий в kraе голод, ответственно и честно доставит каждый ящик или пакет в целости и сохранности, по счёту. Он любит торговаться, заключая сделку, и может спи- сать комиссию с обоих концов дороги, подразумевая это логичным. Он охотно и по-детски примет «подарок» от любого и в любом виде, не имея при этом особого чувства долга за этот нечаянный презент. В то же время он сам склонен щедро и на отрыв без видимых причин и выгод дарить что-либо человеку, к которому он дружески расположен».

Он любит откладывать дела на завтрашний день, а обычное обещание немедленно исполнить требуемое означает «при первом удобном случае». Такова природа северянина! Его кодекс поведения сложился сообразно нравам и морально-этическим воззрениям, и если не нарушать их, то с таким соседом можно было бы спокойно дождаться до самого Судного Дня.

В своих контактах с американцами Экспедиционного корпуса в Северной России крестьяне много раз демонстрировали свою простую и искреннюю честность по отношению к тем, кто завоевал их доверие».

Мемуары американских солдат представляют собой уникальные исторические источники, которые до сих пор в полном объёме не введены в научный оборот. Значение этих текстов для характеристики местного населения трудно переоценить, ведь это весьма объективный источник, хотя и не лишённый общезвестных западных штампов о России. Помимо этнографических зарисовок все мемуары содержат важную политическую идею: в 1918 году союзники пришли на Север не завоёвывать Россию, а помочь ей избавиться от большевизма. Не их вина, что тогда это не получилось.

Литература:

1. Андерсон Г. Dictionary цвета хаки: записки санитара 337-го полевого госпиталя армии США Г. Андерсона о «приключениях» на Севере России в годы интервенции (1918–1919) / Г. Андерсон; пер. А. Сухановский // Поморская столица. 2007. № 10. С. 52–55; № 11. С. 58–62; № 12. С. 78–81; 2008. № 2. С. 78–81; № 3. С. 78–81; № 4–5. С. 96–99; № 6. С. 70–73; № 7. С. 76–81; № 8. С. 76–81.

2. Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы / Информ. агентство «Аргус»; подг., авт. сост., вступ. ст. и comment. В.И. Голдин. Вып. 1–2. Архангельск, 1993.

3. Дума Ф.У. Солдатская дума капрала Дума / Ф.У. Дума; пер. А. Анисимов // Поморская столица. 2007. № 4. С. 70–73; № 5. С. 74–77.

4. Куйерс Ф. Русский фронт: дневник капрала роты «Е» 339-го пехотного полка Фреда Куйерса // Поморская столица. 2012. № 5. С. 38–45; № 6–7. С. 38–45; № 8. С. 52–55; № 9. С. 60–66; № 10–11. С. 54–59.

5. Мур Д. Русские шрамы // Поморская столица. 2011. № 2. С. 108–115; № 3. С. 78–85; № 4. С. 78–85; № 5. С. 78–85; № 6. С. 68–74; № 7. С. 78–85; № 8. С. 78–83.

Александр Горянин

Одна из главных утрат России

Среди трагедий революции и Гражданской войны особое место занимает разгром и уничтожение, частичное или полное, тысяч помещичьих усадеб – вместе с предметами искусства, документами и иным наследием предков, находившимся в собственности последних владельцев.

Сказать, что явление было совсем уж принципиально новым, нельзя. Конечно, разгромы были явлением скорее исключительным, а вот год без поджога расценивался в большинстве губерний как удача. С другой стороны, поджог воспринимали почти как неизбежная часть жизни: ударила в амбар молния или пустил «красного петуха» обиженный крестьянин, явления равно редкие и почти равно привычные. Характерны объяснения, которые даёт А.Н. Островский поведению крестьян, едва не спалившим в сентябре 1884 года его усадьбу Щелыково. Сгорели сараи, гумно, хлеб в скирдах, едва спасли дом. Драматург пишет брату Михаилу: «*Поводы всегда найдутся. У нас все выгоны предоставлены крестьянам чуть не даром: за один день косьбы. Да ещё их же за это поим водкой. Хотя всеми крестьянами дана подписька, но исполнять эту работу выходят обычно далеко не все; нужно посыпать за ними, понуждать, браниться, вот и повод.*»

Вспышка варварских разгромов усадеб, уже носившая черты эпидемии, произошла впервые в 1905 году. Многие помнят картину В.Э. Борисова-Мусатова «Призраки» с почти бестелесной женской фигурой в белом на фоне дивной красоты усадебного дома, венчающего холм. К дому ведёт лестница, обставлена белыми скульптурами, словно привидениями. Жить этой красоте оставалось недолго. Картина была написана в 1903 году, а два года спустя неведомые провокаторы распустили среди местных крестьян слух, что сам царь велел каждому селу «в три дня» ограбить и сжечь ближайшее поместье. Жители села Зубриловки с энтузиазмом кинулись исполнять «царскую волю», практически полностью уничтожив усадьбу, помнившую Г.Р. Державина и И.А. Крылова. За 1905–1907 годы жертвой грабежей в империи стало около 3 000 дворянских усадеб (правда, среди них было много таких, где дело ограничилось взломом хлебных амбаров или чем-то подобным). Самый высокий процент полностью разорённых усадеб был отмечен в Курской, Тамбовской, Черниговской и Лифляндской губерниях. Особенно активна была деревенская молодёжь. Беда усугубилась тем, что даже награбленное добро не уцелело: после наведения порядка крестьяне, опасаясь обысков, принялись сжигать свои «трофеи», а всё тяжёлое топили в реках и прудах.

1917 год открыл шлюзы куда более масштабных грабежей и поджогов. Число преступлений против помещичьей собственности резко возросло ближе к осени (ещё при Временном правительстве), после пика сельскохозяйственных работ, коноводили в основном

дезертиры. Шли захваты земель, порой с вторжением в усадьбы и убийствами. В конце августа нашумела кровавая расправа над владельцем образцового хозяйства в Усманском уезде Тамбовской губернии князем Борисом Вяземским, 33-летним историком, орнитологом, фенологом (одним из первых в России специалистом по изучению сезонных изменений природы), дендрологом, благотворителем, коллекционером. Продолжая добрые дела своего отца, он сделал много полезного для окрестного населения и для всего своего уезда, построив, среди прочего, железобетонный мост (большое новшество для того времени!) через р. Байгору, электростанцию, сельскую школу. Его имение Лотарево (загляните-ка в Википедию!) было полностью разгромлено, а сам Борис Вяземский убит озверевшими дезертирами. «*Человек, которым должна была бы гордиться новая [т. е. послефевральская] Россия!*» – писал, узнав о его гибели, С.М. Волконский.

Все революции похожи. Французская чернь конца XVIII века точно так же убивала дворян, да ещё под весёлую песенку «Ah! ça ira, ça ira, ça ira! Les aristocrates à la lanterne!» («Эх, пойдут, пойдут дела! На фонарь аристократов!»). Тамбовские убийцы, кажется, обошлись без песен.

Захваты и расправы исчислялись сотнями и сотнями. О каких-то стало известно благодаря общероссийским газетам, сообщения о других затерялись в газетах губернских. На усмирение посыпались казаки и команды георгиевских кавалеров (как заведомых людей чести). В ноябре 1917 года исчез и этот сдерживающий фактор.

Довольно часто утверждается, что вдохновителями разгромов «дворянских гнёзд» во время Гражданской войны были эсеры. Но работы последних лет (на основе сопоставления официальных документов советской власти и документов личного происхождения) показывают: разгром усадеб – во многом результат провокационной деятельности большевиков¹. Как тут не вспомнить слова восторженного олуха А.В. Луначарского: «*Это большая удача для русского народа, что после социальной революции власть захватила такая культурная партия, как большевики*»².

Именно большевики в борьбе с эсерами за власть и влияние в массах призывали к незаконному самодеятельному захвату земли и усадеб. Впрочем, они до известного момента это и не скрывали. Н.И. Бухарин в своём «труде» «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) похвалялся, что вопреки эсерам, твердившим, будто нельзя «выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений», и пугавшим резней и земельным хаосом, «наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли». Были, конечно, и «внепартийные» разгромы. Во время Гражданской войны, когда было неясно, чья

взьмёт, усадебные дома нередко сжигали для того, чтобы и в случае победы белых помещику некуда было бы вернуться.

Характерно, что после победы большевиков грабители уже не боялись сил порядка, и кое-что из награбленного уцелело. Сам был свидетелем: в начале 1990-х годов, когда по крупицам воссоздавалась экспозиция музея-заповедника А.С. Грибоедова (усадьба Хмелита в Вяземском районе Смоленской области) у окрестных жителей нашлось некоторое количество интересных предметов. Они отдавали их в музей по большей части охотно, капельку стыдясь за предков.

Хотя «дворянские гнёзда» были драгоценной частью наследия исторической России, во времена, предшествовавшие революции, их владельцами уже нередко были измельчавшие или невнимательные потомки людей, чьи имена когда-то составляли славу России. Или нувориши, задёшево купившие имения у обедневших дворян с твёрдым намерением всё перестроить «в современном вкусе». Имелось и какое-то количество брошенных и разрушавшихся имений. На картине Владимира Соколова «Покинутая усадьба» (1900, Иркутский художественный музей) мы видим одно из них.

Сергей Минцлов (кстати, внук воспитателя Александра III и великих князей) в своей написанной в эмиграции книге «За мёртвыми душами» замечательно рассказал о своём путешествии по провинциальным имениям, предпринятым им примерно в 1908 году, о разных типах усадеб, о ценностях, которые в них таились, и о типажах их владельцев, горячо рекомендую³. Минцлова, страстного библиофила и знатока древностей, поражали прежде всего редчайшие книжные сокровища, уже в XVIII веке попавшие как ни в чём не бывало в нижегородскую и орловскую глушь.

Раз уж речь зашла о книгах, вспомним, как весть о гибели библиотеки в имении Шахматово ускорила смерть А.А. Блока. Имение пережило Гражданскую войну, но взявшиеся беречь брошенную усадьбу местные крестьяне быстро разворовали всё в доме (кроме книг!), а потом сочли за благо замести следы.

По свидетельствам современников, доля разорённых в Гражданскую войну усадеб – разграбленных, а затем и сожжённых (второе часто следовало за первым), приближалась к $\frac{3}{4}$ их общего количества. Остальные «добивали» в следующие десятилетия. Эта чаша не миновала Михайловское, Тригорское и другие места, связанные с именем А.С. Пушкина и с именами других деятелей российской истории и культуры. Малочисленные (порядка шестидесяти) «музеи-усадьбы» наших дней – как правило, просто копии и «новоделы».

Вот свидетельство ещё одного худож-



Владимир Соколов. Покинутая усадьба. 1900

ника, Ивана Владимира. Его большая акварель «Грабёж имения» (1918) отражает новую судьбу «дворянских гнёзд», сильно отличную от той, что запечатлел его собрат Соколов. Поступив в петроградскую милицию в момент её создания указом Временного правительства, Владимира продолжал работать в ней и при большевиках. Его многочисленные зарисовки 1917–1919 годов фиксируют не только события в Петрограде, но и в близких усадьбах. Всё, что мы видим на его работах, он видел сам.

Глядитесь: земля усеяна бумагами (рукописями?), валяются картины, в боковом крыле начался пожар, он скоро охватит весь дом. В СССР много говорили о «революционной романтике», «романтике Гражданской войны». Владимира сохранил здесь для нас один из образчиков этой романтики.

Специалист по охране памятников И.В. Краснобаев, автор книги «Сохранение сельских усадеб: проблемы и перспективы» (СПб, 2013), пишет: «К 2000 году в России уцелело, по разным источникам, от 5 до 10%



Иван Владимира. Грабёж имения. 1918

дворянских усадеб из числа существовавших до 1917 года, то есть не более 8 тысяч»⁴. Цифры потрясают, хотя и вызывают некоторые сомнения: неужели число таких усадеб составляло в 1917 году от 80 до 160 тысяч? Хотя пишет не журналист, а профессиональный историк, тень сомнения остаётся⁵. Но в любом случае слово «уцелело» не должно вводить в заблуждение: уцелело почти исключительно в виде руин, в лучшем случае – в виде второстепенных хозяйственных построек и наполовину вырубленных и одичавших парков. Действительно уцелевшие – редчайшие исключения.

Размеры этой культурной катастрофы до сих пор плохо осмыслены. Просто потому, что не укладываются в сознание. Исчезновение важнейшей части национального культурного наследия – памятников архитектуры, картин, скульптур, рукописей (в том числе мемуаров), предметов старины, библиотек, коллекций, личных архивов и иных ценностей, порой совершенно уникальных, навсегда останется одной из главных утрат России.

В завершение маленькая иллюстрация. В Михайловском, где Пушкин прожил два года, к моменту революции был приют для престарелых литераторов, но сохранились пушкинские вещи, книги. В феврале 1918 года всё было разграблено и сожжено. По соседству – Голубово, имение барона Вревского. Баронесса Евпраксия Николаевна Вревская, урождённая Вульф, была предметом воздыханий Пушкина («Зизи,

кристалл души моей») и, возможно, одним из прообразов Татьяны Лариной. Голубово разорили уже позже, в 1930 году. Старожил рассказывал, как прибыли из Ленинграда создавать колхоз «тысячники эти, с Путтиловского завода, и один матрос... Как напузырялись самогоном, матрос и возьми себе в башку, что в склепе золото спрятано. Ну, пошли они склеп ковырять...

– И никто не вмешался, не сказал, что нельзя, мол?

– Им скажешь! Они чуть что имели право тебя стрелять. Открыли склеп и вытащили барона старого и бароншу. На нём мундир был, на ней платье такое, богатое... Ну, золота не нашли там никакого... »⁶

Это колхозным организаторам показалось обидно. Впрочем, дальнейшие подробности глумления над останками пушкинских друзей, жалея читателей, опускаю.

Примечания:

¹ Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 44–49.

² Цит. по: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 407.

³ Переиздана на родине в 1991 году (изд. «Книга», тир. 40 тыс. экз.).

⁴ Краснобаев И.В. Русские усадьбы в начале XXI века // Новый журнал (Нью-Йорк). 2013. № 271.

⁵ И.В. Краснобаев – кандидат архитектуры. – Прим. ред.

⁶ Лосев А. Ненаписанные репортажи // Континент. 1976. № 9. С. 290–294.

Вячеслав Долинин

Свободное Межпрофессиональное Объединение трудящихся (СМОТ). К 40-летию создания

В конце 1970-х годов в Советском Союзе появились первые вышедшие из подполья и выступившие открыто независимые общественные объединения, в задачу которых входила защита социальных прав граждан. Нарушения трудовых, жилищных и прочих социальных прав простого человека были обычным явлением в СССР. Люди, которые не могли отстоять свои права на местах, нередко обращались с жалобами в центральные органы власти (Генеральную Прокуратуру, ЦК КПСС, Верховный Совет и т. д.). В январе 1978 года группа таких «жалобщиков», собравшихся в Москве из разных регионов, создала объединение под названием Ассоциация свободного профсоюза трудящихся в Советском Союзе. Возглавил организацию инженер из Макеевки Владимир Клебанов. Свободный профсоюз направил в Международную Организацию Труда (МОТ) обращение с просьбой о признании и поддержке, но получил отказ. Объединение Клебанова было вскоре разогнано КГБ, а его лидер арестован. После разгрома Свободного профсоюза «жалобщики» сформировали Независимый профсоюз, который возглавил Владимир Сквирский, но и это объединение просуществовало недолго. Обе организации

по существу профсоюзами не являлись – они были ассоциациями, защищавшими права «жалобщиков», нарушенные не только в области трудовых отношений. Деятельность объединений «жалобщиков» не привела к прекращению нарушения социальных прав граждан, и борьба за эти права продолжилась.

28 октября 1978 года в Москве на квартире математика Марка Морозова прошла пресс-конференция, на которой было объявлено о создании Свободного Межпрофессионального Объединения трудящихся (СМОТа). В Заявлении, переданном иностранным журналистам на пресс-конференции, говорилось: «На сегодняшний день в стране нет независимой от власти организации, которая представляла бы непосредственно интересы трудящихся... Ввиду этого СМОТ ставит своей целью защиту своих членов в случаях нарушения их прав в различных сферах их жизнедеятельности – в экономической, социальной, культурной, духовной, религиозной, бытовой и политической – всеми доступными ему способами в рамках действующей Конституции и международных соглашений, подписанных советским правительством». Для оказания помощи трудящимся и безработным, не входящим в состав

СМОТа, при нём была организована рабочая комиссия.

Профсоюз являлся федерацией автономных групп, которые делегировали своих представителей в координационный орган объединения – Совет Представителей (СП). Состав СП объявлялся открыто, имена же рядовых членов профсоюза не афишировались. На момент создания СМОТа в СП вошли восемь человек. Один из них, Владимир Сквирский, был арестован по сфабрикованному обвинению ещё 13 октября – до проведения пресс-конференции. Вскоре последовали новые репрессии против СМОТовцев. Марка Морозова арестовали 1 ноября, члена СП Валерию Новодворскую – 24-го (это был её второй, но не последний арест).

Уже в 1978 году у СМОТа появился первый зарубежный представитель. Им стал Виктор Файнберг, участник демонстрации правозащитников, проведённой 25 августа 1968 года на Красной площади в знак протеста против оккупации Чехословакии.

В декабре 1978 года в Ленинграде вышел первый номер машинописного Информационного бюллетеня СМОТа (ИБ СМОТ). Его подготовила Ирина Каплун. Второй номер составил Лев Волохонский. Сообщение об аресте Волохонского появилось уже в третьем. Номера с третьего по шестой выпускали Николай Никитин, Татьяна Плетнёва, Альбина Якорева и др. Первые шесть номеров имели преимущественно правозащитный характер, что было вызвано усилением политического террора в СССР в конце 1970-х годов. КГБ не обошёл вниманием СМОТ. ИБ помещал материалы о задержаниях, обысках, допросах и арестах СМОТовцев, а также заявления, сделанные в защиту репрессированных. В первых номерах Бюллетеня материалы социально-экономического характера занимали незначительное место. Среди них печатались сообщения о продовольственных карточках, которые вводились в глубинке с середины 1970-х годов. В Москве и Ленинграде такие карточки появились только под конец «перестройки».

В мае 1979 года в Москве состоялся суд над Владимиром Сквирским. Несмотря на то, что адвокат Генрих Падва убедительно доказал несостоятельность обвинения, Сквирского приговорили к пяти годам ссылки. Уже в ссылке ему ещё три раза добавляли новые сроки. Вернуться в Москву Сквирский смог только в 1987 году. В июне 1979 года в Ленинграде осудили Льва Волохонского, арестованного в марте того же года. По статье 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй») его приговорили к двум годам лагеря. В августе также по статье 190-1 был арестован Николай Никитин. Его отправили в лагерь на полтора года. Номера ИБ с четвёртого по шестой были посвящены судебным расправам над Сквирским, Волохонским и Никитиным.

В июне 1979 года в Москве судили Марка Морозова. Его обвиняли по 70 ст. УК («Антисоветская агитация и пропаганда») и приговорили к пяти годам ссылки. Суд был закрытым в связи с тем, что по «делу» Морозова проходил офицер КГБ Виктор Орехов, пред-

упреждавший диссидентов о готовящихся против них акциях репрессивных органов. В рядах КГБ служили десятки «штирлицев», которые продавали государственные тайны зарубежным разведкам или перебегали на Запад, но офицер госбезопасности, сочувствовавший отечественным свободомыслящим, – явление редчайшее. Орехова приговорили к восьми годам заключения, и свой срок он отбыл полностью. В 1995 году его снова привлекли к суду. В дальнейшем, уже из посткоммунистической России, Орехов вынужден был эмигрировать.

В 1980 году репрессии против СМОТа продолжились. В марте КГБ снова арестовал М. Морозова. На втором суде ему дали восемь лет лагеря. Летом в психбольницы были помещены члены профсоюза Михаил Зотов, художник из Тольятти, и Владимир Гершунин, племянник знаменитого эсэра-террориста. Владимир Львович Гершунин – один из лучших мастеров палиндрома в России. В 1979 году, например, на арест Льва Волохонского он написал свой очередной невесёлый палиндром: «И Лёву увели». Прошло чуть больше года после ареста Волохонского, и наступила очередь Гершунин. Для него это был уже третий арест, оказавшийся на этот раз непродолжительным. Впервые Владимира Львовича арестовали в 1949 году. В лагере он подружился с Александром Солженицыным, который написал о Гершунине в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ».

22 июня 1980 года член СП Владимир Борисов был принудительно выслан из СССР. Его силой вытолкали из самолёта «Аэрофлота» в аэропорту в Вене – Борисов отказывался добровольно покидать родину и оказал сопротивление конвоировавшим его сотрудникам госбезопасности. На следующий день в автомобильной катастрофе погибла его супруга Ирина Каплун. Многие СМОТовцы считали, что эта автокатастрофа подстроена КГБ. Для такого предположения было достаточно оснований.

В результате репрессий уже в 1979 году на шестом номере выпуск ИБ прервался. Возобновить издание взялась новая редакция. Соредакторами Бюллетеня стали Ростислав Евдокимов и автор данного текста. Каким по счёту был последний номер ИБ, выпущенный предыдущей редакцией, новым редакторам на тот момент не было известно – уцелевшие после обысков экземпляры этого номера в их руки не попали. В ноябре 1980 года они выпустили Информационный Бюллетень под номером 10.

Новая редакция изменила направленность издания, сделав его по содержанию преимущественно социально-экономическим, ориентированным, в первую очередь, на рабочую аудиторию. Редакция исходила из того, что советский «класс-гегемон» не был абсолютно преданным режиму и пассивным. Об этом, в частности, свидетельствовали массовые выступления рабочих в защиту своих прав, самое известное из которых произошло в июне 1962 года в Новочеркасске. Не было секретом и то, что рабочие составляли немалую часть советских политзаключённых. Успехи профсоюзного движения в Польше в 1980 году также убеждали издателей в правильности стратегического выбора.

Каждый номер ИБ начинался с редакционных статей. Это были статьи на социально-экономические и политические темы («Завершение пятилетки», «Заметки о повышении цен», «Итоги съезда» и т. п.). На страницах Бюллетея доминировала политическая публицистика и едкая сатира. В каждом номере в разделе «Нам сообщают» помещалась информация о продовольственных карточках и дефиците товаров первой необходимости, поступавшая из разных регионов страны. Печатались статьи о привилегиях власти имущих и нарушениях социальных прав рядовых граждан. Серьёзное внимание уделялось событиям в Польше и деятельности профсоюза «Солидарность», с которым у СМОТа начали устанавливаться контакты (СМОТ, кстати, был создан раньше «Солидарности»). Для того чтобы ИБ легко воспринимался рабочей аудиторией, статьи писались простым и ясным языком, а объём номера не превышал 15–20 машинописных страниц.

Официальная печать обычно обвиняла своих оппонентов в клевете на советский строй. На самом деле противникам режима вовсе не нужно было прибегать к клевете – лучшим аргументом против коммунистической системы была правда об её неприглядных сторонах, которая замалчивалась советской пропагандой. Следователи КГБ не смогли доказать ложность ни одного из фактов, приведённых в ИБ. Авторы Бюллетея часто пользовались опубликованными в советской печати данными, но интерпретация этих данных на его страницах существенно отличалась от официальной. Например, в ИБ № 21 (октябрь 1981 года) в «Заметке о повышении цен» говорилось: «Партия не скрывает, что главная её задача – забота о благе трудящихся. Последнее повышение цен ещё раз это подтверждает... Для того, чтобы “сохранить лицо”, власти повысили выплаты некоторым группам населения. О смехотворных пособиях на детей и говорить не хочется. Стимулировать рост рождаемости такими пособиями можно не с большим успехом, чем лозунгами и призывами. Остановимся на пенсионерах. Повыщены минимальные пенсии для 14 миллионов человек. О чём говорит эта цифра? О том, что 14 миллионов человек живут на МИНИМАЛЬНЫЕ средства. Кто не жил на такие деньги, пусть попробует: узнает, что такое настоящая нищета. А ведь большинство из этих миллионов всю жизнь вкладывало. Неужели они не заслужили себе обеспеченной старости? Наши власти находят средства для ведения войны в Афганистане... но для ликвидации нищеты в своей стране они средств изыскать не могут».

Для выпуска подпольного издания было необходимо соблюдать правила конспирации. Статьи, помещённые в ИБ, печатались без подписей (иногда под псевдонимами). На титульном листе каждого номера как место издания всегда значилась Москва, независимо от того, где этот номер выпускался на самом деле. Первый экземпляр редакционной закладки Бюллетея уничтожался, чтобы затруднить определение «почерка» пишущей машинки, на которой он печатался.

Связь между региональными группами СМОТа и передача материалов для ИБ осуществлялась в основном через СП. Кроме Москвы и Ленинграда, Бюлле-

тен্দь тиражировался в Горьком (Нижнем Новгороде), Киеве, Куйбышеве (Самаре) и других городах и получил распространение в рабочей среде. Тиражи отдельных номеров достигали 200–300 экземпляров.

Региональным группам рекомендовалось издавать местные варианты ИБ на основе «центральных». Несколько региональных номеров были выпущены. В случае разгрома «центральной» редакции продолжать её работу имела право любая группа профсоюза.

Бюллетень поддерживал связи с другими неофициальными изданиями, в первую очередь правозащитными. Информация о Бюллетея помещалась в «Хронике текущих событий» (ХТС) и реферативном журнале самиздата «Сумма».

В 1978 году СМОТ установил нелегальные контакты с НТС. Журнал «Посев» публиковал обзоры материалов СМОТа, а некоторые статьи из ИБ перепечатывал целиком. В 1979 году в издательстве «Посев» в серии «Вольное слово. Самиздат. Избранное» вышел сборник «СМОТ. Информационные бюллетени» (Выпуск № 34. 128 с.). В этом сборнике были напечатаны № 1 и № 3–5 Бюллетея, а также ряд других документов профсоюза.

В конце 1981 года КГБ вышел на след ленинградской редакции ИБ, и редакционный портфель, в котором содержался материал для нескольких ещё не опубликованных номеров Бюллетея, был передан в Москву. Московская редакция в составе Владимира Гершуни и Валерия Сендерова стала выпускать ИБ, начиная с 14-го номера. Москвичи увеличили объём издания, количество правозащитных материалов на его страницах резко возросло. В дальнейшем материалы из Ленинграда продолжали поступать в ИБ вплоть до ареста ленинградских авторов. К концу 1982 года вышли 35 номеров Бюллетея.

В марте 1981 года по концу срока из лагеря освободился Л. Волохонский. В Ленинграде у него, как у бывшего политзаключённого, возникли сложности с пропиской и трудоустройством, и в мае он определился на работу в лесничество в Хвойнинском районе Новгородской области. Вслед за Волохонским туда же устроились на работу СМОТовцы Александр Скобов из Ленинграда, Федор Финкель из Москвы и др. Многие члены СМОТа приезжали в лесничество на время. В 1981–1982 годах Хвойнинский район стал полулегальной базой профсоюза. Там был подготовлен ряд материалов для ИБ. 11 сентября 1982 года одновременно в пяти деревнях района, в которых обосновались СМОТовцы, КГБ провёл обыски и облавы. Основную часть хранившихся там материалов СМОТа спецслужбы обнаружить не смогли.

В 1982 году репрессии продолжились. Летом в Ленинграде были арестованы Долинин и Евдокимов, в Москве Гершуни (в четвёртый раз) и Сендеров, в сентябре в Киеве автор ИБ поэтесса Ирина Ратушинская. В декабре КГБ повторно арестовал Волохонского, а также Скобова. Репрессии против СМОТа и других оппозиционных объединений свидетельствовали о страхе властей перед независимыми общественными инициативами. Следователи КГБ говорили арестованным

СМОТовцам о том, что не допустят создания в СССР профсоюза, подобного «Солидарности». Страхи партийных чиновников не были безосновательными – до краха коммунистического режима времени оставалось уже немного.

После арестов 1982 года СМОТ ушёл в глубокое подполье. В этот период СМОТовцы продолжали заниматься просветительской деятельностью и распространением самиздата, но выпуск ИБ, продолжавшийся некоторое время в провинции с использованием заготовленных впрок материалов ленинградской и московской редакций, к началу следующего года пришлось временно прекратить.

В историю самиздата Информационный бюллетень СМОТа вошёл как первое периодическое издание, адресованное рабочей аудитории. СМОТу и его ИБ удалось привлечь внимание здравомыслящей части зарубежной общественности к бесправному положению простых советских трудящихся и преследованиям актива независимого профсоюзного движения. Этим был нанесён серьёзный удар по советской пропаганде, пытавшейся навязать всему миру миф о коммунистическом режиме как выразителе и защитнике интересов трудового народа. Этот миф принимали на веру многие левонастроенные западные «интеллектуалы». Легко понять, почему заблуждались иностранцы, не испытавшие на себе прелести «советского образа жизни». Многие из них считали коммунизм привлекательным, поскольку, как им казалось, в нём не было изъянов, свойственных капитализму. Непосредственная встреча с советской действительностью, как правило, избавляла этих советофилов от иллюзий. Понятна и идеализация советского прошлого, присущая части современной российской молодёжи. Эти молодые люди знают о жизни простого советского человека не больше, чем наивные иностранцы прошлого века. Труднее разобраться с теми нашими соотечественниками старшего поколения, которые до сих пор ностальгируют по тоталитарному прошлому, – они-то прожили долгие годы не в сказке, сочинённой отделом пропаганды ЦК, а в реальной советской стране, жизнь в которой была совсем не похожа на сказку.

Когда КГБ начал аресты СМОТовцев, в их защиту выступили влиятельные зарубежные профсоюзы. Среди них крупнейшие профобъединения Европы и Америки. В 1979 году МОТ осудил СССР за преследования активистов профсоюзного движения. Советская власть вынуждена была обороняться. В 1984 году в пермском политлагере дипломат Арнольд Анучкин-Тимофеев рассказывал автору этих строк о международной конференции, в которой он участвовал. На этой конференции советские чиновники в ответ на обвинения СССР в нарушениях прав человека, в частности, в расправах над СМОТовцами, утверждали, что члены СМОТа – это сплошные уголовники, алкоголики и сумасшедшие. Сам дипломат был арестован за анонимные письма, которые он посыпал в различные советские газеты. В своих письмах он высказывал те же мысли и предложения по модернизации страны, которые вскоре легли в основание идеологии «перестройки». Однако в Рос-

сии опережать своё время всегда было делом опасным.

Освободили Анучкина-Тимофеева одновременно со СМОТовцами по «горбачёвской амнистии» для политзаключённых в начале 1987 года. Тюрьма никого не исправляет. Не исправился и Анучкин-Тимофеев. Сбросив зэковскую робу, он снова принялся писать в газеты, но «перестроившиеся» газетчики уже не передавали его письма в КГБ, а печатали на страницах своих изданий.

Судьба члена СМОТа Марка Морозова сложилась куда более драматично. Он покончил с собой в Чистопольской тюрьме в августе 1986 года. До «горбачёвской амнистии» оставалось всего полгода, но тогда, в августе 1986-го, о грядущей «амнистии» никто, включая и самого Горбачёва, ещё не знал.

В начале 1980-х годов преследованиям подвергся не только СМОТ, но и другие независимые общественные организации, а также общественно-политическая и правозащитная самиздатская печать. После разгрома ХТС возникла необходимость возобновить сбор, обработку и распространение информации о политических репрессиях в Советском Союзе. Этим опасным делом занялась член СМОТа Ольга Корзинина, которая начала выпускать Бюллетень «+». Материалы Бюллетеня нелегально переправлялись за рубеж и перепечатывались в «Вестях из СССР», издававшихся с 1978 по 1991 год в Мюнхене бывшим политзаключённым Кронидом Любарским. Бюллетень «+» выходил до мая 1987 года.

В 1987 году из заключения вернулись Волохонский, Гершуни, Долинин, Евдокимов, Сендеров, Сквирский и др. Ратушинская освободилась ещё в 1986 году. В 1987 же году после перерыва, вызванного репрессиями, возобновил деятельность СП. Не все СМОТовцы продолжили работу в профсоюзе. Новые времена открывали новые возможности. Новодворская, например, занялась созданием партии Демократический Союз, которую она возглавляла до своей смерти в 2014 году. Евдокимов и Сендеров сосредоточились на работе в НТС, вошли в руководящие структуры Союза и редколлегию журнала «Посев». Евдокимов, кроме того, создал и возглавил первую в стране группу Международного Общества прав человека (МОПЧ). Ратушинская сразу после освобождения эмигрировала в Великобританию. Сквирский со своими единомышленниками сформировал автономный Комитет Социальной Защиты (КСЗ), работавший под эгидой МОПЧа. КСЗ занимался проблемами «жалобщиков».

В январе 1988 года обновлённый СП принял решение сосредоточить усилия на пропаганде профсоюзных идей и организационной деятельности в трудовых коллективах. Представительские и координаторские функции были делегированы созданному тогда же Информационному Агентству СМОТа (ИАС). Переехавший после освобождения в Москву Лев Волохонский и Ольга Корзинина, ставшая его супругой, начали выпускать ИБ СМОТа под эгидой ИАС. С 1988 по 1996 год вышли 118 номеров Бюллетеня. Информационное Агентство, помимо Бюллетеня, печатало и размещало многие другие независимые издания («Благовест», «Российские ведомости» и т. д.). Издавал ИАС

и «Вестник Комитета Социальной Защиты» Сквирского. С 1988 года Агентство выпускало справочники по самиздатской печати и независимым общественным организациям. Эти справочники сегодня являются бесценным источником для изучения общественной и политической жизни периода «перестройки». В 1998 году, к двадцатилетию со дня основания СМОТа, ИАС выпустило юбилейный сборник «Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся. 1978–1998» (ИА СМОТ. С.-Петербург, 1998. 276 с.). В сборнике представлены основные документы СМОТа и отдельные статьи из ИБ, рассказывающие о двадцатилетней истории свободного профсоюза.

В 1990-е годы СМОТ активно отстраивал независимые профсоюзные организации на предприятиях. Количество первичных ячеек СМОТа стремительноросло, особенно в период 1991–1994 годов. Начали выходить новые издания профсоюза – журнал «Синдикаты» в Смоленске, газеты «Баста!» в Минске и «Рабочая Тверь» в Твери. Однако в 1990-е годы многие предприятия стали закрываться, и действовавшие на них ячейки свободных профсоюзов рушились вместе с этими предприятиями. В наши дни СМОТ действует в Твери и в Белоруссии (в Минске подпольная группа профсо-

юза появилась ещё в 1982 году), есть СМОТовцы и в других городах.

Из всех независимых общественных организаций, выступивших открыто в 1970-е годы, только СМОТ, пережив репрессии, выстоял и не прервал свою деятельность. Он не стал массовым объединением, как не стали массовыми и другие независимые общественные ассоциации, возникшие по инициативе рядовых граждан и защищавшие их интересы. Это объясняется, в первую очередь, слабостью гражданско-го общества в современной России, до сих пор мало способного к самоорганизации и борьбе за свои права. Однако напор динамичного XXI века не позволит обществу и дальше оставаться в полусонном состоянии. Гражданам придётся объединять усилия и решать стоящие перед страной задачи самостоятельно, не полагаясь на правящую бюрократию или вождей-харизматиков. В поисках путей решения сегодняшних проблем, в попытках прогнозировать будущее нельзя обойтись без обращения к прошлому, уроки которого, если их усвоить, помогут избежать многих ошибок. В прошлом нашей страны было немало ярких гражданских инициатив, и их опыт, в том числе опыт СМОТа, ещё будет востребован.

Репников А.В.

Операция «Трест»: Василий Шульгин в паутине спецслужб

Далеко не все белоэмигранты, оказавшиеся помимо своей воли втянутыми в операцию «Трест», вели себя столь доверчиво, как Шульгин¹. Непримиримой и жаждущей реальных акций была М.В. Захарченко. «Имён у неё было много, как реальных, так и псевдонимов, которые ещё более множили легенды. Реальных было три: Мария Владиславовна, урождённая Лысова, в первом замужестве Михно, во втором – Захарченко. Остальные псевдонимы: Шульц, Березовская, племянница. Кстати, перепутав конспиративное имя с действительностью, многие считают её реальной племянницей генерала Кутепова»². Советскому телезрителю она памятна благодаря роли, сыгранной Людмилой Касаткиной в фильме «Операция “Трест”». В беседе со своим мужем Колосовым Касаткина вспоминала: «Как ты помнишь, Серёжа, я не имела возможности лично познакомиться с Василием Витальевичем. Но его... письма к тебе были для моей работы над ролью Захарченко чрезвычайно важны. Ведь когда ты поехал весной 1967 года к Шульгину во Владимир, я не ожидала, что получишь столько конкретного материала об этой удивительной женщине. И тем более не ожидала, что в письме, которое он пошлёт тебе вдогонку на «Мосфильм», будет содержаться ключевая фраза для трактовки этого образа, которую я ещё приведу. Ты знаешь, что, проработав к тому времени двадцать лет в театре и тринадцать в кино, я никогда не играла ролей,

которые у нас принято называть отрицательными. И вот ты поручаешь мне эту роль. Мы долго не знали, как к ней подступиться, уж больно далёкий от меня, от моей жизни, от моего репертуара персонаж. Одно из требований твоих я понимала и старалась его придерживаться: никакого отношения к образу не играть, не демонстрировать. Глубоко верить в правоту её мыслей и поступков»³. В последние годы о Захарченко опубликован ряд статей⁴, а в 2008 году небольшим тиражом вышла книга Л.В. Рассказовой с предисловием д.и.н. В.В. Кондрашина.

Мария родилась 9 декабря 1892 года, но костили её только 3 января 1893 года, и, «видимо, отсюда идёт путаница в дате рождения Марии Владиславовны: все исследователи указывают 9 декабря 1893, а не 1892 года»⁵. В 1911 году она с золотой медалью окончила Смольный институт, проявив усердие и интерес к учёбе. В период Первой мировой войны добровольно под именем Андрея Михно (фамилия её первого мужа И.С. Михно) ушла на фронт. На фронте, по словам Б.Н. Архипова, «на опасные предприятия всегда вызывалась сама. Отличалась она необыкновенной храбростью. Очень любила гулять под огнём из неприятельских окопов в сопровождении молодых офицеров, которые любили щегольнуть своей храбростью»⁶. Ходила в мужской одежде, нравившейся ей «главным образом потому, что в ней было много карманов. В

них она носила целый арсенал всевозможных вещей: два револьвера, яд на случай плена, перочинный нож и несколько связок ключей на длинных цепочках... Лицо её огрубело, и трудно было отличить Марию Владиславовну от обычного солдата⁷. Была удостоена двух Георгиевских крестов заличное мужество.

Во время Гражданской войны сначала сражалась в рядах Добровольческой армии, затем во ВСЮР и Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Эмигрировав, стала одним из лидеров боевой организации Русского общевоинского союза. Будучи непримиримым противником советской власти, Захарченко-Шульц выступала за проведение активных террористических действий. Установив контакты с «Трестом», она поначалу возлагала на эту организацию большие надежды и идеализировала А.А. Якушева⁸. Однако вскоре у неё возникли сомнения в эффективности этой организации и в надёжности Якушева⁹. Эти сомнения и подозрения были вполне обоснованными, поскольку за всё время контактов монархистов с «Трестом», как отмечают современные историки спецслужб, на территории СССР не было проведено ни одной реальной террористической акции.

Ещё одним персонажем этой операции был Александр Опперпут (он же Эдуард Оттович Ставниц, Павел Иванович Селянинов и т. д.). Авантуррист по натуре, он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, состоял в «Народном союзе защиты родины и свободы» Б.В. Савинкова. Активный участник операции «Трест», он, по наиболее распространённой версии, под влиянием Захарченко-Шульц, с которой якобы близко сошёлся (утверждение, давно ставшее традиционным, но чем-то конкретным не подкреплённое), решил порвать с чекистами¹⁰. Тот факт, что Опперпут бежал в апреле 1927 года в Финляндию вместе с Марией, ещё не означал, что между ними обязательно было нечто интимно-личное. Л.В. Рассказова вполне резонно замечает по этому поводу, что отношения Марии «со Ставницем – это поединок двух разведчиков. И если Ставницставил своей целью подчинить Марию Владиславовну себе для контроля через неё за деятельностью и планами кутеповской организации, то ведь и Мария Владиславовна вполне реально могла иметь точно такие же цели. Он думал, что он её использует. Её же мыслей мы по этому поводу никогда не узнаем. Я предполагаю, что это была её личная, ни с кем не согласованная операция: выяснение, на чьей стороне играет Опперпут»¹¹.

За границей Опперпут обнародовал в прессе подоплётку операции «Трест». В результате всех этих событий весной – осенью 1927 года в эмигрантской прессе появилось большое количество статей, посвящённых разоблачениям Опперпутом деятельности КРО ОГПУ, в том числе и неблаговидной роли В.В. Шульгина в «Тре-



Александр Оттович Опперпут-Ставниц.
1920-е гг.

сте». Так, например, «Наша газета» по поводу письма анонима в редакцию газеты «Борьба за Россию» (1927. № 48), которого якобы знает С.П. Мельгунов, писала: «Весьма интересны сведения автора “письма” о поездке В.В. Шульгина, а также об отношении “Треста” к противобольшевистскому террору. “В свете последующих событий, конечно, ясно, что о поездке В.В. Шульгина ГПУ было прекрасно известно, но поспешные выводы некоторых газет о том, что Шульгин исключительно вращался среди чекистов, конечно, столь же неверны, сколь и оскорбительны для тех искренних патриотов, входящих в организацию “Треста”, из которых некоторые уже кровью запечатлели верность своим идеалам. Между тем поездка В.В. Шульгина ввиду некоторых подробностей ещё более усилила

наши подозрения, что в среде ‘Треста’ имеются агенты ГПУ”...»¹² В ответ с советской стороны в зарубежной печати был организован ряд публикаций, призванных поставить под сомнение искренность Опперпуга. В результате Опперпут, Захарченко-Шульц и те представители эмиграции, которые поверили «Тресту», оказались в сложной ситуации.

Опперпут решил действовать¹³. В своей книге Т.К. Гладков приводит текст «боевой экспозиции» Союза национальных террористов, которую Опперпут отоспал Кутепову: «Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5–10 человек, причём это необходимо сделать одновременно. <...> Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3–4 пароходов, гружёных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба <...> можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов. <...> Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставки нефтепродуктов и колоссальные неустойки... Для уничтожения личного



Мария Владиславовна Захарченко

состава компартии придётся главным образом применить культуру микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т.д.)... Культуры бацилл отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликёров и т. д.»¹⁴. Исследователь отмечает, что «этот поразительный по своему откровенному цинизму документ красноречивее самых убедительных изобличений показывает идеальный и моральный облик как своего автора – Опперпута, так и его новых соратников»¹⁵. Теперь Мария должна была проверить Опперпута в деле, а его личное участие в акции должно было подтвердить искренность его раскаяния.

Вместе с Захарченко-Шульц Опперпут тайно вернулся в СССР для проведения террористических актов. В ночь с 3 на 4 июня 1927 года они вместе с ещё одним боевиком совершили неудачный поджог общежития чекистов на улице Малая Лубянка, дом 3/6. Их попытка закончилась провалом, а Опперпут и Захарченко-Шульц скрылись, разделившись. Обнаруженные чекистами в Смоленской области беглецы оказались в безвыходном положении. Захарченко-Шульц, по одной версии, была смертельно ранена в перестрелке, а по другой – застрелилась, чтобы не сдаваться в плен.

По официальной версии Опперпут был убит, попав в окружение. Т.К. Гладков в своей книге сообщает о том, что впервые публикует следующий акт об этом событии: «1927 года. Июня 19 дня. На хуторе гражданина дер. Алтуховка МИХАЙЛОВА Кузьмы Гурьевича, Брилевского сельсовета, Гриневской вол., Смоленского уезда, мы, неподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что произведённой облавой сотрудниками ОО БВО (Особого отдела Белорусского военного округа), милиционерами конного резерва Смоленской губернии, красноармейцами артполка 64-й дивизии, крестьянами прилегающих деревень, в лощине, прилегающей к хутору Алтуховка, при оцеплении убит гр-н, преследуемый в течение последней недели, начиная от гор. Дорогобужа, станция Пересня, до места убийства. Приметы убитого: фуражка тёмно-зелёного цвета, полинявшая, с красноармейским значком, чёрный пиджак английского покроя, серые брюки в полоску, рубашка серая. При убитом обнаружены: 1) Документ на имя БОРИСОВА Николая Петровича, выданный Московским Советом за № 3844 от 27 апреля 1927 года, 2) Записная книжка в чёрной обложке, 3) пятьсот финских марок, 4) четырнадцать рублей 42 к. советскими знаками, 5) безопасная бритва, 6) чёрные открытые металлические часы, 7) золотой перстень клеймо «Ната», 8) маленький маузер № 348232, 9) к нему 4 патрона, 10) большой маузер № 46302, 11) к нему семнадцать патронов. Одежда убитого снята в целях опознания.

Подписали присутствовавшие:

Уполномоченный ОО БВО



Георгий Николаевич Радкович
(Радкевич). 1920-е гг.

Начальник конного резерва Смоленской губерниации

Член Брилевского сельсовета

Хозяин хутора

Присутствовавшие граждане»¹⁶.

По другой, маловероятной версии, Опперпут остался жив. Если его раскаяние перед белой эмиграцией было липовым, то вариантов его дальнейшей судьбы, разумеется, было больше, чем в том случае, если он был предателем. Один из членов боевой организации Кутепова, писатель и публицист С.Л. Войцеховский вспоминал: «Осенью 1944 года в Берлине генерал В.В. Бискупский рассказал мне, что в годы германской оккупации Киева немцами был разоблачён и расстрелян советский подпольщик, называвший себя Александром Коваленко и бароном фон Мантейфелем, но оказавшийся чекистом Опперпутом»¹⁷. Правда, есть документы, свидетельствующие об использовании имени Опперпута в 1927 году против «троцкистско-зиновьевской оппозиции» И.В. Сталина. Более подробно о них ещё будет сказано в своё время, а пока опять приведём мнение А.С. Гаспаряна: «Ясно одно: человек по фамилии Стааниц бесследно исчез летом 1927 года.

Он не мог не исчезнуть. Революция в первую очередь пожирает своих создателей. А «Трест» был своего рода революцией, по крайней мере, с точки зрения истории разведок. Поэтому и расстрелянные спустя десять лет Сыроежкин, Фёдоров, Артузов и все остальные участники этой операции не могли при всём желании убежать от судьбы...»¹⁸ А.А. Якушев будет арестован 14 декабря 1929 года (ордер на арест будет оформлен только 31 марта 1934 года). М.А. Тумпинский отмечает: «Никто из бывших руководителей Якушева не вступился за жизнь своего секретного сотрудника, хотя и Артузов, и Стырне, и Пузицкий работали в это время в центральном аппарате ОГПУ»¹⁹. 5 апреля 1934 года Якушев был осуждён на десять лет лишения свободы и в конце мая прибыл на Соловки. Здоровье его было сильно подорвано ещё в тюрьме, где у Якушева случился склероз сердца, на почве которого отнялась почти вся правая часть тела, в результате чего он провёл в лазарете Бутырского изолятора ОГПУ год и два месяца²⁰. Вечером 12 февраля 1937 года Якушев, находившийся на излечении в лагерном лазарете, скончался. Личное дело заключённого заканчивалось актом о том, что «...тело умершего заключённого Якушева... захоронено на Кремлёвском кладбище, на тело одета рубаха и кальсоны, на груди положена фамильная [т. е. с фамилией умершего. – A.P.] доска»²¹. 21 августа того же 1937 года расстреляют А.Х. Артузова. Его имя надолго будет предано забвению, а вот «операции «Трест» и «Синдикат-2» всегда изучали в закрытых учебных заведениях НКВД–НКГБ–МГБ как классические. Правда, без упоминания фамилии их автора и руководителя»²².

История с «Трестом» стала для Шульгина вторым «чёрным пятном» на репутации (первым было его участие в отречении Николая II). Василий Витальевич тяжело переживал это. Эта история не раз вспоминается и на допросах Шульгина подполковником Семёном Петровичем Кином (Сумким). «Я рассказывал ему, – вспоминал Шульгин, – что после моего провала с “Трестом” я вообще решил отказаться от всякой политики. Почему? Потому что человек, которого могли так провести, не годен был к политике.

Он улучил момент и вставил:

– Совершенно напрасно. Этот самый “Трест”, которым мы впоследствии завладели, сначала был настоящей контрреволюционной организацией, очень сильной и смелой. По некоторым признакам, они находились в тесной связи с английской “Интеллиджанс Сервис”. Так что вам нечего стыдиться, никакого провала не было»²³. Впоследствии, под воздействием слов Кина, Шульгин предложит собственную версию этих событий: «Я думаю, что преждевременно называть “Трест” легендой, созданной чекистами ради провокации. Быть может, когда-нибудь окажется, что чекисты того времени играли на две стороны.

Шла тайная, но жестокая борьба между двумя претендентами на власть – Троцким и Сталиным. Тогда ещё не было известно, кто победит. Под крыльышком Троцкого собирались самые различные антисоветские и антисталинские группировки. Якушев определённо опасался Сталина… Якушев был несомненным троцкистом в том смысле, что он считал Троцкого умным и деловитым²⁴. Нерешённая в то время борьба между Троцким и Сталиным должна была влиять на тогдашних чекистов. Об этом можно думать, учитывая, например, роль Ягоды, одного из руководителей ОГПУ, расстрелянного Сталиным впоследствии… Чекисты заколебались, не зная, кто победит, и на всякий случай



Александр Александрович Якушев.
1920-е гг.

пригревали и троцкистов. Троцкий покровительствовал Якушеву²⁵, а поэто-му последний и не боялся ВЧК»²⁶.

Для Шульгина эта версия была утешением. В 1973 году он пояснял, что сначала «Трест» был «честной» контрреволюцией и, якобы, имел связи с польским правительством и «Интеллиджанс Сервис». Круг замкнулся, и советский офицер, уверенный в контрреволюционной сущности «Треста», дал подследственному Шульгину веру в то, что тот не был послушной игрушкой в руках чекистов и придуманной ими изначально ложной «монархической» организации.

Агурский выдвигает свою версию событий: «Преследовало ли ГПУ в деле Шульгина лишь цель дезинформировать белую эмиграцию? Безусловно, да! Но важно то, какая форма

была придана дезинформации. Она показывала, что органы ГПУ были отлично осведомлены о том, что могла принять эмиграция в качестве условиянейтрализации. ГПУ рассчитывало даже вызвать эмиграцию на сотрудничество. В этот период Сталин вряд ли настолько контролировал ГПУ, чтобы эту организацию можно было заподозрить в намеренной фабрикации такого рода идеологии по его заказу. Это была скорее макиавеллистская затея ГПУ, однако имевшая разные потенции и отражавшая готовность идти на различные политические компромиссы, что представляло благодарную почву для любой трансформации советской системы»²⁷.

История с «Трестом» не лучшим образом повлияла на авторитет Шульгина в эмиграции, но это не значит, что он окончательно ушёл на покой. Впереди будет ещё много событий. В итоге Шульгин от судьбы убежал, умерев в своей постели в 1976 году. О причинах столь благосклонного отношения к нему Фортуны можно только догадываться.

Примечания:

¹ В СССР отслеживали реакцию Шульгина. См.: «Сводка бело-эмигрантской прессы № 38–40. 19 октября 1927 г. Информационный отдел ЦК ВКП(б) // Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М., 2010. С. 341–356.

² Рассказова Л.В. Беспрерывный подвиг. Биографический очерк. М., 2008. С. 7.

³ Коншин М. Владимирские дни и годы В.В. Шульгина. Владимир, 2007. С. 17.

⁴ Янчаускас Т. Кавалерист-девица Мария Захарченко // Международная конференция «Предпосылки Первой мировой войны»: сборник докладов (9–11 июня 2013 г., Вильнюс). Вильнюс, 2013. С. 170–175.

⁵ Рассказова Л.В. Беспрерывный подвиг. С. 20–21.

⁶ Цит. по: Там же. С. 53.

⁷ Цит. по: Там же.

⁸ На допросе в 1945 году Шульгин вспоминал: «В беседах со мной она выражала большое восхищение личностью Якушева

и высказывала большие надежды на развитие деятельности организации “Трест”. Одновременно с этим она жаловалась на то, что перегружена секретарской работой в этой организации, главным образом конспиративной корреспонденцией. И действительно, я наблюдал, что через неё проходит большое количество материалов организации» // Тюремная одиссея… С. 179.

⁹ «Мария Владиславовна за истёкшее время успела охладеть к личности Якушева и стала восторженно отзываться о другом участнике организации – об Опперпуте. Она исходила из того, что Якушев поддерживал мою линию, рассчитанную на длительную подрывную работу против Советской власти, в то время как Опперпут был сторонником немедленного взрыва Советской власти. Эти же позиции поддерживала и Мария Владиславовна Захарченко-Шульц… Кутепов так же, как и я, находил, что Якушев прав, и мы не могли никак понять, какими силами Опперпут и Мария Владиславовна располагают, чтобы взорвать Советскую власть. А её объяснение по этому поводу звучало крайне неубедительно» // Тюремная одиссея… С. 180.

- ¹⁰ Подтвердить или опровергнуть, что эта женщина настолько повлияла на Опперпута-Стауница, что он под влиянием любви к ней совершил измену, невозможно.
- ¹¹ Рассказова Л.В. Беспрерывный подвиг. С. 106.
- ¹² Новые данные о «Тресте» и Опперпуте // Наша газета. 1927. 27 октября.
- ¹³ Остаётся вопрос, действовал ли Опперпут-Стауници как предатель, который, порвав с советскими спецслужбами, хотел загладить вину перед белой эмиграцией, или сделанное им разоблачение «Треста» было частью продуманного плана. «Большинство исследователей склоняются к тому, что это было завязкой новой провокации ОГПУ, и “раскаяние” Э.О. Опперпута было необходимо для того, чтобы не утратить чекистский контроль за действиями боевой организации Кутепова» (Рассказова Л.В. Беспрерывный подвиг. С. 97). Б.В. Прянишников полагает: «Устами Опперпута ОГПУ разоблачило свои “трестовские” деяния и тем нанесло противникам коммунизма потрясающий психологический удар» (Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 174). Шульгин отмечал, что провал «Треста» был «великий скандал» для Кутепова.
- ¹⁴ Гладков Т.К. Награда за верность – казнь. М., 2000. С. 264–266.
- ¹⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁶ Там же. С. 268.
- ¹⁷ Войцеховский С.Л. «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / сост., науч. ред., предисл. и comment. С.В. Волкова. М., 2005. С. 59.
- ¹⁸ Гаспарян А.С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М., 2008. С. 216.
- ¹⁹ Тумишис М.А. ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 48.
- ²⁰ Там же. С. 49.
- ²¹ Цит. по: Там же. С. 54.
- ²² Гладков Т.К. Награда за верность – казнь. С. 568.
- ²³ Шульгин В.В. Пятна / предисл. и публ. Р.Г. Красюкова // Лица. Биографический альманах. Т. 7. М.; СПб., 1996. С. 331. Интересна в этой связи судьба А.А. Лангового (1896–1964), который тоже участвовал в операции «Трест» (номинальный руководитель евразийского движения в СССР). Он был арестован 26.06.1939 года. В 1939–1940 годах находился под следствием. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 07.04.1940 года осуждён за участие в военном заговоре на восемь лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Повторно арестован после отбытия заключения 12.01.1949 года. 02.04.1949 года осуждён ОСО при МГБ СССР к высылке на поселение за шпионаж. Реабилитирован, восстановлен в КПСС. См.: Панченко М.Ю. Политическая история евразийского движения 1926–29 гг. Фракционная борьба и кламарский раскол. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 316–317. «Одним из эпизодов, инкриминировавшихся А.А. Ланговому в 1939–40 гг. и позднее, являлось участие в операции “Трест”. Данную агентурную разработку следователи рассматривали в качестве конспиративной структуры, созданной оппозиционными элементами ОГПУ и РККА для установления связи с иностранными разведками и эмигрантскими организациями» (Там же. С. 32–33. Выделено мной. – А.Р.).
- ²⁴ Ср. с показаниями Шульгина на допросе 15 января 1945 года: «Особо характерным в поведении Якушева было высказанное им сожаление по поводу того, что он не может меня связать с Троцким, которого он рассматривал как “государственного деятеля большого ума”. В этом же разговоре он неожиданно поставил такой вопрос: “Вы знаете, что такое “Трест” [?]”. Отвечая на него, заявил: “Трест” – это измена Советской власти, которая поднялась так высоко, что вы не можете себе этого представить». Фраза эта звучала несколько загадочно, но, несмотря на это, Якушев комментировать её не стал» // Тюремная одиссея... С. 178.
- ²⁵ Ср. с показаниями Шульгина на допросе 29 июня 1946 года: «Сейчас я подчёркиваю, что при второй встрече со мной в Москве Якушев заявил о том, что возглавляемая им антисоветская организация “Трест” ставит себе в задачу свергнуть Советскую власть путём дворцового переворота. Из соображений конспиративности я не спрашивал Якушева о планах намечавшегося дворцового переворота, однако из его слов мне было понятно, что Якушев делает ставку на Троцкого. Якушев очень хвалил Троцкого и предлагал мне устроить встречу с Троцким, но в конце концов не решился, заявив, что это слишком опасно» // Тюремная одиссея... С. 243.
- ²⁶ См.: Шульгин В.В. Трест (История возникновения книги «Три столицы») // Три столицы. М., 1991. С. 388–389.
- ²⁷ Азурский М.А. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 226.

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Моё знакомство с тамиздатом и самиздатом

Конечно, всё началось с самиздата. Только название это я узнал несколькими годами позже. В 1973 или в 1974 году знакомый дал моим родителям почтить машинописный текст. Спустя некоторое время я обнаружил его в кипе газет. Видно, кто-то из родителей, читая, отложил на стопку газет, а потом подзабыл. Я начал читать. Не сразу, но до меня дошло, что это воспоминания Светланы Сталиной. От родителей я слышал, что у И.В. Сталина были два сына и дочь. Старшего сына Якова Сталина я запомнил по эпизоду с его участием в киноэпопее «Освобождение» (фильм первый «Огненная дуга»). Про его младшего брата Василия старшие говорили, что он был военным лётчиком и пьяницей. Закончил свою жизнь в больнице. А про Светлану я как-то краем уха слышал, что она сбежала за границу. Поскольку все они были детьми Сталина, то и воспринимал я их как Сталиных, а не Аллилуевых.

За этим чтением меня и застукал отец. Он отобрал листы с текстом и довольно строго предупредил, чтобы

я об увиденном помалкивал. Вот так, в возрасте 13 или 14 лет, состоялось моё знакомство с самиздатом, с машинописной копией четвёртой или пятой «свежести» книги С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу».

Прочитанные страницы произвели впечатление вполне безобидного текста. Описывался дачный посёлок, в котором отдыхали советские вожди, включая Сталина. При этом почему-то я обратил внимание на незнакомую фамилию Бухарин. После чтения Светланы Сталиной у меня появилось смутное ощущение, что с этим человеком связана большая тайна или, вернее сказать, какая-то нехорошая история.

К своим годам я уже хорошо знал, что при Сталине в нашей стране, какой был тогда для меня Советский Союз, людей ни за что сажали в тюрьмы и расстреливали. С 6-7 лет я начал собирать почтовые марки. В моей коллекции были марки с портретами-миниатюрами репрессированных в 1937–1938 годах советских военачальников М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, П.Е. Дыбенко, Г.Д. Гая, В.К. Блюхера – и об их участи

я хорошо знал. Попали ко мне и марки с портретами советских партийных и государственных деятелей П.П. Постышева, К. Икрамова, С.В. Косиора, и родители мне рассказали, что при Сталине их посадили и расстреляли. Но фамилию Бухарина я никогда раньше не слышал. По словам же Сталиной-Аллилуевой, Бухарин был крупным советским деятелем. Но спросить у родителей об этом человеке я не рискнул. Чуть позже я вспомнил, что фамилия Бухарина упоминается в романе Г. Коновалова «Истоки»: «Сталин рассеяно слушал доклад секретаря, а в это время перед его мысленным взором проходили златозубый писклявый вертун Зиновьев, выпивоха Рыков, заика Бухарин и прочие оппозиционеры, расстрелянныес несколько лет тому назад».

Примерно тогда же, когда состоялось моё знакомство с «Двадцатью письмами» С. Аллилуевой, я услышал фамилию Солженицына. Краем уха то ли по радио, то ли по телевизору и в сочетании со словосочетанием «Архипелаг ГУЛАГ». Причём мой слух воспринимал это словосочетание как одно слово. Что это был за архипелаг? В каком море или океане? Мне было непонятно. И на этот раз у меня создалось представление, скорее всего, просто появилось смутное ощущение, что это какой-то строго засекреченный остров где-то в Северном Ледовитом океане, и там происходит что-то тайное и очень нехорошее. Самого Солженицына советское радио и телевидение называло «предателем» и «власовцем». Опять же благодаря киноэпопее «Освобождение» я хорошо запомнил бывшего советского генерала в очках, который уговаривал советских военнопленных, томящихся в фашистской неволе, вступать в его армию предателей.

Прошло несколько лет. Я с грехом пополам окончил среднюю школу и с пятой попытки поступил в институт. Поскольку дневные вузы с их конкурсами по десять-одиннадцать абитуриентов на место мне были явно «не по зубам», то вторая по счёту попытка поступить на вечернее отделение Московского государственного заочного педагогического института (МГЗПИ) оказалась удачной. На дворе стояла осень 1980 года.

В первом семестре у всех советских студентов-первокурсников дисциплиной № 1 была История КПСС. Напомню, что в канун нового 1980 года произошло вторжение советских войск в Афганистан, и, как следствие, начался новый раунд холодной войны. Соответственно, обострилась идеологическая борьба. Это обстоятельство нашло отражение в лекциях и семинарах по истории КПСС.

О самиздате я впервые услышал в курилке моего института. Самым старшим среди студентов был некто Сан Саныч, про которого говорили, что он работает заместителем директора городского Дворца пионеров на Ленинских (ныне Воробьёвых) горах. Ему было около пятидесяти лет. Вот он и упомянул в разговоре слово «самиздат», причём в контексте событий, происходивших на международной арене. Может, в ходе обсуждения войны в Афганистане, а может, – Польской народной республики, где в то время набирали силу протестные акции независимого профсоюза «Солидарность».

Независимо от чтения самиздата и тамиздата, в

середине 1980-х годов я приобрёл свой собственный опыт самиздатовской деятельности. Дело в том, что по случаю успешного окончания института мама купила мне в подарок миниатюрную пишущую машинку «Любава». Довольно скоро я её освоил, и процесс пошёл. Мой первый опус назывался «Все вместе. Джон Леннон и его время». Он представлял собой что-то вроде хроники событий 1968–1975 годов. Факты из истории «The Beatles» и их сольных карьер в первой половине 1970-х давались на фоне исторических событий тех лет: война во Вьетнаме, культурная революция в Китае, парижский красный май, молодёжная революция в странах Запада, цитаты из песен того времени и прочее. Материал для своего «бестселлера» я черпал из советских газет и журналов, в первую очередь, из «Ровесника». Труд был написан отчасти в советском ключе, отчасти в духе «новых левых». Тем не менее, с учётом дефицита такой литературы в СССР мой опус имел определённый успех.

Через копирку я его печатал сразу в нескольких экземплярах. К каждому экземпляру вырезал из журналов соответствующие тексту иллюстрации и делал из них коллажи. Ими иллюстрировался текст. Тираж рукописи составил 10 машинописных экземпляров. Два экземпляра я подарил моему дальнему родственнику, который увёз их в Казань. Один презентовал при встрече знакомой девушке – жительнице Петербурга, в ту пору Ленинграда. Экземпляр оставил на память себе (надо поискать), остальные раздарил друзьям и знакомым в Москве.

Одной из причин, побудивших меня взяться за рукопись, стали публикации в «Комсомольской правде», направленные своим остиром против самиздатовских музыкальных изданий. Одна из таких статей называлась «Чтиво из подворотни», и ругали в ней самопальные рок-музыкальные журналы «Урлайт» и «Ухо».

Знакомство с тамиздатом относится к лету 1982 года. Тогда я гостил у дальней родственницы в Ужгороде. Помимо прочих городских достопримечательностей я посетил музей атеизма, который размещался в бывшем православном храме. Под стеклом в витрине были разложены подрывные антисоветские издания, которые агенты иностранных разведок пытались пронести из-за границы в СССР. Прочитав такие газеты, книжки, журналы, простодушные советские граждане оказываются игрушками в руках западных спецслужб и их агентов, становясь на скользкий путь изменения родине. Запомнилось название одного из этих страшных антисоветских изданий – «Посев».

Прошло несколько лет. Успешно окончив институт, я приступил к работе по специальности в школе в спальном районе на северо-востоке Москвы. Заканчивался 1985 год. Ещё в первой четверти я познакомился с моим новым коллегой, учителем французского языка. Мы оказались ровесниками. Видимо, я вызвал у него доверие, потому что он мне дал почтить уже в конце первого учебного полугодия книгу А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Примерное содержание этой книги я знал со слов моего однокурсника, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз у-

лышать. Издание Солженицына было ещё то – советское, начала или середины 1960-х годов. А чуть позже мой новый знакомый дал почитать книгу белогвардейского генерала Д.В. Филатьева (1866–1932) «Катастрофа Белого движения в Сибири», изданную YMKA-press в Париже на русском языке. Год издания не помню. Какое впечатление книга произвела на меня? Это была попытка автора разобраться, почему Белое движение в Сибири потерпело поражение. При этом он довольно критично отзывался о своих сослуживцах, включая адмирала А.В. Колчака. В адрес большевиков и советской власти никаких ругательств и проклятий не было.

Прошло ещё несколько лет, и то, что вчера было самиздатом и тамиздатом, стало общедоступным. У стендов «Московских новостей» в центре Москвы, на углу нынешней Тверской и Страстного бульвара, и у Казанского собора на Невском проспекте в Петер-

бурге, донашивавшем в те годы имя вождя мирового пролетариата, продавали или бесплатно распространяли самопальные листовки, из-за которых совсем недавно можно было попасть в крупные неприятности. Ещё немного, и на полках книжных магазинов стали появляться книги, прежде запрещённые советской цензурой. Самиздат и тамиздат становились историей.

А машинописный текст «Двадцати писем к другу» я обнаружил уже после кончины отца в папке с тесёмками, в которой он хранил пожелавшие от времени старые советские газеты начала 1960-х годов с докладами делегатов самого антисталинского XXII съезда КПСС, состоявшегося в 1961 году. Ведь даже эти газеты были убраны в спецхраны библиотек в застойные 1970-е годы. И выписки из них автоматически становились самиздатом.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Памяти друга

8 июля 2018 года во французском городке Монферра (Montferrat) на руках своей супруги Валентины скончался один из старейших членов НТС Василий Архипович Соколов.

Он родился 3 января 1921 года в станице Попутная на Кубани. Ещё не родившись, преследовался Советской властью: его мать была женой белогвардейца, эвакуировавшегося с Русской армией генерала П.Н. Врангеля на о. Лемнос. Обоим пришлось перетерпеть немало гонений и преследований: расказачивание, раскулачивание. Переписка с отцом была недолгой, потом и она прекратилась.

Далее пришла немецкая оккупация. Молодой Василий поступил добровольцем в казачьи части Вермахта, с которыми отступил на Запад. В конце 1944 окончил в Потсдаме курсы пропагандистов, продол-



жив службу в чине подхорунженого.

Тогда мы ещё не были знакомы, наши пути сошлись в конце войны. Мы оба бежали от выдачи советским органам СМЕРШа и очутились в лагере Парш в Зальцбурге, где уже собралась большая группа НТС. В 1946 году он был принят в Союз. С этих пор мы часто встречались, то по союзной работе, то по дружбе. С 1962 года Соколов неизменно выбирался членом Руководящего Круга НТС. Василий долгие годы работал по союзной линии в Париже, там он встретился со своим отцом, и там мне приходилось лечить его первую жену Нину до её кончины, затем быть шафером на свадьбе с новой супругой Валентиной. Наши семьи дружат до сих пор.

Прощай, дорогой Друг, до близкой встречи.

Владимир Флёрёв

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

В журнале № 7 за 2018 год в рубрике «Письмо в редакцию» в статье Иннокентия Хлебникова «Курганский Богородице-Рождественский собор – заложник произвола и беззакония» допущена ошибка.

Предложение:

В Государственном архиве Курганской области хранятся все Метрические книги Собора, за исключением 1918 года, в которых записаны погребения погибших в годы Гражданской войны воинов как белой, так и красной армий, в том числе погребение в братской могиле в цинковых гробах возле Собора в Соборном сквере 28 офицеров Русской армии и трёх добровольцев, павших в боях с красногвардейцами под Екатеринбургом и Алапаевском с 11 июля по 3 октября 1918 года.

следует читать

В Государственном архиве Курганской области хранятся все Метрические книги Собора, за исключением 1898 года и т. д.

В журнале № 10 за 2018 год в рубрике «Выходит из печати» в отрывке из мемуаров Е.Г. Булюбаша «Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе»

Не хватает сносок:

¹ Воспоминания Е.Г. Булюбаша датируются 1962 годом – Прим. ред.

² Речь, вероятно, идет об «Очерках русской смуты» А.И. Деникина, впервые опубликованных в Париже и Берлине в 1921–1926 годах. – Прим. ред.

Первый номер общественно-политического журнала

ПОСЕВ

вышел 11 ноября 1945 года в беженском лагере Менхегоф в Германии
с 1992 года издаётся в России

ПОДПИСКА В РОССИИ

Дорогие подписчики!
В 2019 году журнал будет выходить один раз в два месяца (6 номеров в год),
объём каждого номера увеличится до 64 страниц:

просим присыпать денежным переводом 590 руб.
за 3 выпуска в полугодие или 1180 руб. за год
на адрес: 127051, Москва, ул. Петровка, 26/2-96,

Кузнецовой О.А. (для «Посева»).

В переводе не забудьте указать фамилию и адрес,
включая индекс почтового отделения.

Подписку можно также оформить лично,
придя в редакцию.

Подписка принимается на 2019 год.

Наш телефон в Москве:
(495) 625-9248

или оформить подписку через Сбербанк РФ
по образцу:

наименование получателя платежа:

НП «Посев»

ИНН получателя платежа: 7707278451 КПП 770701001

номер счета получателя платежа: 40703810938320100415

Банк и банковские реквизиты: ПАО «Сбербанк России»

г. Москва

к. сч. 3010181040000000225 БИК: 044525225

ОКАТО 1145286585

наим. платежа: Посев – I п/г 2019 г. сумма: 590 руб.

Не забудьте указать ФАМИЛИЮ, ПОЧТОВЫЙ
ИНДЕКС И АДРЕС на обратной стороне квитанции

ПОДПИСКА ИЗ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ЗАКАЗ:

a) Possev-Verlag GmbH Flurscheideweg 15, D 65936 Frankfurt; b) e-mail: possev-ffm@t-online.de
c) phone: 0049 69-341265; d) fax: 0049 69-343841

Сообщите:

Имя, фамилию, точный адрес. Название, номер и дату истечения срока Вашей кредитной карточки.

Хотите ли Вы получать «Посев» авиа- или простой почтой.

2. Отправьте записку по адресу: POSSEV GmbH, D-65936 FRANKFURT A. M., FLURSCHEIDEWEG 15

Вы также можете сообщить эти данные в Германии по телефону: 49 69-341265.

Мы снимем причитающуюся нам сумму без дополнительных расходов для Вас.

Мы принимаем American Express, Visa, Euro/Mastercard, Diners Club.

3. При оплате чеком или банковским переводом Вы оплачиваете сбор за перевод.

Для этого к сумме счёта надо добавить 20 евро.

Наш адрес для почтового перевода:

Postbank Frankfurt: Konto Nr. 33461-608 BLZ 500 100 60
IBAN DE53 5001 0060 0033 4616 08 BIC PBNKDEFF

Личные чеки выписывать на POSSEV GmbH.

4. В любом случае Ваша подписная плата за год (без банковского сбора):

68 евро для европейских стран (80 для других стран мира) будет автоматически сниматься со счета Вашей кредитной карточки, пока не истечёт её срок или Вы не откажетесь от подписки.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, КОТОРЫЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В НАШЕЙ РЕДАКЦИИ

Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода

Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода /
сост., вступ. ст., прим. и коммент. Н.А. Кузнецова, Д.А. Тимохиной. – М.: НП
«Посев», 2018. – 452 с. ил.

В сборник, приуроченный к столетию легендарного Первого Кубанского («Ледяного») похода, вошли воспоминания его непосредственных участников – генералов Е.Г. Булобаша (1873–1967) и С.М. Трухачева (1879–1942), общественного и политического деятеля Н.Н. Богданова (1875–1930) и морского офицера Б.Я. Илькова (1889–1944). Публикуемые мемуары открывают малоизвестные страницы истории одного из ключевых эпизодов начального периода существования Добровольческой армии – похода, в котором, по словам генерала А.И. Деникина, «всё – в области духа и творимого подвига».

Они охватывают события конца 1917 – первой половины 1918 гг., развернувшиеся на Украине, Дону и Кубани, подробно иллюстрируют сюжеты, связанные с принципами формирования Добровольческой армии, её социальным составом, финансированием, взаимоотношениями с казачеством, а также непосредственно ход боевых действий. Рукописи этих воспоминаний хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Книга предназначена для специалистов-историков, студентов и аспирантов, а также для всех интересующихся историческим прошлым России и историей Белого движения.



Цена – 540 рублей (по предоплате)

Зиновьев Л.А. «В огне трёх революций: Воспоминания»

– М.: Русский путь, 2017. – 312 с., цв. вкл. 36 с.

Публикующиеся впервые воспоминания Льва Александровича Зиновьева (1882–1958), военного, государственного деятеля, предпринимателя, были написаны в 1942 году в Лондоне – в эмиграции, где семья Зиновьевых в итоге оказалась после революционных событий 1917 года. Мемуары повествуют об истории семьи, многие представители которой отличались на военном и государственном поприще. Л.А. Зиновьев вспоминает о своей юности в усадьбе Копорье и учёбе в Пажеском корпусе; работе уездным предводителем дворянства и службе в Красном Кресте, своей предпринимательской деятельности во главе семейного дела «Д. Зиновьев и Ко» и работе в 4-й Государственной думе, депутатом которой он был. Автор также рассказывает о послереволюционной борьбе за независимость Эстонии, где Зиновьевы жили после того, как вынуждены были навсегда покинуть Россию.

Во вступительной статье к мемуарам внуку Л.А. Зиновьева Себастьяни Кириллович Зиновьев-Фишлайон вспоминает о своём деде, которого он знал будучи ребенком.

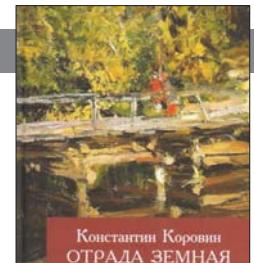
В книге представлены фотографии, главным образом из семейного архива С.К. Зиновьева-Фишлайона, большая часть которых публикуется впервые. Цена – 650 рублей (по предоплате)

Коровин К.А. «Отрада земная: Мемуары. Рассказы об Охотине»

– М.: Русский путь, 2018. – 328 с., цв. вкл. 12 с., ч/в вкл. 8 с.

Сборник составили мемуары и рассказы выдающегося мастера живописи Константина Коровина (1861–1939), яркий и самобытный литературный талант которого открылся в эмиграции. Написанные вдали от родины, в изгнании проза художника зrimo представляет просторы, краски и запахи родного края. Коровинские рассказы посыпаны русской природой, церковным праздниками, быту старой Москвы, жизни в охотинской деревенской глупши, русскому человеку и русской действительности.

Цена – 650 рублей (по предоплате)



Константин Коровин
ОТРАДА ЗЕМНАЯ

Заказы на книги отправляйте по адресу: 127051, Москва, Петровка, 26-2-96

Кузнецовой Оксане Артуровне

Тел./факс (495) 625-9248, E-mail: posevu@gmail.com